

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

3 (6) 2014
october

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)
Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)
Editorial address: 620041, Ekaterinburg,
3, Zheleznodorozhnikov st., office 207
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Frequency: 4 times a year

Editor-in-Chief

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Zaks

The editorial board:

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Myasnikova
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Candidate of Engineering, Associate Prof. A. V. Agenosov
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. S. D. Balmayeva
Doctor of Philological Sciences, Prof. I. N. Borisova
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. A. Brandt
Doctor of Political Sciences, Associate Prof. S. I. Glushkova
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. A. V. Drozdova
Doctor of Psychological Sciences, Associate Prof. O. Y. Zotova
Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. K. I. Zubkov
Doctor of Psychological Sciences, Associate Prof. I. S. Krut'ko
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. S. A. Mitsek
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. E. B. Mitsek
Doctor of Psychological Sciences, Prof. E. B. Perelygina
Candidate of Sociological Sciences S. A. Ramzina
Candidate of Pedagogical Sciences L. V. Rosnovskaya
Doctor of Legal Sciences A. P. Semitko
Doctor of Legal Sciences, Prof. M. N. Semyakin
Doctor of Economic Sciences N. V. Khmelkova
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Prof. G. A. Yamaletdinova

The editorial Council

Doctor of Historical Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. V. Alekseev
prof. Ives Hamant (France)
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. V. Boldygin
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. E. Burbulis (Moscow)
Candidate of Arts, Prof., Member of the Russian Academy of Arts S. V. Golynets
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. G. Y. Zborovskiy
E. Kiseleva–Castells, Ph. D (Spain)
Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. N. Rudenko
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. A. M. Rutkevich (Moscow)
Doctor of Physical and Mathematical Sciences A. M. Taras'ev

Head of Editorial Office

M. M. Volkova

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3 (6) 2014
октябрь

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Учредитель: НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207.

E-mail: ektbriogu@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор

д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс

Редакционная коллегия

д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
(заместитель главного редактора)

канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов

канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева

д-р филол. наук, проф. И. Н. Борисова

д-р филос. наук, доцент Г. А. Брандт

д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова

канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова

д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова

канд. ист. наук, доцент К. И. Зубков

д-р психол. наук, доцент И. С. Крутько

д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек

д-р экон. наук, доцент Е. Б. Мицек

д-р психол. наук, проф. Е. Б. Перелыгина

канд. социол. наук С. А. Рамзина

канд. пед. наук Л. В. Росновская

д-р юр. наук А. П. Семитко

д-р юр. наук, проф. М. Н. Семякин

д-р экон. наук Н. В. Хмелькова

д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова

Редакционный совет

д-р ист. наук, проф., академик РАН В. В. Алексеев

проф. Ив Аман (Франция)

канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин

канд. филос. наук, доцент Г. Э. Бурбулис (Москва)

канд. искусствоведения, проф., академик РАХ С. В. Голынец

д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский

Э. Киселева–Кастельс, Ph. D (Испания)

д-р юр. наук, проф., член-корреспондент РАН В. Н. Руденко

д-р филос. наук, проф. А. М. Руткевич (Москва)

д-р физ.-мат. наук А. М. Тарасьев

Заведующая редакционно-издательским отделом

М. М. Волкова

Вестник Гуманитарного университета / редкол. : Л. А. Закс, Л. А. Мясникова и др. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2014. – № 3 (6).

ISSN 2308-8117

Разделы журнала соответствуют основным направлениям научных исследований Гуманитарного университета:

1. Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления (психология, реклама и PR, управление персоналом).
2. Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели (экономика, информационные технологии).
3. Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира (юриспруденция, политология, регионоведение, история).
4. Мир культуры: субъекты, институты, практики (философия, культурология, искусствоведение, теория и методика физической культуры, журналистика, моделирование и конструирование одежды, сервис и туризм).
5. Образование как социальный институт (социология).

Содержание

Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели	9
<i>Мецгер А. А., Дружинина Е. И.</i> Институт квалифицированного инвестора как элемент корпоративного управления инвестиционным фондом.....	10
<i>Панасова Е. П.</i> Разработка раскладки клавиатуры переносного компьютерного устройства как междисциплинарная задача: постановка проблемы (на примере проекта «Октодон»).....	20
«Молодые голоса»	29
<i>Маркова И. В.</i> Проблемы составления и реализации бизнес-плана в интернет-торговле.....	30
<i>Гончарова Н. А.</i> Методы управления затратами: генезис и современные подходы.....	38
<i>Крутеева О. В.</i> Роль художественных галерей Екатеринбурга в сохранении и развитии культурного наследия Урала.....	46
<i>Шумихина М. Н.</i> Политический миф: жизнь, забвение, культурная память.....	53
Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира (юриспруденция, политология, регионоведение, история)	59
<i>Архипов С. И.</i> Проблема владения в праве.....	60
<i>Денисов С. А.</i> Конституционность федерального законодательства о местном самоуправлении.....	71
<i>Суворов Д. В.</i> «Зависимое развитие» и «навязанная модернизация».....	82
<i>Андреева Е. В., Вискребенцев И. С.</i> Формирование информационно-манипулятивной демократии в России.....	88
Мир культуры: субъекты, институты, практики (философия, культурология, искусствоведение, теория и методика физической культуры, журналистика, моделирование и конструирование одежды, сервис и туризм)	105
<i>Бакеева Е. В.</i> Онтологический контекст идеологии рейтинга.....	106
<i>Игнатова Н. Ю.</i> Человеческий образ: возможности и последствия социальных экспериментов...112	
<i>Болдыгин Г. В.</i> И. Кант о специфике <i>теоретического</i> и <i>практического</i> видов познания (статья первая).....	120
<i>Смирнова Т. В.</i> Проблема взаимосвязи религиозного и светского начал в человеке.....	137

<i>Смолина Н. С.</i>	
Трансформации ностальгического дискурса о «советском» в постсоветском пространстве.....	142
<i>Фаленкова Е. В.</i>	
Духовный путь странника в философско-художественном творчестве Л. Н. Толстого.....	149
О редколлегии.....	155
Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета».....	158

Contents

The optimization of Russia's Economy Management: finance, economic, mathematical and computer models (Economics, Information Technologies)	9
<i>Metzger A. A., Druzhinina E. I.</i>	
The Institute of a Qualified Investor as a Corporate Governance Element of the Investment Fund.....	10
<i>Panasova E. P.</i>	
Developing Keyboard Layout for a Laptop Computer as an Interdisciplinary Challenge: Initiating the Issue (the example of Octodon Project)	20
«Young Voices»	29
<i>Markova I. V.</i>	
Business Plan Drafting and Implementation Problems in E-Commerce.....	30
<i>Goncharova N. A.</i>	
Methods of Cost Management: Genesis and Modern Approaches.....	38
<i>Kruteyeva O. V.</i>	
Ekaterinburg Art Galleries and their Role in Safeguarding and Promotion of the Ural Cultural Heritage.....	46
<i>Shumikhina M. N.</i>	
The Political Myth: its Life, Oblivion, Cultural Memory.....	53
The World of Culture: Subjects, Institutions, Practices (Philosophy, Culturology, Arts, Physical Culture, Journalism, Fashion Design, Service and Tourism)	59
<i>Arkhipov S. I.</i>	
Legal Issues of Possession.....	60
<i>Denisov S. A.</i>	
Are the Federal Statutes Establishing Local Self-Government Constitutional?.....	71
<i>Suvorov D. V.</i>	
«Dependent Development» and «Forcible Modernization».....	82
<i>Andreeva E. V., Vyskrebentsev I. S.</i>	
Development of Information-Manipulating Democracy in Russia.....	88
The world of Culture: subjects, institutions, practices (Philosophy, Culturology, Arts, Physical Culture, Journalism, Fashion Design, Service and Tourism)	105
<i>Bakeyeva E. V.</i>	
Ontological Context of Rating Ideology.....	106
<i>Ignatova N. U.</i>	
Opportunities and Implications of Social Experiments.....	112
<i>Boldygin G. V.</i>	
I. Kant on the Nuances of <i>Theoretical</i> and <i>Practical</i> Cognition (<i>Article One</i>).....	120
<i>Smirnova T. V.</i>	
The Problem of Religious and Secular Principles Relation in Man.....	137
<i>Smolina N. S.</i>	
Transforming Nostalgic Discourse of «the Soviet» in Post-Soviet Environment.....	142
<i>Falenkova Y. V.</i>	
Spiritual Journey of a Wanderer in L. Tolstoy's Philosophical and Artistic Creation.....	149
About Editorial Board	155
Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	158

**Оптимизация управления
экономикой России:
финансово-экономические,
математические
и информационно-компьютерные модели**

УДК 336.7

Мецгер Александр Альбертович

канд. техн. наук, генеральный директор ЗАО
«Управляющая компания» (г. Екатеринбург)
E-mail: metzger@azkapital.utk.ru

Дружинина Елена Ильинична

контролер – заместитель генерального
директора, ЗАО «Управляющая компания»
(г. Екатеринбург)

Metzger Alexander Al'bertovich

Candidate of Engineering,
Director-General, ZAO «Upravlyauschaya
companya» (Ekaterinburg)

Druzhinina Elena Ilyinichna

Comptroller Deputy Director-General,
ZAO «Upravlyauschaya companya»
(Ekaterinburg)

**ИНСТИТУТ
КВАЛИФИЦИРОВАННОГО
ИНВЕСТОРА КАК ЭЛЕМЕНТ
КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ИНВЕСТИЦИОННЫМ ФОНДОМ**

**THE INSTITUTE OF A QUALIFIED
INVESTOR AS A CORPORATE
GOVERNANCE ELEMENT
OF THE INVESTMENT FUND**

Аннотация

Рассматриваются вопросы организации корпоративного управления в инвестиционных фондах. Показана возможность выделения моделей корпоративного управления в зависимости от характера инвестиционного рынка и состава инвесторов фонда. Сформулированы направления по изменению регулирования паевыми инвестиционными фондами. Предложены изменения в действующее законодательство, которые обеспечивают повышение эффективности фондов и ответственности их органов управления в соответствии с реальными объектами инвестирования и составом инвесторов.

Ключевые слова: инвестиционный фонд; корпоративное управление; эффективный рынок; трансакционные издержки; управляющая компания; квалифицированный инвестор; инвестиционный комитет.

Abstract

The article considers the issues of the corporate governance organization in investment funds. The author shows the possibility for differentiating corporate governance models according to the nature of the investment market and the structure of the fund investors. The directions are formulated to change the regulation of mutual investment funds. The current legislative developments have been proposed that may lead to higher efficiency of funds and responsibility of funds' governing bodies in line with real investment objects and the structure of investors.

Keywords: investment fund; corporate governance; efficient market; transactional cost; managing company; qualified investor; board of investment.

В самом общем виде конструкция инвестиционного фонда как формы финансового посредничества представляет собой аккумуляцию средств более или менее широкого круга инвесторов и передачу этих средств в управление профессиональным инвестиционным менеджером. При всей лаконичности подобного определения оно позволяет рассматривать инвестиционный фонд как своеобразную «инвестиционную корпорацию», в которой неизбежным образом возникают эффекты и проблемы, составляющие предмет корпоративного управления. Напомним, что в данном случае речь идет о формировании механизмов, которые, с одной стороны, максимизируют положительные эффекты от объединения участников корпорации, а с другой – минимизируют неизбежные негативные эффекты подобного объединения¹. В классической корпорации подобным образом макси-

¹ Мецгер А. А., Первушина А. В. Корпоративное управление : учебн. пособие для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011.

мизируются положительные аспекты объединения активов (эффект масштаба) и выделения функции управления (эффект профессионального управления).

В то же время объединение активов определяет проблему неоднородности (субъективности) ресурсов, вовлекаемых в корпорацию, а точнее, **специфичности оценок и ожиданий ее участников**. Наиболее актуально подобная проблема проявляется через конфликт интересов таких групп участников, как миноритарные/мажоритарные акционеры, стратегические/портфельные инвесторы и т. д.

Не менее актуальны проблемы, возникающие в силу передачи функции управления профессиональным менеджерам. Как правило, эта группа проблем определяется через понятие **оппортунизм менеджмента** – сознательное или невольное уклонение менеджмента корпорации от удовлетворения интересов ее участников.

Преодоление указанных проблем и составляет суть классического корпоративного управления (*corporate governance*), которое за последние десятилетия стало неотъемлемой частью экономической теории и предпринимательской практики. Несмотря на то что большая часть теоретических положений и практических механизмов была сформулирована и продолжает разрабатываться для т. н. классических корпораций (акционерных компаний), они в последние годы все чаще задействуются в сфере менеджмента коллективного инвестирования, формируя то, что в западной практике получило определение *funds governance*². Основу данного методологического переноса составляет современная институциональная теория, в том числе или даже в первую очередь теория транзакционных издержек³. В этом контексте как классическое корпоративное управление, так и корпоративное управление в инвестиционных фондах призваны обеспечивать снижение транзакционных издержек формирования и дальнейшего функционирования корпораций, в том числе инвестиционных.

В то же время, при всей схожести классических корпораций и инвестиционных фондов, нельзя не отметить и достаточно серьезного различия между этими институтами.

Как правило, классическая корпорация с точки зрения корпоративного рассматривается в широком контексте **институциональной среды** (доминирующая система финансовых отношений, правовая система, роль государства в экономике, социокультурные условия и т. д.), базовые состояния которой позволяют выделять, в свою очередь, т. н. классические модели корпоративного управления – аутсайдерскую и инсайдерскую модели. Аутсайдерская модель корпорации обеспечивает эффективную минимизацию транзакционных издержек при наличии весьма жестких условий и ограничений, как то: достаточно широкое и глубокое развитие рыночных механизмов (в том числе рынка ценных бумаг), относительно слабое присутствие государства в экономике, как правило, англосаксонская система права и т. д. Инсайдерская модель, а точнее говоря, ее многочисленные варианты, напротив, обеспечивают эффективность корпоративного сектора во всех других случаях.

В отличие от классической корпорации, инвестиционный фонд рассматривается в более узком контексте **инвестиционного рынка**, на котором и осуществляется его деятельность. Ключевой характеристикой рынка в данном случае становится степень его эффективности (информационная прозрачность, ликвидность и т. д.). Диапазон выделяемых по данному критерию рынков чрезвычайно широк – от абсолютно эффективных (примером может служить ликвидный биржевой рынок финансовых инструментов), до атрибутивно неэффективных рынков иннова-

² Мецгер А. А. Зарубежный опыт формирования модели корпоративного управления в инвестиционных фондах // Вестник Гуманитарного ун-та. – 2013. – № 2 (2). – С. 36–45.

³ Мецгер А. А. Нобелевская премия по экономике за 2013 год и вопросы корпоративного управления в инвестиционных фондах // Вестник Гуманитарного ун-та. – 2013. – № 3 (3). – С. 10–16.

ционных и венчурных проектов. Различие рынков по степени их эффективности определяет базовые модели управления инвестиционными фондами – портфельную и проектную.

Портфельная модель управления в своем крайнем проявлении (на абсолютно эффективном рынке) предполагает минимизацию транзакционных издержек за счет максимально широкой диверсификации активов и пассивного подхода к управлению. Применение в этих условиях проектного подхода на основе специфических методов селекции активов или инвестиционных технологий, как правило, ведет к неоправданному росту транзакционных, в том числе агентских, издержек. Отметим, что портфельная модель управления фондом предполагает не только широкую диверсификацию и ликвидность активов, но и аналогичные характеристики его пассивов. На практике это означает соответствующий тип фонда (открытый или интервальный) или обеспечение ликвидности ценных бумаг фонда через биржевой механизм обращения. Только в этом случае обеспечивается снижение транзакционных издержек по привлечению широких слоев рядовых инвесторов, готовых согласиться на среднерыночную доходность, но в своей массе не готовых согласиться с ролью «долгосрочного» инвестора.

Напротив, **проектная модель** управления инвестиционным фондом (ее варианты), обеспечивает минимизацию транзакционных издержек на малоэффективных рынках. Дело в том, что широкая дифференциация активов на подобных рынках ведет к неоправданному росту транзакционных издержек и минимизирует тот сверхрыночный результат, который возможен путем использования специфических механизмов селекции активов и управления реальными проектами. В свою очередь, сверхрыночная норма прибыли облегчает (снижает издержки) привлечение специфических инвесторов, готовых принять на себя риски выше рыночных, в том числе риск снижения ликвидности своих инвестиций. Естественным образом, подобные фонды создаются в формате закрытых фондов.

Рассмотрим, каким образом обеспечивается разрешение базовых проблем корпоративного управления в каждой из указанных моделей (табл. 1).

Таблица 1

**Механизмы разрешения проблем корпоративного управления
в моделях инвестиционного фонда**

	Проблема оппортунизма менеджеров по отношению к участникам (инвесторам фонда)	Проблема дифференцированности интересов участников (инвесторов фонда)
Портфельная модель	Внешние механизмы (рыночная конкуренция, государственное регулирование)	Внешние механизмы селекции участников
Проектная модель	Внутренние механизмы (контроль со стороны инвесторов, механизмы мотивации и ответственности)	Внутренние механизмы селекции участников и согласования интересов

Как видно, преодоление проблемы оппортунизма менеджеров принципиально различно по своей природе в портфельной и проектной моделях инвестиционного фонда.

В **портфельной модели** менеджеры фонда (управляющие компании) находятся под контролирующим воздействием сразу двух внешних механизмов. С одной стороны, их действия контролируются на предмет соответствия внутренним документам фонда (Правила фонда) и специальному законодательству. Контроль обеспечивается как инфраструктурой самого фонда (специализированный депозитарий, оценщик, аудитор), так и со стороны государственного регулятора. С другой стороны, осуществляя деятельность на ликвидных рынках, управляющие компании вынуждены демонстрировать результаты, сопоставимые со своими

конкурентами или по отношению к соответствующему бенчмарку. Преодолению оппортунизма менеджеров фонда лучше всего способствуют т. н. биржевые фонды (*ETF, Exchange-traded fund*), в которых роль управляющей компании ограничивается лишь повторением в портфеле выбранного бенчмарка (например, биржевого индекса).

Проектная модель управления фондом подходит к проблеме оппортунизма менеджеров принципиально иным образом. Неэффективность рынка, специфичность активов, инвестиционных стратегий и финансируемых проектов, неликвидность рынка ценных бумаг фонда – все это затрудняет или делает невозможным использование внешних рыночных механизмов контроля (конкуренция управляющих, оценка соответствия бенчмарку и т. д.). Во многом ослаблен и формальный (а иным он и не может быть) контроль со стороны государства. В этих условиях слабость и неэффективность внешних механизмов компенсируется развитием внутренних механизмов корпоративного управления: контроля со стороны инвесторов, ответственности управляющей компании перед инвесторами, мотивации управляющей компании. Рассмотрим каждый из этих элементов.

Контроль управляющей компании – набор механизмов отчетности управляющей компании перед инвесторами, согласование с ними принципиальных или существенных аспектов деятельности фонда. В настоящее время российское законодательство в обязательном порядке предусматривает для закрытых паевых инвестиционных фондов (ПИФов)⁴ такой орган корпоративного контроля, как *общее собрание владельцев* инвестиционных паев. В компетенцию общего собрания входят:

- изменение категории фонда и срока действия договора доверительного управления;
- изменение размера и порядка выплаты дохода от доверительного управления пайщикам фонда;
- изменение количества голосов, необходимых для принятия решения общим собранием⁵.

Кроме того, к компетенции общего собрания фондов, предназначенных для *квалифицированных инвесторов*, может быть отнесен и ряд других вопросов (например, установление права управляющей компании отказать в выдаче инвестиционных паев лицам, не являющимся пайщиками фонда, и т. д.). Для этих же фондов законодательство предоставляет возможность создания дополнительного органа корпоративного контроля – *инвестиционного комитета* фонда⁶. Порядок формирования и компетенции инвестиционного комитета определяются Правилами фонда. При этом в состав комитета не могут входить управляющая компания, ее должностные лица и работники или назначенные ею лица. К компетенции инвестиционного комитета относится одобрение сделок за счет имущества, составляющего паевой инвестиционный фонд, и (или) действий, связанных с осуществлением прав участника хозяйственного общества, акции или доли которого составляют этот фонд.

Мотивация управляющей компании – система вознаграждения управляющей компании, которая в наибольшей степени соответствует интересам инвесторов

⁴ Действующее законодательство (ФЗ «Об инвестиционных фондах») допускает формирование не только паевых, но и акционерных инвестиционных фондов (АИФ). Однако данная конструкция фонда практически не получила никакого развития в России. По состоянию на 09.04.2014 осуществляют деятельность всего шесть АИФ (см. http://www.cbr.ru/sbrfr/?PrtdId=polled_investment). В качестве причин можно назвать громоздкость системы, в том числе корпоративного управления, и режим «двойного» налогообложения.

⁵ Об утверждении Положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания владельцев инвестиционных паев закрытого паевого инвестиционного фонда: Приказ ФСФР России от 07.02.2008 № 08-5/пз-н.

⁶ См.: Об инвестиционных фондах : федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ. Ст. 17.1.

фонда. В настоящее время вознаграждение управляющей компании в той или иной форме связано с текущими финансовыми показателями деятельности фонда (показателями за отчетный период). В простейшем случае это определенный процент от стоимости чистых активов (СЧА) фонда. В более сложных вариантах вознаграждение определяется по «фактическому финансовому результату» – определяемой тем или иным образом разнице между фактическими доходами фонда и его издержками за отчетный период. Иными словами, законодатель оставляет широкое поле для формулировок схем мотивации управляющей компании. В связи с этим представляется целесообразным введение в практику такой дополнительной компоненты мотивации, как «вознаграждение за конечный результат». Эта компонента могла бы оплачиваться как за счет имущества фонда, так и за счет самих инвесторов. Принципиально важно, что конечным результатом является фактический прирост стоимости активов фонда на момент завершения его деятельности и расформирования. Разумеется, внедрение подобной компоненты мотивации потребует соответствующей защиты управляющей компании в форме «золотых парашютов», выплачиваемых из тех же источников, но только в случае досрочной смены управляющей компании или расформирования фонда по инициативе инвесторов.

Ответственность управляющей компании – наименее отработанный механизм преодоления оппортунизма менеджеров перед инвесторами фонда. С точки зрения логики доверительного управления паевым инвестиционным фондом, вытекающей из ст. 16 Федерального закона «Об инвестиционных фондах», управляющая компания паевого инвестиционного фонда несет перед владельцами инвестиционных паев ответственность в размере реального ущерба в случае причинения им убытков в результате нарушения требований ряда нормативных актов и правил доверительного управления⁷.

Тем не менее представляется оправданным, что в определенных случаях (см. ниже) управляющая компания может и должна принимать на себя дополнительные формы ответственности перед инвесторами фонда.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных аспектов разрешения проблемы дифференцированности интересов инвесторов фонда, остановимся на самой сути данной проблемы. Как уже отмечалось выше, в классическом корпоративном управлении данная проблема во многих случаях сводится к проблеме мажоритарных и миноритарных акционеров. Первая группа участников корпорации, как правило, заинтересована в стратегических долгосрочных перспективах развития компании (зачастую в рамках более крупной корпоративной структуры), росте капитализации бизнеса и, что особенно важно, имеет, в силу корпоративного законодательства, возможности для достижения собственных интересов. Напротив, миноритарные участники более склонны к получению выгод от участия в корпорации в краткосрочной перспективе, в получении текущих доходов от подобного участия и уж точно не обладают теми возможностями управления компанией, которые имеются у мажоритарных собственников. Базовые модели корпоративного управления позволяют достаточно эффективно разрешать подобный конфликт интересов, делая упор или на внешние, или, напротив, на внутренние механизмы. Проще данный конфликт разрешается в аутсайдерской модели, когда акционеры компании имеют возможность «выхода из бизнеса» на ликвидном рынке ценных бумаг. Инсайдерская модель, напротив, делает упор на внутренние механизмы преодоления данного конфликта. Например, через широкое представительство различных групп участников корпорации в советах директоров обеспечивается уменьшение влияния доминирующих контролирующих собственников

⁷ См.: Об инвестиционных фондах : федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ. Ст. 16.

и процедуры согласования различных групп интересов. В других случаях миноритариям обеспечивается «выход из корпорации» при наступлении определенных условий (крупные сделки и ряд других существенных корпоративных событий). Поскольку подобный механизм реализуется через выкуп ценных бумаг самой корпорацией, то в определенной мере можно говорить, что выкуп осуществляется за счет остающихся в ней мажоритарных акционеров. При всем различии описанных механизмов, они тем или иным образом обеспечивают «селекцию» акционеров компании, формируя достаточно однородный состав участников данной корпорации.

Возвращаясь к схеме, представленной в табл. 1, обратим внимание, что механизм селекции как способ преодоления конфликта различных групп инвесторов имеет место и в случае инвестиционных фондов. Как уже отмечалось, формирование однородного по ключевым характеристикам состава участников обеспечивает снижение транзакционных издержек как на этапе формирования инвестиционной корпорации (оптимизация каналов продвижения ценных бумаг фонда), так и во время его дальнейшего функционирования (минимизация различного рода конфликтных ситуаций). В качестве ключевой характеристики, используемой для подобного рода селекции, выступает уровень квалификации инвесторов – осознанного понимания и объективной готовности принятия на себя специфических рисков инвестирования. Институт *квалифицированного инвестора*, давно и активно используемый в западной инвестиционной практике, позволяет более корректно соотнести множество существующих инвестиционных рынков и множество потенциальных инвесторов. С макроэкономической точки зрения минимизация транзакционных издержек трансформации сбережений в инвестиции обеспечивается размещением средств рядовых (не квалифицированных) инвесторов в наименее рискованные сегменты инвестиционного рынка, в то время как средства квалифицированных инвесторов наиболее востребованы в более рискованных объектах.

В случае **портфельных инвестиционных фондов**, которые в своем предельном случае представляют собой низкорисковый объект инвестирования, селекция обеспечивается наиболее естественным образом. Для квалифицированных инвесторов, обладающих достаточно высоким объемом средств, не представляет труда сформировать аналогичный пул активов, и в силу этого нет необходимости нести какие-либо агентские издержки управляющей компании. Аналогичным образом, квалифицированного инвестора, обладающего специфическими компетенциями и профессионализмом, не привлекает перспектива участия в широко диверсифицированном портфеле инвестиционного фонда, обеспечивающего доходность на уровне средней по рынку. Подобные и аналогичные мотивы предопределяют естественный отказ квалифицированных инвесторов от участия в портфельных фондах на эффективных рынках.

Более сложная ситуация возникает в случае **проектных фондов**. Обладая повышенным риском, данные фонды позволяют рассчитывать на дополнительную премию к рыночной доходности. Как следствие, интерес к участию в подобных фондах проявляют самые широкие слои инвесторов, как рядовых, так и квалифицированных. Но если последним вполне по силам оценить уровень принимаемых на себя рисков и принять взвешенное инвестиционное решение, то рядовые инвесторы зачастую оказываются жертвами собственных иллюзий, а впоследствии и причиной недоверия к инвестиционному рынку в целом. В соответствии с российским законодательством решение данной проблемы обеспечивается через

внутренние механизмы селекции инвесторов, когда определенные фонды доступны исключительно «для квалифицированных инвесторов»⁸.

К числу подобных фондов относятся следующие закрытые ПИФы:

- фонды прямых инвестиций;
- фонды особо рискованных (венчурных) инвестиций;
- фонды недвижимости, в случае если их инвестиционная декларация предполагает возможность инвестирования средств в строительство и реконструкцию объектов недвижимости по инвестиционным договорам и/или договорам подряда;
- кредитные фонды;
- хедж-фонды.

Подобное регулирование индустрии инвестиционных фондов, начатое в 2007 году одновременно с введением в российскую практику понятия «квалифицированный инвестор»⁹, по мнению регуляторов финансового рынка, должно было способствовать развитию рынка коллективного инвестирования решением двух взаимосвязанных задач¹⁰:

- расширением возможностей для квалифицированных инвесторов, а значит, распространением механизмов коллективного инвестирования на новые сегменты отечественной экономики;
- защитой интересов рядовых инвесторов, путем ограждения их от участия в рискованных инвестициях.

Опыт последних лет, однако, показывает, что индустрия коллективного инвестирования в Российской Федерации не только не смогла продемонстрировать сколько-нибудь впечатляющих показателей, но и переживает количественную и качественную стагнацию. Даже стремительный количественный рост ПИФов для квалифицированных инвесторов¹¹ представляет собой отнюдь не выход квалифицированных инвесторов на новые для себя инвестиционные рынки. В подавляющем большинстве случаев подобные фонды являются не чем иным, как «упаковкой» реального инвестиционного проекта конкретного стратегического инвестора в формат паевого фонда¹². Более того, перед управляющими компаниями возникает абсурдная по своей природе задача оформления данного стратегического инвестора, а зачастую и инициатора и реального собственника проекта, в качестве инвестора «квалифицированного» в соответствии с требованиями законодательства.

Можно констатировать, что сложившаяся система регулирования индустрии паевых инвестиционных фондов с использованием института «квалифицированных инвесторов» построена на формально логичных, но по сути механических

⁸ См.: Об утверждении Положения о составе и структуре активов акционерных инвестиционных фондов и активов паевых инвестиционных фондов : Приказ ФСФР РФ от 28.12.2010 № 10-79/пз-н.

⁹ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 06.12.2007 № 334-ФЗ.

¹⁰ См. напр., Гонзалева Д. Выбор УК: ПИФы для квалифицированных и неквалифицированных инвесторов // Рынок ценных бумаг. – 2008. – № 17 (368). – С. 64–65; Бескровный А. Регулирование рынка коллективных инвестиций: новый вектор развития // Рынок ценных бумаг. – 2008. – № 5 (356).

¹¹ По статистике последних трех лет, ежегодный прирост количества ПИФов для квалифицированных инвесторов составляет 70-80 фондов. По состоянию на 01.10.2014 было зарегистрировано 669 паевых инвестиционных фондов, что составляло почти половину от общего числа российских ПИФов (1409 фондов) (по материалам сайта Национальной лиги управляющих: URL: http://www.nlu.ru/pifs-search.htm?keyword=&fondid=all&type=all&category=all&uk=all&qual=1&schato=&schato=&period_start=&period_end=&mode=search&orderby=fond_name&orderset=asc&pageNo=0).

¹² Харченко Л. П. Инвестиционные фонды в России: неколлективное инвестирование // Мир экономики и права. – 2011. – № 5. – С. 4–12.

подходах, которые не могут способствовать ни росту рынка коллективных инвестиций, ни стабилизации его системных рисков.

С одной стороны, закрытый перечень категорий ПИФов для квалифицированных инвесторов оставляет неискушенным инвесторам возможность участия в других категориях фондов (в том числе закрытых), причем уровень риска в таком конкретном фонде может быть равным или даже превосходящим соответствующие риски фондов из числа «запрещенных к инвестированию».

С другой стороны, формальное отнесение категории фонда к числу «запрещенных» априори препятствует привлечению в него средств рядовых инвесторов, даже если уровень реализуемых в конкретном фонде проектов является для них по сути приемлемым. Классическим примером может служить, например, фонд прямых или венчурных инвестиций, который в момент своего формирования действительно осуществлял инвестиции в высокорисковый инновационный проект. Однако успешность развития проекта, естественный переход его в фазу промышленной реализации и рыночного успеха не позволяют фонду раскрыться для привлечения средств рядовых инвесторов. Аналогичный пример касается и закрытых фондов недвижимости. Использование в качестве инструментов инвестирования инвестиционных договоров, участие фонда в качестве застройщика сразу переводят данный фонд в категорию «для квалифицированных инвесторов». При этом существенные риски в конкретном фонде могут быть существенно ниже, чем в аналогичном фонде, но использующем механизм договора долевого строительства с застройщиком сомнительной репутации.

В связи с вышеизложенным представляется, что целесообразно определенным образом видоизменить практическое использование понятия «квалифицированный инвестор», во всяком случае, в приложении к индустрии коллективного инвестирования. С этой целью предлагается отказаться от жесткого, статичного, и в силу этого не всегда оправданного деления категорий фондов на предназначенных для квалифицированных и для рядовых инвесторов. Вместе с тем это не подразумевает полного отказа от самого института «квалифицированного инвестора» и возможного ограничения обращения ценных бумаг **конкретного** фонда среди данных инвесторов. Решение о подобном ограничении, естественным образом, можно было бы отнести к компетенции управляющей компании и только на момент формирования фонда. Именно управляющая компания способна, как никто другой, оценить реальные риски инвестиционного проекта (стратегии инвестирования, конкретного объекта и т. д.). В то же время управляющая компания способна оценить и приемлемость данных рисков для неограниченного круга инвесторов, возможные риски, выгоды и издержки от подобного расширения ресурсной базы инвестиционного фонда. Разумеется, наделение управляющей компании подобной компетенцией потребует включения механизмов ее ответственности перед инвесторами.

В качестве предварительного итога представленного анализа можно отметить, что основные резервы развития индустрии паевых инвестиционных фондов с точки зрения корпоративного управления сосредоточены в проектных фондах, ориентированных на мало- и низкоэффективные сегменты инвестиционного рынка (табл. 2).

**Изменения структуры полномочий и ответственности
в паевых инвестиционных фондах (проект)**

УСЛОВИЯ, ОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ УПРАВЛЯЮЩЕЙ КОМПАНИЕЙ при создании фонда	Ограничение оборота паев (фонд для квалифицирован- ных инвесторов)	Отсутствие ограничения оборота паев
Создание дополнительных органов корпоративного контроля (Инвестиционный комитет)	Расширение полномочий ин- вестиционного комитета (в т. ч. определение состава и структуры активов фонда) Сокращение ответственности управляющей компании (ответственность только за ис- полнение решений Инвестици- онного комитета)	Сохранение полномочий управляющей компании в соответствии с действующим законодательством, при рас- ширении ее ответственности вплоть до компенсации инве- сторам рыночных рисков
Отсутствие дополнительных органов корпоративного контроля	Сохранение полномочий и ответственности управлю- ющей компании в соответствии с действующим законодатель- ством	

Суть предлагаемых изменений заключается в более дифференцированном подходе к формированию и управлению проектными (закрытыми) паевыми инвестиционными фондами. Например, при создании фонда управляющая компания определяет не только наличие или отсутствие дополнительных органов корпоративного контроля (существующая практика), но и круг лиц, допускаемых к инвестированию в данный фонд. Логично предположить, что, не ограничивая круг этих инвесторов, управляющая компания должна нести дополнительную ответственность, вплоть до компенсации рыночных убытков за счет собственных средств. Напротив, управляющая компания может существенно снизить свою ответственность за принятие инвестиционных решений, предусмотрев в правилах фонда создание Инвестиционного комитета (по понятным причинам, данный орган может быть создан только в фонде для квалифицированных инвесторов). В данном случае ответственность управляющей компании будет ограничена соблюдением решений, принимаемых Инвестиционным комитетом (например, по составу и структуре активов фонда). Помимо определенного «смягчения» ответственности управляющей компании данный вариант позволяет более гибко подходить к формированию инвестиционной стратегии фонда в зависимости от рыночной конъюнктуры, а не в силу жестких требований законодательства к составу и структуре активов.

Реализация предлагаемых изменений вполне достижима внесением ряда дополнений и изменений в нормативную базу, регламентирующую деятельность российских паевых инвестиционных фондов (табл. 3).

Таблица 3

Изменения действующего законодательства, конкретизирующие структуру полномочий и ответственности в паевых инвестиционных фондах (проект)

Нормативный акт	Предлагаемые изменения
Расширение компетенции управляющей компании в части ограничения оборота паев ПИФа вне зависимости от предполагаемого состава и структуры его активов	
Приказ ФСФР РФ от 28.12.2010 № 10-79/пз-н «Об утверждении Положения о составе и структуре активов акционерных инвестиционных фондов и активов паевых инвестиционных фондов»	Исключить п. 1.5. Положения: <i>«1.5. Акции (инвестиционные паи) инвестиционных фондов, относящихся к категориям фондов прямых инвестиций, фондов особо рискованных (венчурных) инвестиций, кредитных фондов, хедж-фондов и фондов долгосрочных прямых инвестиций, предназначены только для квалифицированных инвесторов. При этом устав акционерного инвестиционного фонда (правила доверительного управления паевым инвестиционным фондом) должен предусматривать, что акции (инвестиционные паи) этого инвестиционного фонда предназначены для квалифицированных инвесторов».</i>
Расширение компетенции инвестиционного комитета ПИФа в части определения состава и структура его активов	
Приказ ФСФР РФ от 28.12.2010 № 10-79/пз-н «Об утверждении Положения о составе и структуре активов акционерных инвестиционных фондов и активов паевых инвестиционных фондов»	Дополнить Положение пунктом 1.1.1 следующего содержания: <i>1.1.1. Настоящее Положение не распространяет свое действие на закрытые паевые инвестиционные фонды, правила доверительного управления которыми содержат положения о необходимости одобрения инвестиционным комитетом сделок за счет имущества, составляющего закрытый паевой инвестиционный фонд.</i>
Повышение ответственности управляющей компании перед неквалифицированными инвесторами в размере причиненных убытков	
Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах»	Абзац 4 п. 2 ст. 11 изложить в следующей редакции: <i>Владельцы инвестиционных паев, ограниченных в обороте, несут риск убытков, связанных с изменением рыночной стоимости имущества, составляющего паевой инвестиционный фонд.</i> Пункт 1 ст. 16 изложить в новой редакции: <i>1. Управляющая компания паевого инвестиционного фонда несет перед владельцами инвестиционных паев, не ограниченных в обороте, ответственность в размере реального ущерба в случае причинения им убытков. Управляющая компания паевого инвестиционного фонда, инвестиционные паи которого ограничены в обороте, несет ответственность перед владельцами инвестиционных паев, а в случае нарушения требований, установленных ст. 14.1 настоящего Федерального закона, – в размере, предусмотренном указанной статьей.</i>

УДК 004

Панасова Евгения Петровна

канд. филол. наук, старший преподаватель
кафедры иностранных и русского языков
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: eppanasova@gmail.com

Panasova Evgeniya Petrovna

Candidate of Philology, Senior Lecturer at Foreign Languages Chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**РАЗРАБОТКА РАСКЛАДКИ
КЛАВИАТУРЫ ПЕРЕНОСНОГО
КОМПЬЮТЕРНОГО УСТРОЙСТВА
КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ
ЗАДАЧА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА
«ОКТОДОН»)**

**DEVELOPING KEYBOARD
LAYOUT FOR A LAPTOP
COMPUTER AS AN
INTERDISCIPLINARY
CHALLENGE:
INITIATING THE ISSUE
(THE EXAMPLE OF OCTODON
PROJECT)**

Аннотация

В статье обозначена ключевая проблема, препятствующая превращению современных мобильных устройств в полноценное рабочее место – проблема ввода текста. Описано инновационное российское устройство, решающее данную проблему – клавиатура Октодон, изобретатель А. В. Лысенко. Поставлена проблема разработки раскладки клавиатуры устройства с учетом скорости и комфорта использования, предложен вариант решения данной проблемы.

Ключевые слова: клавиатура; мобильные устройства; раскладка клавиатуры; Октодон.

Abstract

The paper outlines the key problem of today's mobile devices – the problem of text input – that poses obstacles to turning the mobile devices into the adequate workstation. The Russian innovative device to solve the problem is described – the Octodon keyboard invented by A. V. Lysenko. The author points out the troubles of the keyboard layout development in order to provide maximal typing speed and comfort, and offers solutions for the problem.

Keywords: keyboard; mobile devices/handhelds; keyboard layout; Octodon; Octodon keyboard.

В современном мире компьютерные устройства распространены повсеместно, они прочно вошли в нашу повседневную жизнь. Согласно прогнозу, количество компьютерных устройств в мире скоро превысит население Земного шара [11]. К числу компьютерных устройств относят: стационарные персональные компьютеры, ноутбуки, нетбуки, смартбуки, планшетные компьютеры, карманные компьютеры (КПК), коммуникаторы и смартфоны.

Важным вопросом является вопрос взаимодействия человека с компьютерной техникой, а именно – способы управления устройствами и способы ввода данных. Остановимся на последних, имея в виду данные символьного характера: буквенные (текстовые) и цифровые, которые в дальнейшем в рамках данной статьи будем обозначать в совокупности термином «текст» (и в этом значении, например, номер телефона – тоже текст, так как состоит из цифр).

Среди способов ввода текста в компьютерные устройства особняком стоит голосовой ввод. Отметим, что на текущем этапе развития науки и технологий он может применяться только для ввода небольших текстов, не нуждающихся в редактировании. Кроме того, последние исследования показали, что большинство людей предпочитает писать, а не говорить [9]. Эти два фактора позволяют нам за-

ключить, что в ближайшем будущем голосовой ввод вряд ли сможет полностью заменить механические способы ввода текста в компьютерные устройства.

Клавиатурой принято называть «совокупность клавиш у какого-либо механизма (пишущей машинки, счетной машины и т. п.)» [1]. В компьютерных устройствах это «набор клавиш, расположенных в определенном порядке на пульте (панели) компьютера и обеспечивающих ручной ввод текстовой и (или) числовой информации (как правило, с визуальным контролем на экране дисплея, монитора) и управление процессом ее переработки» [8. С. 421].

Раскладка клавиатуры – это принятое соответствие типографических символов (букв, цифр, знаков препинания и т. д.) письменного языка клавишам клавиатуры компьютера, пишущей машинки или другого устройства, с помощью которого вводится текст.

В рамках данной статьи мы осветим вопрос разработки оптимальной раскладки для специфичного устройства – инновационной клавиатуры для смартфонов «Октодон», разработанной недавно в Екатеринбурге [5. С. 388–392]. Так как клавиатура Октодона принципиально отличается от привычной клавиатуры компьютера, то использование существующих решений не было возможно, требовалось выработать совершенно новую раскладку клавиатуры. Но, прежде чем описать ее, приведем существующие решения, которые используются в настоящее время.

В современных компьютерных устройствах повсеместно распространена раскладка QWERTY (названная так по порядку расположения букв латиницы в верхнем ряду слева направо; по этому же принципу название с точки зрения русской раскладки выглядело бы как ЙЦУКЕН) (рис. 1).

~	!	@	#	\$	%	^	&	*	(	)	-	=	←
Tab	Q	W	E	R	T	Y	U	I	O	P	{	}	
Caps Lock	A	S	D	F	G	H	J	K	L	:	"	Enter	
Shift	Z	X	C	V	B	N	M	<	>	?	/	Shift	
Ctrl	Win Key	Alt								Alt	Win Key	Menu	Ctrl

Рис. 1. Раскладка клавиатуры QWERTY (для английского языка)

Обратимся к истории вопроса, чтобы понять, насколько актуальной является заявленная проблема – проблема разработки новой раскладки клавиатуры.

Раскладка QWERTY пришла к нам из пишущих машинок. По легенде, при быстром последовательном нажатии на буквы, расположенные рядом, молоточки с литерами застревали, вынуждая останавливать работу и руками разгребать затор [2]. Эта раскладка была унаследована персональными компьютерами и изменилась незначительно (в основном за счет дополнительных функциональных клавиш), окончательно установившись около 20 лет тому назад.

С развитием науки и техники проблема «залипания» клавиш отпала, и уже для электрических пишущих машинок, а впоследствии – для компьютеров стали разрабатывать другие раскладки клавиатуры, призванные увеличить скорость набора текста на устройстве и снизить усталость рук пользователя.

Самыми известными альтернативными раскладками клавиатуры для английского языка являются раскладки Дворака (Dvorak simplified keyboard, запатентованная в 1936 г. профессором Вашингтонского университета Августом Двораком)

[9, 10] и созданная совсем недавно, в 2006 году, раскладка Шая Коулмана – т. н. Colemak [14].

Сейчас большинство операционных систем (например, GNU/Linux, Mac OS и Microsoft Windows) имеет встроенную поддержку всех версий клавиатуры Дворак, несмотря на то что, по некоторой информации, данные по эффективности этой раскладки клавиатуры были сфальсифицированы в ходе испытаний, проведенных в США в середине прошлого столетия.

Несмотря на повсеместную распространенность, представляется ошибочным считать, что раскладка QWERTY является оптимальной для ввода текста в компьютерные устройства [8. С. 421]. 50 % всех нажатий на QWERTY производится указательными пальцами, причем часто несколько нажатий подряд производит один из них, также значительная нагрузка приходится на правый мизинец [7]. На сайте «Carpalx. Keyboard Layout Optimizer», посвященном оптимизации раскладок клавиатур для компьютеров, есть статья об альтернативных раскладках клавиатур [14]. Сравнение – не в пользу QWERTY (рис. 2).

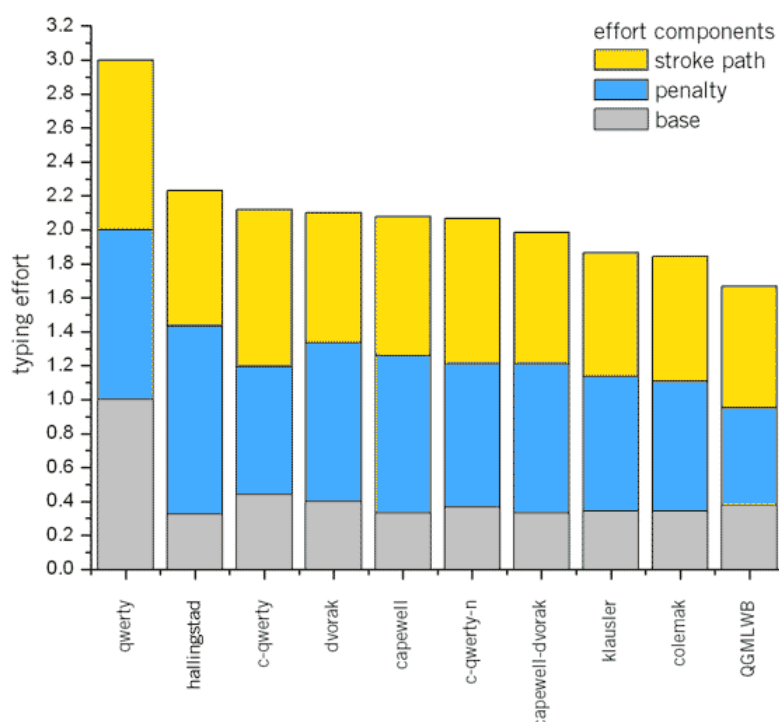

Рис. 2. Сравнение раскладок клавиатур для компьютерных устройств (английский язык).
(По вертикали – усилия, прикладываемые при печатании.)

Однако, несмотря на нерациональность именно такого расположения букв на клавиатуре, QWERTY в персональных компьютерах, скорее всего, закрепилась навсегда – в силу привычки.

В силу все той же привычки мы используем раскладку QWERTY в переносных компьютерных устройствах – планшетных компьютерах и смартфонах [9], – хотя для этих устройств принцип организации данной раскладки (проблема «запирания» клавиш уже не выпускаемых в мире пишущих машинок) не имеет никакого смысла. И все же большинство портативных устройств, предназначенных для активной работы с текстом, оснащают уменьшенной копией полноразмерной QWERTY-клавиатуры, набор на которой осуществляется, как правило, подушечками больших пальцев обеих рук (т. е. двумя пальцами или даже одним), в то время как остальные пальцы удерживают устройство с задней стороны.

Для любого пользователя смартфона очевидно, что QWERTY не отвечает требованиям современных компьютерных устройств, которые отличает карманный

размер. Необходимость разместить на небольшом сенсорном экране устройства более 30 клавиш ввода текста приводит к тому, что, во-первых, половина и без того небольшого экрана устройства занята клавиатурой, а во-вторых – клавиши при этом очень малы, очень нелегко точно попасть по ним пальцем, который существенно больше каждой клавиши. В результате мы имеем огромное количество опечаток при наборе текстов на смартфонах и планшетных компьютерах. И как следствие – отказ от использования мобильных устройств для работы с текстом (отметим, что последнее также связано с неудобством редактирования текстов на мобильном устройстве), хотя современные смартфоны и планшетные компьютеры обладают требуемой вычислительной мощностью для решения самого широкого круга задач, а их дисплеи имеют достаточный размер и разрешение для отображения большого объема информации.

Для решения проблемы работы с текстом на мобильных устройствах сначала были разработаны методы ввода, поддерживающие корректировку введенного текста с помощью словаря (T9, Swype), а затем и голосовой ввод (о нем мы уже говорили выше). Однако ни один из существующих методов не является достаточно эффективным, разработки ведутся всеми ведущими компаниями мира, и в последние годы постоянно появляются всё новые методы, призванные решить стоящую так остро проблему ввода текста в карманные компьютерные устройства.

Одним из перспективных путей ускорения ввода текста в мобильные устройства представляется вовлечение большего количества пальцев оператора в процесс набора. В рамках проекта «Октодон» [12, 13] было предложено отказаться от большого количества клавиш на сенсорном экране и использовать для набора текста механическую 10-пальцевую клавиатуру, расположенную на задней стороне устройства (backtyping device). Российский изобретатель А. В. Лысенко предложил клавиатуру, которая является аксессуаром к смартфону (или планшету) и, не выводя его из ранга карманных устройств, обеспечивает высокую скорость ввода текста и комфортное редактирование [3, 4].

Клавиатура Октодон (рис. 3) имеет на задней стороне восемь 4-позиционных джойстиков, используемых собственно для набора букв естественного языка, и два 5-позиционных джойстика на передней стороне устройства (под большими пальцами) для переключения режимов, ввода основных пунктуационных знаков и специальных функций редактирования и ввода текста («Shift», «Enter», «Space», «Backspace»).

Рис. 3. Клавиатура Октодон. Вид сзади (слева) и спереди (справа) в разложенном состоянии, предназначенном для ввода текста

Понятно, что с технической точки зрения восемь 4-позиционных джойстиков обеспечивают ввод $(8 \times 4) = 32$ символов, и этого достаточно для ввода букв индоевропейских языков (для русского – без буквы «ё»).

Разработка клавиатуры для такого устройства является междисциплинарной задачей прикладного характера, и при составлении раскладки клавиатуры необходимо учитывать факторы технического характера (особенности самого устройства), факторы биологического характера (характеристики пальцев человека) и, не в последнюю очередь, – факторы лингвистические (раскладка должна иметь в своей основе логику, основанную на языковых закономерностях).

Перечислим факторы технического характера, заложенные в самой концепции инновационной клавиатуры [3, 4]:

1. Джойстики, с помощью которых вводится текст, – 8 (так как ввод символов естественного языка должен осуществляться единообразно, а пальцев, расположенных на задней стороне устройства – 8).

2. Каждый палец (кроме больших) отвечает за 1 джойстик и ввод 4 символов (пальцы не должны перемещаться на задней стороне устройства, так как это делает невозможным слепой ввод, усложняет обучение и уменьшает скорость набора текста).

3. На символы естественного языка отведено 32 «клавиши».

Это, разумеется, только основные факторы, которые необходимо учесть при разработке раскладки клавиатуры, в самом устройстве гораздо больше технических условий, решений и ограничений.

Факторы биологического характера:

1. Каждый джойстик может иметь только 4 направления отклонения (вверх, вниз, влево и вправо). Это фактор именно биологического характера, так как большее количество отклонений может регистрироваться технически, однако человеку сложно точно и быстро осуществить отклонения под конкретным углом (например, если сделать 8 отклонений, добавив также отклонения под углом 45°).

2. Пальцы рук имеют различную подвижность – так, указательный и средний пальцы более подвижны, чем безымянные и мизинцы.

3. Различные направления (вверх, вниз, влево и вправо) также осуществляются на разных пальцах с разной степенью легкости и удобства: так, направления «влево» и «вправо» на всех пальцах легче, чем направления «вверх» и «вниз», а направления «вверх» и «вниз» легче осуществляются указательными пальцами и очень тяжело – безымянными, etc.

4. Желательно при наборе как можно чаще чередовать руки (чтобы снизить усталость и увеличить скорость набора) [7].

Факторы лингвистического характера:

1. Более частотные буквы набирать должно быть легче, чем редкие.

2. Более частотные сочетания букв должны набираться легко и не приходиться на один и тот же палец (сделать быстро одним пальцем движения в разных направлениях сложнее, чем сделать движения двумя соседними пальцами одной руки или разными пальцами разных рук).

3. Известно, что в русском языке (и, вероятно, во многих европейских тоже) чередование гласных и согласных встречается гораздо чаще, чем комбинации гласная-гласная и согласная-согласная [Там же].

Для начала была разработана раскладка клавиатуры Октодон для английского языка.

Для решения этой комплексной задачи был проведен математико-лингвистический анализ частотности букв (рис. 4) и буквосочетаний.

Буква	Частотность, %	Буква	Частотность, %
e	12,73	m	2,75
t	9,01	c	2,34
a	7,87	g	2,25
o	7,32	y	2,22
i	7,07	f	1,91
n	6,35	b	1,57
s	6,14	p	1,47
h	6,13	k	1,11
r	5,45	v	0,81
d	4,84	j	0,25
l	4,31	x	0,13
u	3,02	z	0,09
w	2,77	q	0,07

Рис. 4. Частотность букв английского языка, на которую опирались разработчики раскладки клавиатуры Октодон

С помощью специально написанного в рамках решений данной задачи программного обеспечения был проанализирован обширный массив английских текстов. Следует оговориться, что были выбраны тексты современные (не ранее второй половины XX века), художественного и публицистического стиля. Известно, что тексты разных стилей могут существенно отличаться лексически, и, как следствие, может отличаться частотность тех или иных букв и буквосочетаний в текстах разных стилей. Скорее всего, в рамках дальнейшего развития данного исследования придется проанализировать характер текстов, набираемых на мобильных устройствах, и включить в него тексты деловой переписки и тексты, имеющие признаки разговорного стиля (частотные в программах-мессенджерах).

Таким образом, были составлены две матрицы – матрица удобства отклонений клавиш клавиатуры Октодон и матрица частотности буквосочетаний для английского языка, в результате наложения которых и была разработана следующая раскладка клавиатуры (рис. 5):

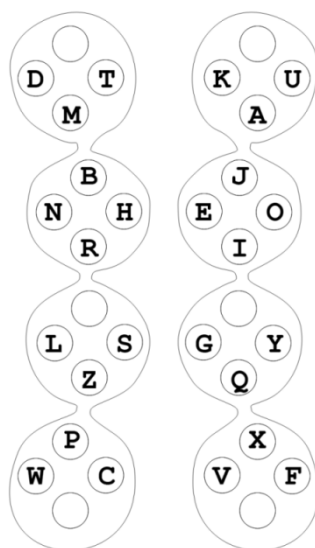

Рис. 5. Раскладка клавиатуры Октодон для английского языка

Как можно видеть из рис. 5, некоторые клавиши оставлены пустыми. Это вызвано тем, что букв английского языка – 26, а на данном устройстве есть возмож-

ность ввода 32 символов. Поэтому наименее удобные направления оставлены пустыми, на этих направлениях предложено разместить пунктуационные знаки – как специфичные для английского языка (апостроф), так и общие (кавычки, тире).

Поскольку в основе раскладки лежат принципы частотности букв и буквосочетаний, то очевидно, что для каждого естественного языка придется разрабатывать собственную раскладку клавиатуры, даже если в языке используется латиница без добавления особых символов.

Литература

1. Большая советская энциклопедия : в 30 т. – М. : Советская энциклопедия, 1969–1978.
2. Волошин О. История появления мышек и клавиатур [Электронный ресурс] // Компьютерра. – 2009. – 1 июля. – URL: <http://old.computerra.ru/terralab/peripheral/438379/>
3. Лысенко А. В. Октодон: Какой должна быть удобная клавиатура для смартфонов. [Электронный ресурс]. – URL: <http://habrahabr.ru/company/octodon/blog/210956/>
4. Лысенко А. В. Устройство для набора и ввода символов в портативные средства коммуникации : заявка на изобретение № 2010131174 // Банк патентов. Новые изобретения российских авторов : информационный портал российских изобретателей. – URL: <http://bankpatentov.ru/node/195054>
5. Панасова Е. П. Российская разработка инновационной скоростной клавиатуры для смартфонов // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей : материалы XVII Международной научно-практической конференции Гуманитарного ун-та (14–15 апреля 2014 г.) : доклады / редкол. Л. А. Закс и др. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2014. – Т. 2. – С. 388–392.
6. Письменный А. Великие клавиатуры прошлого [Электронный ресурс] // Компьютерра. – 2008. – 4 мая. – URL: <http://old.computerra.ru/online/356337/>
7. Титов П. О вопросах сравнения и оптимизации клавиатурных раскладок [Электронный ресурс]. – URL: <http://habrahabr.ru/post/210826/>
8. Техника : энциклопедия. – М. : Росмэн, 2006.
9. Baker N. Why do we all use Qwerty keyboards? [Электронный ресурс] // BBC News. – 2010. – 11 августа. – URL: <http://www.bbc.co.uk/news/technology-10925456>
10. Dvorak A. et al. Typewriter keyboard : patent № US002040248 // United States Patent and Trademark Office. – URL: <http://pdfpiw.uspto.gov/piw? Docid= 02040248>
11. Число мобильных устройств в мире до конца 2013 года превысит население Земли [Электронный ресурс] // Forbes. – 2013. – 12 апреля. – URL: <http://www.forbes.ru/news/237324-chislo-podklyuchennyh-k-seti-mobilnyi-ustroistv-v-2013-godu-prevysit-naselenie-zemli>
12. Octodon [Электронный ресурс]. – URL: <http://octodon.mobi>
13. Сайт ООО «Октодон» [Электронный ресурс]. – URL: <http://octodon.ru>
14. Popular Alternatives [Электронный ресурс] // CarPalx. Keyboard Layout Optimizer. – URL: http://mkweb.bcgsc.ca/carpalx/?popular_alternatives

	a, %	b, %	c, %	d, %	e, %	f, %	g, %	h, %	i, %	j, %	k, %	l, %	m, %	n, %	o, %	p, %	q, %	r, %	s, %	t, %	u, %	v, %	w, %	x, %	y, %	z, %
a		0,21	0,48	0,30	0,45	0,14	0,19	0,73	0,27	0,08	0,11	0,59	0,32	0,91	0,02	0,19	0,00	0,78	0,78	0,84	0,09	0,14	0,69	0,01	0,18	0,04
b	0,21		0,00	0,00	0,37	0,00	0,00	0,00	0,06	0,00	0,00	0,12	0,03	0,00	0,17	0,00	0,00	0,08	0,01	0,01	0,14	0,00	0,00	0,00	0,05	0,00
c	0,48	0,00		0,00	0,41	0,00	0,00	0,24	0,23	0,00	0,16	0,07	0,00	0,11	0,36	0,00	0,00	0,09	0,04	0,13	0,13	0,00	0,00	0,01	0,01	0,00
d	0,30	0,00	0,00		1,30	0,00	0,01	0,00	0,42	0,00	0,00	0,29	0,00	0,70	0,24	0,00	0,00	0,23	0,06	0,00	0,05	0,00	0,10	0,00	0,04	0,00
e	0,45	0,37	0,41	1,30		0,21	0,19	1,82	0,23	0,01	0,28	0,77	0,67	1,00	0,03	0,26	0,00	1,89	0,86	0,71	0,05	0,50	0,33	0,08	0,22	0,03
f	0,14	0,00	0,00	0,00	0,21		0,00	0,00	0,22	0,00	0,00	0,09	0,00	0,01	0,51	0,00	0,00	0,13	0,00	0,05	0,06	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
g	0,19	0,00	0,00	0,01	0,19	0,00		0,25	0,22	0,00	0,00	0,04	0,00	0,71	0,13	0,00	0,00	0,09	0,02	0,00	0,18	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
h	0,73	0,00	0,24	0,00	1,82	0,00	0,25		0,57	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,27	0,02	0,00	0,07	0,30	1,94	0,07	0,00	0,23	0,00	0,02	0,00
i	0,27	0,06	0,23	0,42	0,23	0,22	0,22	0,57		0,00	0,18	0,62	0,31	1,34	0,23	0,11	0,00	0,42	0,67	0,85	0,05	0,12	0,19	0,01	0,03	0,02
j	0,08	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00		0,00	0,00	0,00	0,01	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,06	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
k	0,11	0,00	0,16	0,00	0,28	0,00	0,00	0,00	0,18	0,00		0,04	0,00	0,14	0,10	0,00	0,00	0,03	0,07	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00
l	0,59	0,12	0,07	0,29	0,77	0,09	0,04	0,00	0,62	0,00	0,04		0,02	0,04	0,36	0,09	0,00	0,10	0,11	0,13	0,31	0,02	0,03	0,00	0,28	0,00
m	0,32	0,03	0,00	0,00	0,67	0,00	0,00	0,00	0,31	0,00	0,00	0,02		0,00	0,41	0,07	0,00	0,07	0,12	0,01	0,13	0,00	0,00	0,00	0,26	0,00
n	0,91	0,00	0,11	0,70	1,00	0,01	0,71	0,00	1,34	0,01	0,14	0,04	0,00		0,94	0,00	0,00	0,06	0,19	0,33	0,21	0,01	0,05	0,00	0,08	0,00
o	0,02	0,17	0,36	0,24	0,03	0,51	0,13	0,27	0,23	0,01	0,10	0,36	0,41	0,94		0,13	0,00	0,84	0,33	0,93	0,87	0,13	0,47	0,00	0,26	0,01
p	0,19	0,00	0,00	0,00	0,26	0,00	0,00	0,02	0,11	0,00	0,00	0,09	0,07	0,00	0,13		0,00	0,13	0,13	0,03	0,12	0,00	0,00	0,03	0,01	0,00
q	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00		0,00	0,00	0,00	0,05	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
r	0,78	0,08	0,09	0,23	1,89	0,13	0,09	0,07	0,42	0,00	0,03	0,10	0,07	0,06	0,84	0,13	0,00		0,15	0,27	0,32	0,01	0,03	0,00	0,12	0,00
s	0,78	0,01	0,04	0,06	0,86	0,00	0,02	0,30	0,67	0,00	0,07	0,11	0,12	0,19	0,33	0,13	0,00	0,15		0,58	0,35	0,00	0,04	0,00	0,05	0,00
t	0,84	0,01	0,13	0,00	0,71	0,05	0,00	1,94	0,85	0,00	0,00	0,13	0,01	0,33	0,93	0,03	0,00	0,27	0,58		0,38	0,00	0,04	0,01	0,07	0,00
u	0,09	0,14	0,13	0,05	0,05	0,06	0,18	0,07	0,05	0,06	0,00	0,31	0,13	0,21	0,87	0,12	0,05	0,32	0,35	0,38		0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
v	0,14	0,00	0,00	0,00	0,50	0,00	0,00	0,00	0,12	0,00	0,00	0,02	0,00	0,01	0,13	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00	0,00		0,00	0,00	0,00	0,00
w	0,69	0,00	0,00	0,10	0,33	0,00	0,00	0,23	0,19	0,00	0,00	0,03	0,00	0,05	0,47	0,00	0,00	0,03	0,04	0,04	0,00	0,00		0,00	0,01	0,00
x	0,01	0,00	0,01	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,03	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00	0,00		0,00	0,00
y	0,18	0,05	0,01	0,04	0,22	0,00	0,00	0,02	0,03	0,00	0,01	0,28	0,26	0,08	0,26	0,01	0,00	0,12	0,05	0,07	0,00	0,00	0,01	0,00		0,00
z	0,04	0,00	0,00	0,00	0,03	0,00	0,00	0,00	0,02	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	

Рис. 6. Частотность буквосочетаний для английского языка

|| «Молодые голоса»*

* В рубрике «Молодые голоса» редакция дает возможность опубликовать работы начинающим исследователям в различных отраслях науки.

УДК 338.2

Маркова Ирина Владимировна

магистрант 2-го курса, направление
«Экономика», факультет бизнеса и управления,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: m-irina1986@mail.ru

Markova Irina Vladimirovna

Master Student, Business and Management
Department, Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**ПРОБЛЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ
И РЕАЛИЗАЦИИ БИЗНЕС-ПЛАНА
В ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛЕ**

**BUSINESS PLAN DRAFTING AND
IMPLEMENTATION PROBLEMS
IN E-COMMERCE**

Аннотация

В статье изложены современные понятия, методики и виды бизнес-планирования. Исследуются проблемы практического применения финансового планирования в российских экономических условиях. Определяется потребность интернет-торговли в разработке бизнес-плана для оценки и реализации инвестиционных проектов.

Ключевые слова: бизнес-план; методика; анализ; планирование; инвестиции; интернет-магазины.

Abstract

The article describes modern concepts, methods and types of business-planning. The author explores problems of financial planning application in Russian economic environment. The need for E-Commerce to develop business-plan for evaluation and implementation of investment projects has been defined.

Key words: business plan; methodology; analysis; planning; investments; online store.

Сегодняшняя Россия занимает 67-е место (из 69 возможных) в мире по числу бизнесменов и насчитывает несколько миллионов частных предпринимателей. Эта сфера деятельности неизбежно связана с риском и обязательством принимать самостоятельные и обдуманные решения. После принятия решения о регистрации новой организации, предпринимателю нужно спроектировать деятельность будущей фирмы. Перед бизнесменом возникает вопрос о создании бизнес-плана, который предшествует всем будущим мероприятиям предпринимателя. Бизнес-планы нужны всем желающим заранее рассчитать и наметить свою перспективу, независимо от вида деятельности компании. Во-первых, бизнес-план нужен бизнесмену, перед которым стоит задача по созданию бизнес-идеи, а также оценка ее реализации и реалистичности. При отсутствии бизнес-плана, предшествующего любой деятельности новой организации, во много раз повышается риск провала его будущего бизнеса. В коммерческой деятельности планирование – это прочный фундамент, от стойкости которого зависит будущее компании [6].

В нынешнем обществе трудно встретить компанию, которая начинает свой бизнес с разработки бизнес-плана. Чаще всего новые предприятия стартуют с какой-либо идеей и с вариацией поиска рынка сбыта, а это огромная ошибка. Руководство компании вспоминает о бизнес-плане тогда, когда возникает необходимость взять кредит, вовлечь инвесторов или иных заинтересованных людей в продвижение бизнеса. Некоторые бизнесмены просто не понимают потребности в составлении и написании бизнес-плана для предстоящей работы компании.

Существуют 2 типа бизнес-плана: внешний (для инвесторов) и внутренний (для внутреннего развития фирмы). Последний предполагает самостоятельное урегулирование возникающих трудностей [4].

Разумеется, необходимо грамотно разработать бизнес-план, ведь от этого зависит финальный результат, которого достигнет предприятие, работая в намеченном направлении на рынке. Как всем известно, цель бизнеса – это прибыль при минимуме расходов.

При написании бизнес-плана необходимо учитывать следующие аспекты: описание цели, всевозможные направления для ее достижения, вероятные затраты, анализ рынка сбыта (должен быть спрос на предлагаемый ассортимент предприятия), исследование конкуренции.

Бизнес-план должен:

1. отобразить цель, идеи и стратегии развития фирмы в намеченном направлении;
2. аргументировать главную цель и этапы ее достижения;
3. ориентироваться на специалистов с опытом работы;
4. перечислить источники финансирования;
5. вычислить финансовую базу (планируемую прибыль и предполагаемые затраты);
6. перечислить соответствующие пути сбыта товара, работ, услуг (продажа на рынке сбыта, поиск клиентов) [1].

Это представление основных задач; в зависимости от направления развития компании они могут изменяться и дополняться.

Для того чтобы наметить результативный, хорошо рассчитанный, финансово обоснованный и логичный бизнес-план, вернее будет обратиться к услугам специалистов в этом вопросе.

Не секрет, что чем бизнес-план привлекательнее, тем больше шансы привлечь новых инвесторов или получить кредит от банка, следовательно, чем очевиднее описан бизнес-план, тем он доступнее и понятнее, тем выше его перспективность.

Для рассмотрения актуальных проблем возьмем, к примеру, рынок электронной торговли, так как все большую актуальность приобретает в России вид предпринимательской деятельности, связанный с организацией онлайн-магазинов.

Интернет-торговля оказывает существенное влияние на денежный оборот страны, ускоряя расчеты, так как в основном они проходят в безналичной форме с использованием электронных денег. Развитие интернет-торговли напрямую способствует развитию интернет-банкинга.

За последние несколько лет интернет-торговля стабильно растет; к примеру, еще лет 10 назад такой успех отрасли даже представить себе было нельзя. Согласно прогнозам Data Insight, объем российского рынка электронной коммерции вырос до \$17 млрд в 2013 году [2].

В настоящее время существует много интернет-магазинов, крупных и малых, смешанных или специализирующихся на одной группе товаров. Сегодня в Интернете можно приобрести любой товар, при этом интернет-коммерция имеет преимущества как для покупателей, так и для владельцев товара.

Интернет-коммерция – это набор программных средств, используемых в интернет-проекте, позволяющий потенциальному покупателю получить информацию о товарах и услугах фирмы, оформить заказ, произвести оплату через интернет с дальнейшим получением заказа.

Расчет в интернет-магазинах возможен в 3 вариантах:

- 1) наличными (после доставки товара);
- 2) по кредитной карте;
- 3) по интернет-банку.

Рассмотрим статистику рынка e-commerce в России. Объем рынка составил 544 млрд рублей (приблизительно \$18 млрд) в год, включает в себя продажу ма-

териальных товаров на сумму 363 млрд рублей, а остальная часть – билеты, цифровые товары.

В 544 млрд рублей не включены: онлайн-закупки для корпоративных нужд (в том числе и розничные), купоны, продажи через терминалы в офлайновых торговых точках, продажи по каталогам, трансграничные продажи, прямые и через посредников. В России на данный момент 30 млн человек покупают в онлайн, что составляет 50 % от общего числа пользователей Интернета. Рост количества онлайн-покупателей в России за 2013 год – 13 %, или 4 миллиона новичков на рынке e-commerce.

Покупатели в большинстве случаев выбирают оплату наличными (69 %). Только 14 % готовы воспользоваться банковской картой для онлайн-оплаты через Интернет. Оплата банковской картой при получении товара не очень высока (4 %), так как интернет-магазин не всегда готов принять оплату безналичным способом.

Таким образом, исходя из данных по приведенной выше статистике, можно сделать вывод, что в настоящее время в стране наблюдается интенсивный рост рынка электронной коммерции. Количество интернет-магазинов в России растет, сегодня в стране насчитывается порядка 30 тысяч интернет-магазинов, немного уступая европейскому рынку электронной коммерции, например, в США сегодня функционируют 38 тысяч официально зарегистрированных веб-торговцев. 2013 год выдался непростым для розничной торговли: многие магазины были вынуждены закрыть свои двери после неудачных попыток поднять продажи. Но, в свою очередь, онлайн-магазины показали неплохой рост. Ассоциация Interactive Media in Retail Group ожидает 20%-ный рост продаж на мировом рынке электронной коммерции в следующем году.

Актуальные проблемы интернет-торговли в России:

1. контрафакт, параллельный импорт, что ведет к снижению привлекательности рынка для публичных инвесторов;
2. уклонение от уплаты налогов и обязательных платежей, приводящее к росту конкуренции за счет незаконной оптимизации налогов;
3. слабая распространенность безналичных платежей, как следствие – низкая рентабельность интернет-торговли;
4. обман потребителей, канибализация российского рынка зарубежными компаниями, отток капитала [5].

Основное превосходство интернет-магазинов перед офлайн-точками – это минимизация затрат на коммерческую недвижимость. Тем более что открытие любого предприятия предполагает организационные расходы. Для того чтобы верно рассчитать предстоящие расходы, ожидаемый доход и рентабельность в целом для открытия интернет-магазина, нужно разработать бизнес-план.

Безусловно, перед тем как его составлять, нужно определить специфику интернет-магазина, от которой далее будет зависеть его планирование. Данная статья не имеет цели дать оценку результативности продажи определенной категории товара, стоит отметить, что реализуемый товар был стандартизированным. Учитывая, что нет возможности посмотреть и потрогать продукцию «в живую», продажа редкой и уникальной продукции кажется нецелесообразной.

На данный момент действует и создается огромное количество разнообразных интернет-магазинов, планирование которых должно осуществляться с учетом специфики продаваемой продукции. Тем не менее следует раскрыть общие стороны, характерные для большинства схем по открытию интернет-магазина.

В создании бизнес-плана интернет-магазина входят разнообразные составляющие, которые позволяют просчитать эффективность вложенных инвестиций в открытие данной фирмы. При разработке бизнес-плана нужно предварительно провести анализ спроса и предложения на услуги интернет-магазина. Данные, по-

лученные в процессе анализа деятельности действующих интернет-магазинов, в дальнейшем будут применяться для принятия решения о товарной группе, которая будет реализовываться в планируемом интернет-магазине.

Одной из основных составляющих бизнес-плана является оценка прибыли по проекту.

Для прогнозирования прибыли нужно предположить ожидаемые объемы продаж на каждую категорию товаров. Учитывая установленную ценовую политику магазина, далее применяя данные о предполагаемых объемах продаж, можно рассчитать будущую прибыль по проекту. Для того чтобы магазин оправдывал расходы, нужно достичь такого уровня продаж, при котором чистая прибыль компенсирует постоянные затраты плюс часть изначально вложенных инвестиций. Уровень продаж зависит от популярности сайта интернет-магазина, иными словами от его трафика посещаемости, т. е. от его развития. Продвижение сайта достигается за счет оптимизации в поисковых системах, контекстуальной и медийной рекламы. При составлении бизнес-плана магазина нужно предложить маркетинговый ход, направленный на привлечение клиентов. Основной статьей расходов на маркетинг в этом случае будут расходы на размещение рекламы в Сети. При исследовании рекламной стратегии следует учитывать, считается ли планируемый интернет-магазин дополнительным направлением продаж существующей компании или же представляет собой независимую торговую площадку.

Необходимым компонентом бизнес-плана онлайн-магазина является анализ инвестиционных затрат. При разработке бизнес-плана интернет-магазина необходимо учитывать, что для эффективного осуществления проекта нужно правильное продвижение интернет-ресурса, так как это влияет на посещаемость сайта. Затраты на создание и раскрутку сайта считаются одними из основных при написании бизнес-плана. Основные статьи первоначальных расходов включают в себя затраты на покупку компьютеров и программного обеспечения, расходы на приобретение и установку его у провайдера, специализированного сервера. При вычислении инвестиционных затрат необходимо принимать во внимание прочие расходы (аренда здания, затраты на покупку мебели, затраты на формирование ассортимента продукции и т. п.).

Разработка бизнес-плана для интернет-магазина предполагает также анализ затрат, реализация которых нужна для эффективной работы проектируемой компании. Нужно подчеркнуть, что главными составляющими бизнес-плана онлайн-магазина считаются разработка системы доставки продукции клиентам и создание методик для работы с поставщиками, затраты на которые нужно учитывать при реализации бизнес-плана. При анализе текущих затрат необходимо принимать во внимание также расходы на аренду офиса для фирмы, затраты за пользование телекоммуникационными услугами, затраты на заработную плату работникам компании.

Заключительной стадией разработки бизнес-плана онлайн-магазина считается финансово-экономический анализ проекта. На этой стадии делается калькуляция всех главных показателей экономической эффективности магазина. Помимо этого, учитывая, что под влиянием разных внутренних и внешних условий есть вероятность несоответствия настоящих показателей проекта ожидаемым, основным элементом бизнес-плана интернет-магазина должна стать оценка рисков проекта. Среди более значительных рисков данного бизнеса необходимо выделить: вероятность невыполнения обязательств поставщиками, риск внезапного роста текущих затрат, риск сокращения доверия населения к предложениям интернет-магазина, а кроме того, риск падения рейтинга веб-сайта магазина в поисковых режимах.

Изучив ключевые тезисы бизнес-плана интернет-магазина, можно сделать вывод, что результат проекта зависит от следующих факторов:

- 1) наиболее доходной товарной ниши;
- 2) результативной оптимизации расходов, особенно в первое время деятельности магазина;
- 3) грамотной рекламной политики по раскрутке сайта магазина;
- 4) постоянного продвижения проекта.

При составлении бизнес-плана нужно проанализировать риски, которые могут появиться в момент реализации намеченных действий. В зависимости от выбранной ниши вероятен разный уровень анализа, прогноза и управления рисками. Для крупного бизнеса нужен детальный анализ рисков с применением теории вероятности. Для малого и среднего бизнеса достаточна оценка риска экспертным методом. Нужно исследовать, какие риски более возможны и какие расходы может понести фирма в связи с преодолением результатов появления рисков ситуации. Надо спланировать мероприятия по профилактике рисков и проекты по страхованию от них, разработать компенсирующие мероприятия, другими словами альтернативу по обеспечению нормального функционирования бизнеса при появлении рисков. Согласно итогам сделанного прогноза рисков принимается решение о рационализации проекта.

Самые распространенные ошибки, возникающие при написании бизнес-плана, независимо от сферы деятельности магазина:

- 1) неверное представление особенных нюансов бизнес-плана, что характеризуется излишней подробностью в разработке плана и плохим анализом рынка;
- 2) недостаточный маркетинговый анализ;
- 3) завышенная стоимость выполнения проектируемой работы, что приведет к иллюзорно-оптимистичному прогнозу будущего финансового положения фирмы;
- 4) недооцененные затраты, связанные с реализацией бизнеса;

Из этого следует, что грамотно разработанный бизнес-план предоставляет возможность проанализировать общее состояние компании в настоящий период и сделать прогноз экономического уровня, которого способна достигнуть компания вследствие осуществления инвестиционного проекта.

Но составить бизнес-план – это «полдела», главное – грамотно его реализовать. Нам всем свойственно делать ошибки, так что любой новый или уже действующий бизнес не обходится без них. Если ошибок будет много, то это может привести к краху компании.

Каждый интернет-магазин индивидуален, поэтому, открывая в Сети свой бизнес, несомненно, натолкнется на множество индивидуальных проблем, которые будут связаны с направлением вашего бизнеса. Но можно выделить общие и типичные проблемы на момент открытия и продвижения интернет-магазина независимо от его тематики:

I. Ошибки в организации процесса

Многие при открытии бизнеса в Интернете, т. е. интернет-магазина, думают, что это «магический инструмент по получению дохода», но в реальности это всего лишь метод привлечения клиентов и расширения области продаж. Следовательно, им присущи все нюансы работы офлайн-магазинов. Прежде чем инвестировать капитал в открытие онлайн-магазина, необходимо разработать бизнес-план, без него есть вероятность закрытия проекта.

1. Незнание рынка.

Чаще всего большая часть людей загорается каким-либо замыслом (услышанным от кого-то из знакомых), до конца ничего не распланировав, и принимается за воплощение этой идеи. Если все же решение о продаже какой-либо продукции принято, необходимо прежде изучить все особенности работы с ней. Первым де-

лом надо узнать и обсудить условия продажи и доставки товара. Далее – проанализировать продажи конкурентов и работающих интернет-магазинов. Рассчитать, насколько выгоднее для клиентов будет ваше предложение.

2. Работа без юридической регистрации.

Для открытия интернет-магазина необходимо зарегистрировать общество с ограниченной ответственностью или индивидуальное предпринимательство. В компаниях, которые специализируются в этой области, цена на эту услугу не более 15 000 рублей, это небольшая сумма для того, чтобы получить высокий доход.

3. Отсутствие центра выдачи товара (офиса).

С этим может поспорить каждый начинающий бизнесмен, так как большая часть действует «на лету», т. е. отгрузка приобретенного товара (заказ) отгружается и доставляется клиенту сразу от поставщика. При любых обстоятельствах наличие офиса – это преимущество, которое приумножает доверие клиентов.

4. Неправильно выбранное имя домена для интернет-магазина.

Доменное имя – это не только адрес интернет-магазина, оно одновременно является его брендом и названием. Для того чтобы правильно его выбрать, необходимо учитывать некоторые параметры:

- главное, что стоит применять, – это транслитерация, другими словами – написание русских названий латинским алфавитом. Также при транслитерации не нужно использовать трудно переводимые слова, так как доменное имя становится трудно восприимчивым на слух, следовательно, плохо запоминается;

- добавление в название онлайн-магазина региональной принадлежности, это может быть аббревиатура, например «ekb», либо полное название города, телефонный код города или номер региона, либо добавление приставок, характеризующих область продаж магазина: «ort», «shop» и тому подобное;

- необходимо покупать домен в известной доменной зоне, такими являются РФ, NET, RU, COM, SU и т. д.;

- самое важное: регистрация домена должна быть на имя его владельца или организации;

- не стоит открывать интернет-магазин на доменах «третьего уровня», которые чаще всего бесплатны, здесь нет возможности продвинуть сайт и выйти на высокий уровень продаж.

5. Стоимость доставки.

Цена доставки не может превышать стоимость самой продукции, иначе с таким бизнесом можно быстро «прогореть». Перед запуском продаж необходимо хорошо проанализировать этот пункт.

II. Ошибки в продаже товара и работе с покупателями

1. Плохая связь с клиентом.

От того, как продавец говорит с клиентом, насколько точно отвечает на все интересующие его вопросы, зависит, приобретет ли он товар или нет. На сайте обязательно должна быть помещена различная информация для обратной связи, так как продавец не может предугадать, какая именно будет удобна для потенциального клиента.

2. Мобильный номер телефона, указанный на сайте.

Большинство интернет-магазинов базируется на мобильных номерах телефонов, тем самым они уступают конкурентам с прямым номером телефона. Смысл этого в повышении доверия клиента, так как мобильный номер есть у всех, и при других одинаковых обстоятельствах такой интернет-магазин будет выглядеть не презентабельно по сравнению с другими.

3. Отсутствие разных способов оплаты покупки товара.

Должны иметь место все виды платежей, такие как наличный расчет, пластиковая карта, электронные деньги и т. д. Также не стоит забывать о том, что лиди-

рующую позицию занимает оплата наличными при получении товара, это напрямую зависит от менталитета жителей России, где пока еще нет такого доверия к интернет-магазинам, как, к примеру, в Европе, на Западе, что тормозит развитие интернет-коммерции в целом. При расчете заказчик должен получить чек и все нужные документы на товар.

4. Плохой сервис.

Большинство интернет-магазинов практикует неверные цены на товар, неточное описание продукции, невнимание к клиенту. В сети очень мало магазинов, которые должным образом обслуживают заказчиков.

III. Технические ошибки при разработке сайта магазина

На данном этапе самой распространенной ошибкой является экономия денег на создание сайта. При стремлении к большому доходу большинство начинающих бизнесменов начинает «считать каждую копейку» при выборе разработчика сайта, но вскоре эта экономия, в лучшем случае, превратится в дополнительные затраты и создаст множество других проблем.

Варианты создания сайта:

- поручить разработку веб-студии;
- приобрести действующий интернет-магазин;
- арендовать;
- нанять фрилансера;
- разработать сайт самостоятельно.

Все варианты различны по стоимости и качеству.

1. Неправильная верстка и дизайн сайта.

Эта проблема характерна для многих недорогих сайтов, это отталкивает потенциального клиента.

2. Неудобный поиск и навигация по сайту.

Такой интернет-магазин имеет низкие продажи.

3. Экономия на развитии бизнеса.

Сюда можно отнести попытку открытия бесплатного сайта и сомнительные продажи, такие как совместные закупки и другие.

4. Реализация «все в одном».

Самая распространенная ошибка большинства дорогостоящих проектов относится к функционалу и дизайну сайта. Здесь залогом успеха является простота: чем проще в эксплуатации магазин, тем он привлекательнее.

5. Неправильная форма заказа.

Сложность заказа чаще всего отпугивает потенциального клиента. Не стоит требовать обязательной регистрации на сайте, регистрация должна быть по собственному желанию, можно ограничиться написанием основных данных для будущей реализации заказа; чем меньше надо заполнить полей, тем более привлекательным становится магазин, и меньше вероятности, что заказчик уйдет к конкуренту.

6. Перенасыщение сайта информацией.

Неправильное расположение информации и перенасыщение ею приведет к снижению внимания клиентов и уменьшению конверсии.

7. Непродуманное наполнение сайта.

Самая главная ошибка при наполнении сайта товаром – это копирование товара с другого ресурса: ресурс попадет под фильтр и этим затруднит свою раскрутку. Но если магазин продвигается с помощью рекламы, то эта схема на его раскрутку никак не повлияет. Главное, чтобы клиент мог найти нужную информацию для совершения покупки.

IV. Ошибки продвижения сайта

На данной стадии ошибаются чаще всего, ведь пока магазин функционирует, его необходимо продвигать.

1. Работа без плана и стратегии.

Для того чтобы добиться успеха в этом бизнесе, надо уметь ждать и иметь терпение, не стоит изменять стратегию раскрутки сайта, так как результат от рекламы будет только спустя 2 недели, а эффект от продвижения будет виден, только спустя 5 месяцев. Если в первое время нет звонков и заказов от клиентов, большинство бизнесменов пробует другие необдуманные способы продвижения товара. Здесь есть большая вероятность попасть к мошенникам, которые обещают мгновенно привлечь покупателей, тем самым увеличивая затраты бизнесмена. Невозможно применять то баннерную, то контекстную рекламу или прибегнуть к SEO-продвижению. Кроме того, нельзя полагаться только на один метод раскрутки сайта как на источник клиентов.

2. Ошибки в раскрутке и оптимизации сайта.

Наиболее роковые и неисправимые. Загнать веб-сайт в «бан» возможно только раз, уклониться от санкций чрезвычайно проблематично.

3. Неграмотное управление баннерной и контекстной рекламой.

Оно приводит к повышению затрат и ограниченному привлечению новых клиентов.

При открытии и раскрутке интернет-магазина, несомненно, будет совершена масса ошибок, но многих из них можно избежать, так как они уже известны по чужому опыту.

Таким образом, главные проблемы в бизнес-планировании можно разделить на факторы, воздействующие на реализацию основных принципов бизнес-плана, и дополнительные, которые характеризуют эффективность практического применения бизнес-плана.

Хорошо продуманный бизнес-план раскрывает перспективы его развития, другими словами дает ответ на самый главный вопрос: имеет ли смысл инвестировать средства в данный проект, будет ли ожидаемый доход превышать все расходы, связанные с открытием и последующей работой данного бизнеса?

Однако не следует брать за образец уже написанный бизнес-план, так как его актуальность в условиях современной экономики может быть утеряна из-за применения жестко сформулированных параметров, потерявших свою значимость. Бизнес-план дает возможность, на основании проанализированной экономической ситуации в стране и мире, создавать новые сценарии поведения бизнеса. Бизнес-план раскрывает возможность отследить различные возникающие ситуации за каждый промежуток времени.

Литература

1. Бизнес-планирование : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Экономика» и «Менеджмент» / под ред. В. З. Черняка, Г. Г. Чараева. – М. : Юнити-Дана, 2010.
2. Козье Д. Электронная коммерция : пер. с англ. – М. : Русская редакция, 2009.
3. Патсула П. Дж. Бизнес-план за 30 дней. Пошаговое руководство по успешному бизнес-планированию и началу собственного дела. – М. : Эксмо, 2008.
4. Попов В. М. и др. Бизнес-план инвестиционного проекта. Отечественный и зарубежный опыт. Современная практика и документация : учеб. пособие. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Финансы и статистика, 2003.
5. Ассоциация компаний интернет-торговли. – URL: <http://www.akit.ru>
6. Российская газета. – URL: <http://www.rg.ru/>

УДК 330.44

Гончарова Наталья Алексеевна

магистрант 2-го курса, факультет бизнеса и управления, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: goncharova76@mail.ru

Goncharova Natal'ya Alekseyevna

Master Student, Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗАТРАТАМИ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

METHODS OF COST MANAGEMENT: GENESIS AND MODERN APPROACHES

Аннотация

Данная статья посвящена содержательному анализу методов управления затратами с учетом их эволюции и современного состояния.

Ключевые слова: затраты; центры ответственности; прямые затраты; косвенные затраты; переменные затраты; постоянные затраты; условно-постоянные затраты; методы управления затратами.

Abstract

The article focuses on expert analysis of cost management methods, given the scope of their evolution and current state.

Key words: costs; points of responsibility; direct costs; indirect costs; variable costs; fixed costs; semi-fixed costs; methods of cost management.

В настоящее время компании стремятся к ведению деятельности, которая была бы основана на выпуске высококачественной и конкурентоспособной продукции при минимальных затратах на ее производство. Затраты являются одной из составляющих частей, определяющих рост или снижение эффективности деятельности предприятия. В период спада продаж и роста издержек возникает вопрос о правильном выборе концепции управления затратами. Руководители начинают искать новые пути выхода из сложившейся ситуации.

В системе управления затратами существует множество концепций для приемлемого выбора применительно к системе любого предприятия. При выборе метода учета затрат на производство руководитель предприятия сам принимает решение в зависимости от особенностей производственного цикла, его сложности, наличия незавершенного производства, номенклатуры производимой продукции. Для принятия решения руководителю необходимо понять, какой прием наиболее рационален, прост в обращении, а также проанализировать все существующие методы учета затрат, выявить их преимущества и недостатки.

Эволюция методов управления затратами в контексте сущности условия их применения, преимуществ и недостатков представлена в помещенной ниже таблице. В отечественных и зарубежных научных кругах продолжаются дискуссии относительно методики учета затрат и калькулирования себестоимости продукции. В мировой практике хозяйствования применяют различные методы калькулирования, что, прежде всего, обусловлено различным назначением калькуляций, типом производства и традициями внутрифирменного управления.

Таблица*

Эволюция методов управления затратами

Ученые	Год	Метод управления затратами	Сущность метода	Условия применения метода	Преимущества метода	Недостатки метода
Гаррингтон Эмерсон, Чартер Гаррисон	1933	StandardCosts	Для каждого вида затрат расчетным путем определяются обоснованные нормы расхода (стандарты) ресурса на единицу продукции. Затраты ресурсов по нормам и отклонения от норм потребления ресурсов рассчитываются и учитываются отдельно	Наличие системы существующих стандартов (норм и нормативов)	Оперативность выявления негативных тенденций в процессе формирования затрат и прибыли организации	1. Трудоемкость определения стандартов на базе технологической документации производства. 2. Затрудненность определения остатков готовой продукции на складе и незавершенного производства при изменении цен на рынке и при инфляции
Джонатан Харрисон	1936	Direct-Costing-Sistem	Распределение накладных расходов относятся непосредственно на счет прибылей и убытков за тот период, когда они произошли	Разделение затрат на переменные и постоянные	1. Простота нормирования, планирования, учета и контроля затрат. 2. Высокий уровень контроля и регулирования себестоимости и отдельных статей затрат. 3. Отсутствие сложных расчетов распределения постоянных затрат по видам продукции. 4. При изменении условий рынка и позиций конкурентов производство можно быстро переориентировать. 5. Гибкость и оперативность принятия управленческих решений в сфере формирования затрат, себестоимости и прибыли	1. Сложность точного распределения затрат на переменные и постоянные. 2. Сложность в формировании полной себестоимости готовой продукции или незавершенного производства. 3. Сложность системы ценообразования, в связи с необходимостью дополнительных расчетов по распределению постоянных расходов
Тоширо Хиромото	1960	Target Costing	Определяется целевая себестоимость продукции на каждой стадии ее производства	При тесном горизонтальном взаимодействии между функциональными подразделениями предприятия	1. Маркетинговая ориентация производства. 2. Определяются целевые затраты для новых продуктов	1. Для целевого снижения затрат требуется продолжительное время или значительные инвестиции. 2. Технические возможности предприятия не всегда могут сни-

				осуществляется постоянный контроль уровня затрат	3. Контроль затрат начинается осуществляться уже на стадии разработки продукции	зять себестоимость до заданного уровня работ
Министерство обороны США	середина 60-х годов XX века	LifeCycleCosting - LCC	Расчет финансирования будущего проекта производится исходя из полной стоимости контракта или программы, а не из себестоимости каждого конкретного изделия	При калькулировании себестоимости продукта учитываются все затраты, связанные с продуктом на протяжении всего времени его жизни (начиная с момента разработки первого опытного образца и заканчивая выводом продукта с рынка)	1. Возможность точного прогнозирования основных рабочих операций и соответствующих им затрат. 2. Точность определения стадии жизненного цикла продукта, его возможностей и рисков для дальнейшего стратегического развития организации	1. Отсутствие периодизации финансовых результатов. 2. Неопределенность в учете накладных затрат. 3. Увеличиваются затраты на получение дополнительной информации
Р. Д. Мак-Илхаттан, Р. А. Хауэлл, С. Р. Соуси	1970	Just-in-Time (JIT)	В основу управленческих решений положен принцип бережливого производства	При оценке эффективности производственного процесса, помимо уровня затрат и производительности фондов, необходимо учитывать длительность полного производственного цикла	1. Сокращение объема товарно-материальных запасов и затрат на их содержание. 2. Сокращение производственно-финансового цикла организации, т. е. повышение оборачиваемости ресурсов. 3. Высокое качество продукции при пониженном уровне производственных потерь. 4. Точность формирования себестоимости. 5. Простота системы производственного учета затрат	1. Ориентация на мелкосерийное или единичное производство. 2. Неизбежность ошибок в ассортименте и срывы поставок, с вероятностью остановки производственного процесса. 3. Необходимость создания централизованной цепочки предприятий-партнеров, работающих по той же системе
Л. Д. Майлз, Ю. М. Соболев	1970	ФСА	Цепочка технологического процесса, которая позволяет оценить реальную стоимость выпускаемой продукции или услуги безотносительно к организационной структуре компании	Сущность ФСА состоит в систематизированной модели функции и способности анализировать ее отдельно, а также во взаимосвязи с соседними функциями	1. Возможность контроля над затратами в местах их возникновения. 2. Высокий уровень достоверности показателей себестоимости и рентабельности по видам продукции. 3. Оптимизация процесса ценообразования	1. Сложность системы. 2. Зависимость от человеческого фактора

					4. Гибкость и оперативность принятия управленческих решений. 5. Оперативность выявления и предотвращения негативных тенденций в процессе формирования себестоимости и прибыли организации	
Институт стратегического планирования Кембриджа	1972	Benchmarking	Предполагает сравнительный анализ эффективности работы более успешной компании с показателями другой	Сущность бенчмаркинга заключается в сравнении показателей конкурентов, изучении и применении передового опыта для деятельности своего предприятия	Наличие широких перспектив в сфере инновационной деятельности организации, для выхода в лидеры	1. Отсутствие полноты картины деятельности предприятия, в связи с узкой направленностью (сравниваются только ключевые позиции). 2. Сложность создания и ведения сравнительных баз данных. 3. Неправильный выбор предприятия-эталона снижает эффективность метода. 4. Требуется системности и целенаправленности в применении опыта других предприятий
Масааки Имаи, Тайчи Оно	1980	Kaizen Costing	Сущность метода заключается в постоянном и непрерывном снижении затрат, для обеспечения целевой себестоимости в процессе производства продукции	Постоянное усовершенствование производственных процессов, которые в дальнейшем могут дать значительный результат	Обеспечивает непрерывное снижение затрат и удержание их на заданном уровне	Необходима постоянная мотивация сотрудников, корпоративная культура и поддерживаемая вовлеченность персонала в деятельность компании
Робин Купер, Роберт Каплан	1988	ABC – Activity Based Costing	Деятельность компании рассматривается в виде процессов или рабочих операций, при которых сумма затрат предприятия определяется на основании затрат соответствующих процессов и операций	Позволяет конструктивно подходить к определению видов деятельности и дальнейших операций по ним	Способствует повышению обоснованности отнесения накладных расходов на конкретный продукт и взаимосвязи получаемой информации с процессом формирования затрат	Требуется значительных изменений в системе бухгалтерского учета и совершенствования систем информационной поддержки, что влечет за собой рост затрат на управление
Дж. Шанк, В. Говиндараджан, К. Дружи	Середине XX в.	Value chain	Сущность метода заключается в минимизации затрат при последовательности выпуска продукции	Позволяет оптимизировать структуру организации для целей стратегического менеджмента,	1. Дает формирование учетной информации о вкладе каждого ценного вида деятельности в дос-	1. Имеет гибкую структуру управления. 2. Не дает объективной идентификации ценных видов деятель-

				построить цепочку создания стоимости с наименьшими производственными затратами при взаимосвязи всех производственных элементов	тижение конкурентного преимущества. 2. Дает возможность оптимизации затрат на протяжении всей цепочки ценностей	ности и их статуса
--	--	--	--	--	--	--------------------

Отечественные методы управления затратами

Е. Г. Либерман, М. Х. Жебрak	В конце 20-х годов	Нормативный метод	Сущность заключается в проведении предварительного нормирования затрат	Позволяет производить исчисление путем суммирования нормативной себестоимости и выявленных за отчетный период изменений норм и отклонений от норм	Преимущество нормативного метода в том, что он без сложных выборов, дополнительных сводок и промежуточных документов предоставляет все необходимые сведения, вытекающие из самой системы учета, концентрируя внимание на отрицательных моментах	1. При незначительном изменении норм, их учитывают вместе с отклонениями. 2. Не все отклонения документируются, ведется их укрупненный учет без определения причин и виновников. 3. Остатки незавершенного производства при изменении норм не пересчитываются, а все изменения и отклонения списываются на себестоимость. 4. Нормируются лишь прямые затраты, нормативная калькуляция составляется только по ним
А. П. Рудановский, А. М. Галаган, Н. А. Блатов, В. И. Стоцкий		Попроцессный метод	Затраты следуют за продуктом по технологической цепочке	Распределение затрат между выпуском и незавершенным производством, а также между несколькими видами продукции производится на любой стадии производственного процесса	1. Расчет затрат экономичный и менее трудоемкий. 2. Затраты собираются за период, а не относятся на конкретный заказ. 3. Потоки затрат прослеживаются на бухгалтерских счетах	1. Усреднение затрат приводит к погрешности в расчетах. 2. Затруднен контроль над затратами. 3. Запасы незавершенного производства должны оцениваться по степени завершенности
		Попередельный метод	Учет затрат организуется по технологическим переделам	Произведенные затраты группируют и учитывают по агрегатам, если в переделе используют несколько агрегатов, работающих параллельно. Порядок учета по агрегатам определяется отраслевыми инструкциями	Этот метод позволяет определить себестоимость отдельных фаз обработки продукции по цехам, выявить место возникновения и причины отклонений фактической себестоимости продукции от плановой или нормативной	Себестоимость готовой продукции складывается из себестоимости полуфабрикатов, предшествующих стадии обработки и затрат последнего передела, одни и те же затраты повторяются в себестоимости полуфабрикатов несколько раз

	Позаказный метод	Затраты учитываются по заказам на изготовление одного изделия или небольшой партии одинаковых изделий	Учитывает прямые затраты в разрезе установленных статей калькуляции по отдельным заказам	Метод дает возможность: 1. Более точно определить затраты на конкретный заказ и его цену. 2. Оценить эффективность отдельных заказов, выявить наиболее прибыльные заказы как в целом, так и по отдельным операциям в аналогичных заказах. 3. Осуществлять действенный контроль затрат по заказам путем расчета отклонений между плановыми (нормативными) и фактическими данными. 4. Сформировать базу для планирования производственных затрат и отпускных цен по будущим заказам	Учет и исчисление себестоимости, контроль затрат ведутся по отдельным заказам, что требует значительной детализации и, следовательно, большой счетной работы
--	------------------	---	--	---	--

* Составлено автором на основе источников 1–18.

Например, Беляевой Н. С. предложена схема систем калькулирования затрат промышленного предприятия, в которой существующие методы разделяются на калькуляцию себестоимости с полным распределением затрат и калькуляцию себестоимости по переменным затратам (рисунок). Она указывает, что в зарубежных странах при классификации систем учета затрат предприятия за полнотой их включения в состав себестоимости готовой продукции выделяют несколько систем:

- 1) традиционную – систему учета полных затрат, призванную удовлетворять потребности стратегического управления;
- 2) неполных затрат – ориентированную на удовлетворение потребностей оперативного управления.

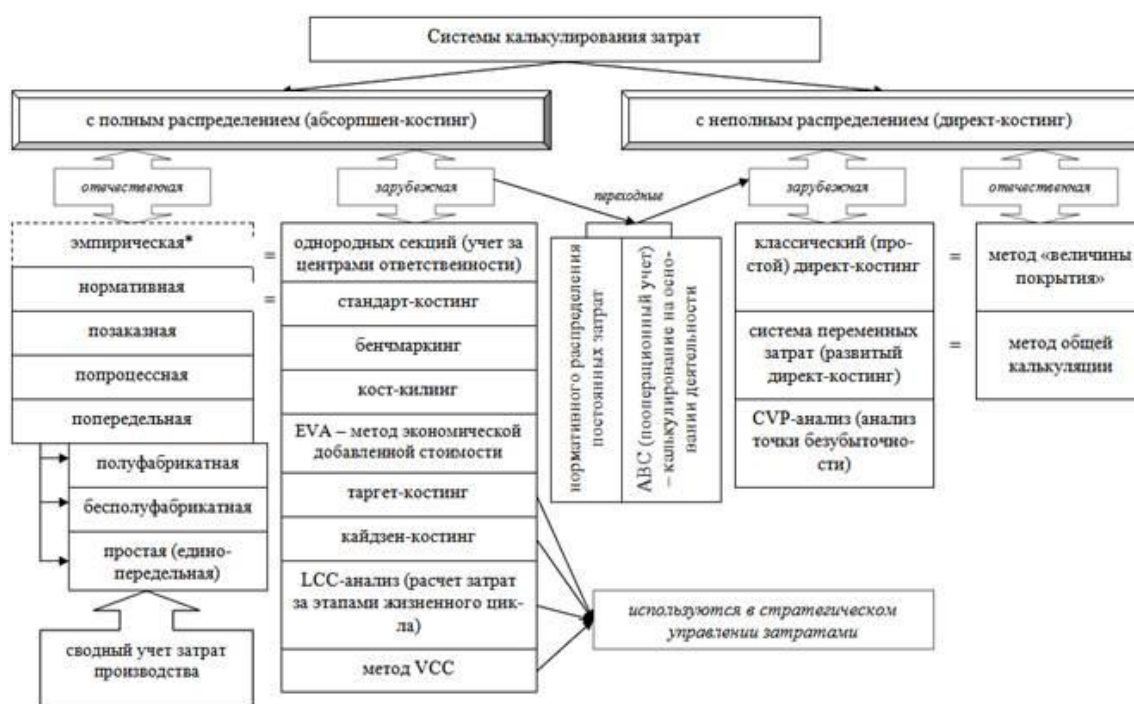

Рис. Взаимосвязь систем учета и калькулирования затрат промышленных предприятий¹

Классификация в большинстве случаев несет в себе некоторую условность. Кроме того, в среде экономистов-практиков периодически встречается мнение, что классификации имеет чисто умозрительный характер, а практическая их ценность весьма сомнительна.

Современная наука не стоит на месте, появляются новые методы и приемы, но основные первоочередные концепции всегда будут объектами изучения. Рассмотренные методы управления затратами многообразны по своему содержанию, различны по своим целям и особенностям применения.

В настоящее время руководители современного предприятия самостоятельно выбирают применительно к своей деятельности методы управления затратами, которые имеют важное значение для полноценного и оптимального управления ими в целях максимизации прибыли.

¹ Беляева Н. С. Взаимосвязь систем учета и калькулирования затрат промышленных предприятий для целей их стратегического управления. – URL: <http://www.jurnal.org/articles/2014/ekon23.html>

Литература

1. Абдукаримов И. Т., Абдукаримова Л. Г. Оценка и анализ производственных затрат и их роль в эффективном управлении предпринимательской деятельностью // Финансы: планирование, управление, контроль. – 2011. – № 4.
2. Вахрушина М. А. Бухгалтерский управленческий учет. – М. : Омега-Л, 2011.
3. Владимцев Н. В., Денисова А. С. Формирование системы бюджетирования компании: внутренний регламент и иерархия центров финансовой ответственности // Экономический анализ: теория и практика. – 2008. – № 6. – С. 47–50.
4. Волошин Д. А. Стратегический управленческий учет как современный информационный метод // Аудиторские ведомости. – 2007. – № 12.
5. Волошин Д. А. Стратегический управленческий учет // Экономический анализ: теория и практика. – 2007. – № 16.
6. Воронов Ю. П. Бенчмаркинг в конкурентной разведке [Электронный ресурс] // Технологии разведки для бизнеса. – URL: <http://www.it2b.ru/it2b2.view3.page209.html>
7. Гаррисон Д. Ч. «Стандарт-костинг». Система нормативного учета себестоимости. – Л. : Союзоргучет, 1933.
8. Гольдштейн Г. Я. Стратегический менеджмент [Электронный ресурс] : учеб. пособие. – Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2003. – URL: <http://www.aup.ru/books/m89>
9. Гомонко Э. А., Тарасова Т. Ф. Управление затратами на предприятии : учебник. – М. : КноРус, 2009.
10. Зайцев Л. Г., Соколова М. И. Стратегический менеджмент : учебник. – М. : Магистр, 2010.
11. Иванов И. Н., Фукова Д. Ю. Конкурентный анализ. Бенчмаркинг // Экономический анализ: теория и практика. – 2009. – № 22.
12. Ковтун С., Ткачук Н., Савлук С. Управление затратами. – Х. : Фактор, 2007.
13. Котенева Е. Н. и др. Управление затратами предприятия : учеб. пособие для вузов. – М. : Дашков и К, 2009.
14. Лабзунов П. П. Управление ценами и затратами в современной экономике. – М. : Книжный мир, 2013.
15. Лебедев В. Г., Дроздова Т. Г., Кустарев В. П. Управление затратами на предприятии : учебник для вузов. – 5-е изд. – СПб. : Питер, 2012.
16. Невешкина Е. В., Савонина С. В., Фадеева О. В. Управление затратами и ценообразованием: применение в условиях кризиса : практ. пособие. – М. : Омега-Л, 2011.
17. Трубочкина М. И. Управление затратами предприятия : учеб. пособие для вузов. – М. : ИНФРА, 2009.
18. Учет затрат на производство и калькулирование себестоимости продукции (работ, услуг) : учеб.-практ. пособие / под ред. проф. Ю. А. Бабаева. – М. : Вузовский учебник, 2009.

УДК 745(470.55)

Крутеева Ольга Владимировна

аспирант НОУВПО Гуманитарный университет

(г. Екатеринбург)

E-mail: kruteevaolga@mail.ru

Kruteyeva Olga Vladimirovna

Postgraduate Student, Liberal Arts University –

University for Humanities (Ekaterinburg)

**РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ГАЛЕРЕЙ ЕКАТЕРИНБУРГА
В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
УРАЛА**

**EKATERINBURG ART GALLERIES
AND THEIR ROLE IN
SAFEGUARDING AND
PROMOTION OF THE URAL
CULTURAL HERITAGE**

Аннотация

В статье рассмотрена деятельность художественных галерей Екатеринбурга по сохранению и развитию культурного наследия Уральского региона. Поднят вопрос о современном состоянии уральских народных промыслов и проблемах их сохранения и развития. Особо отмечена роль галереи декоративно-прикладного искусства «Арт-птица».

Ключевые слова: художественные галереи Екатеринбурга; декоративно-прикладное искусство; народные промыслы; «Арт-птица»; культурное наследие Урала.

Abstract

The article deals with Ekaterinburg Art Galleries activities to safeguard and promote the Ural cultural heritage. A question was raised on the current state of the Ural traditional crafts and the problem of their safeguarding and promotion. The author strongly emphasized the role of «Art-Ptitsa» applied art gallery.

Key words: Ekaterinburg art galleries; applied art; traditional crafts; «Art-Ptitsa»; the Ural cultural heritage.

Сегодня много говорится о необходимости сохранения и развития культурного наследия нашего региона, сохранения тех материальных и духовных ценностей, которые составляют основу культуры Урала. Это сложная и кропотливая работа, которую следует проводить не только ради сохранения культурного прошлого, но и для будущего развития нашего региона.

Одним из важных направлений данной сферы является информационно-просветительская деятельность, связанная с популяризацией и просветительской работой по освоению культурного наследия и современных достижений в области культуры, которую ведут художественные галереи нашего города.

В России времен СССР галерей как сервисных предприятий не существовало, однако были представлены другие формы галерей-хранителей, когда основной функцией выступало именно хранение произведений искусства. Но в семидесятых годах прошлого столетия начинают формироваться своеобразные «самостийные» галереи современного искусства. Происходит открытие галерей изобразительного искусства, скульптуры, дизайна, декоративно-прикладного искусства. Уральская столица не стала исключением. Вслед за Москвой и Санкт-Петербургом, в Екатеринбурге происходит открытие целого ряда галерей современного искусства.

Важно отметить, что если на Западе галерейный сервис существует давно и прочно занял свою нишу, то в России данный сегмент еще не совсем сформирован. «Новые формы обращения художественных ценностей появляются лишь в конце восьмидесятых годов прошлого столетия. Именно тогда возникла острая потребность в специфической аккумуляции произведений современного искусства. Таким аккумулятором стали художественные галереи» [2. С. 16]. Удовлетворяя

потребность художников в тесном общении со зрителем, интерес к искусству, желание людей не только видеть, но и приобретать искусство в собственность делает данную деятельность довольно перспективным направлением. А рост числа художественных галерей в крупных городах страны говорит о том, что галереи прочно заняли свою нишу и выполняют важные социально-культурные функции: приобщение человека к культурному наследию, сохранение и развитие различных видов искусства, ведение просветительской, информационной и научной работы, поиск новых талантливых мастеров и художников. Помимо этого, сохранение самобытной культуры народов нашей страны и региона, предметов его быта, народных промыслов является важной составляющей деятельности многих галерей, в том числе и тех, которые работают в нашем городе. Обращение к культурному наследию, к прошлому, которое «превратилось в основу, почву для существования настоящего и будущего» [3. С. 11], является важным моментом в деятельности таких предприятий, как галереи.

При близком рассмотрении галереи можно выделить несколько ее основных характеристик. Это, конечно же, наличие выставочной площадки, создание которой иницируется коллекционером, галеристом, компанией. Возможность художественно-культурных коммуникаций, которые могут осуществляться с различными представителями общественности, однако центральной фигурой в галерейной деятельности все-таки является художник, мастер, произведения которого выставляются в галерее. Открытие и поиск новых талантливых мастеров и художников, возрождение и сохранение забытых мастеров, ремесел и традиций искусства. Помимо этого, галерея обязательно занимается продвижением искусства, его репрезентацией публике. Формирует художественный вкус у общественности и, соответственно, заинтересованное отношение к данной области творческой деятельности, повышение ее образованности и просвещенности в данной области и на основе этого создание собственной целевой аудитории. Создает коллекции регионального, локального, мирового значения, и именно этот концептуальный продукт формирует основу для развития культуры в целом, так как составляет национальное или глобальное культурное наследие человечества. Таким образом галерея выполняет множество социальных и духовных функций по отношению к аудитории – познавательную, развивающую, коммуникативную, воспитательную и многие другие.

Коммерческая направленность предприятия заставляет галериста объединять различные виды искусства на одном пространстве, совмещая, казалось бы, несовместимое. Часто, помимо своей основной работы – выставочной деятельности и продажи предметов искусства – галерея может предлагать для своих посетителей мастер-классы, вести исследовательскую и издательскую работу, различные просветительские программы. Персональные галереи приглашают к сотрудничеству других авторов. А в мире современных технологий виртуальная галерея стала практически обязательным дополнением к основной деятельности таких предприятий.

Сегодня в Екатеринбурге насчитывается около двух десятков галерей, каждая из которых занимает свою нишу, имеет своего посетителя и сотрудничает со своими художниками и мастерами.

Так, «Екатеринбургская галерея современного искусства “Art gallery”» своей основной задачей называет сохранение лучших работ уральских художников. Галерея сотрудничает как с государственными музеями, учреждениями культуры, так и с частными коллекционерами. Сотрудничает галерея с экспертами и реставраторами. Есть в галерее студия дизайна и багетная мастерская.

Галерея «Урал Постер» представляет живопись поэтического реализма конца XIX – начала XX века, работы «шестидесятников» – мастеров «сурового стиля» и других известных екатеринбургских художников. Помимо организации выставок

и продажи произведений художников, галерея предоставляет услуги багетной мастерской.

Белая галерея – одна из первых негосударственных галерей Екатеринбурга, открытая в 1992 году. За двадцать лет работы – несколько десятков выставок, акций, проектов. Галерея сотрудничает с художниками Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Челябинска, Нижнего Тагила. Помимо живописи в галерее представлена графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство.

Галерея «Окно» – место для персональных выставок художников Свердловской области. В галерее регулярно проводятся арт-гостиные, посвященные творческим личностям Екатеринбурга – поэтам, писателям, бардам, флористам, модельерам, стилистам, мастерам декоративного и прикладного искусства. Опытные искусствоведы проводят здесь лекции по истории искусства, театра, литературы и кинематографа.

Галерея аукционного дома «Суворовъ» – это прежде всего галерея-салон, основу деятельности которой составляет продажа картин. Также галерея устраивает и выставки известных художников Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Перми, Челябинска, Омска, Киева, Ялты и других городов.

Галерея «Автограф» – необычная галерея. В данном случае фактически галереи как официального места, как учреждения нет. Однако в коллекции около 700 живописных, графических и скульптурных работ. Среди авторов – имеющие широкую известность и только начинающие художники Екатеринбурга, а также Челябинска, Уфы, Москвы, Санкт-Петербурга, художники Германии, Израиля, Китая, Чехии и Словакии.

«Ural Vision Gallery» является галереей современного искусства, со всеми правилами игры на арт-рынке: в помещениях галереи проходят выставки именитых художников и фотографов, проводятся дискуссионные мероприятия.

Есть в городе и персональные галереи: «Антонов», представляющий работы самого скульптора, графика и живописца Андрея Антонова, арт-салон Андрея Елецкого, где выставлены работы этого уральского художника, галерея «Петро арт» – постоянная экспозиция работ Натальи и Бориса Хохоновых. Кроме того, есть возможность изготовления картин на заказ.

Как видно из данного обзора, в Екатеринбурге основная часть существующих галерей – это галереи художественные, не только работающие с именитыми российскими и зарубежными мастерами, но и представляющие художников нашего региона. Каждая из галерей занимает свою нишу, имеет своего посетителя и сотрудничает со своими художниками. А представляя работы местных мастеров, в немалой степени способствует сохранению культурного наследия Урала, создает городскую среду, влияет на имидж города, определяет его туристско-экскурсионное пространство.

В этом ряду художественных галерей Екатеринбурга галерея декоративно-прикладного искусства «Арт-птица» занимает свою особенную нишу, являясь уникальным проектом для нашего города. В отличие от существующих и открывающихся вновь заведений, делающих ставку на искусство изобразительное, «Арт-птица» основным своим направлением выбрала декоративно-прикладное искусство, работу, призванную развивать и сохранять традиционные уральские ремесла, их привлекательность для современного поколения. Сегодня, во время, когда ремесла уходят в небытие, трудно переоценить важность данной деятельности.

Работа галереи охватывает несколько направлений:

- историю декоративно-прикладного искусства и ремесел Урала и России;
- современное декоративно-прикладное искусство Урала и России;
- наивное искусство;

- различные оригинальные проекты, связанные с историей и искусством Урала и России;
- тематические выставки;
- краеведение;
- издательскую и научную работу;
- экспедиции;
- ярмарки-продажи.

Помимо этой деятельности, в галерее может производиться торговля ювелирными изделиями, сувенирами и предметами искусства, а также книгами.

Как уже говорилось выше, галерея декоративно-прикладного искусства «Арт-птица» занимает свою уникальную нишу, делая ставку не на высокое искусство, а на искусство народное. Искусство, которое выражает художественные вкусы народа, его любовь к прекрасному, тончайшее техническое мастерство, смелость воображения. Это особый мир народного творчества, вне которого невозможно представить себе жизнь человека. Каждая созданная вещь занимает определенное место не только в нашей жизнедеятельности, но прежде всего в духовном мире.

Декоративно-прикладное искусство Урала отличается своей самобытностью, а Уральский регион стал крупным центром русского национального искусства. Это родина выдающихся художественных явлений, среди которых особое место занимают уральские художественные промыслы: каслинская скульптура и оренбургские пуховые платки, златоустовская гравюра на стали и изделия из самоцветов, курганские ковры и пермские камнерезные изделия [1. С. 7]. Большой интерес представляют декоративные росписи, берестяное дело, керамика и фарфор, лаковая живопись на металле, камнерезное и ювелирное искусство,ковка и литье, иконопись, ковро ткачество, сундуки и шкатулки, берестяные бураки и многое другое.

На сегодня правительством Свердловской области утвержден следующий перечень мест традиционного бытования народных художественных промыслов:

- Екатеринбург – камнерезное и ювелирное производство, художественное литье и ковка металла, керамическое производство, художественная обработка ткани и лозоплетение;
- Нижний Тагил – лаковая роспись по металлу, камнерезное и ювелирное производство, берестяное дело, художественное литье и ковка металла;
- Сысерть – производство фарфоровой расписной посуды;
- Богданович – производство фарфоровой расписной посуды;
- Каменск-Уральский – колоколотейное производство, производство изделий из бересты, художественное литье и ковка металла;
- Лесной – производство изделий из бересты и лозы, керамическое производство, художественное литье и ковка металла;
- Туринск – изготовление изделий из дерева с ручной кистевой росписью: детских игрушек, кухонных и столовых наборов;
- Артемовский – лозоплетение;
- поселок Нейво-Шайтанский Алапаевского района – производство ювелирных и камнерезных изделий;
- село Бутка Талицкого района – художественное ручное ковро ткачество и узорное вязание;
- Невьянский район – производство художественной керамики [7].

К сожалению, в эпоху промышленного производства народное искусство, работа ремесленников утрачивает свое первоначальное прикладное значение. XIX век стал временем массовых утилитарных вещей. Только в 40-х годах прошлого столетия народные промыслы России вновь начинают возрождаться в виде сувенирной продукции.

Сегодня, в век глобализации, возвращается их первоначальный смысл, их прикладной характер. Поддержка и развитие народных промыслов – важный момент развития региона, его узнаваемости, культурной самобытности. Именно от сохранения культурного наследия, народных художественных промыслов, декоративно-прикладного искусства, распространенных на Урале, зависит развитие всего края. Сохранение народного искусства обеспечивает туристскую привлекательность области и региона.

К сожалению, сегодня на Урале фактически исчезают народные промыслы, сувенирная продукция уральского региона превращается в китайский ширпотреб, и, как следствие, область потеряла свое лицо. Сегодня практически умерла прославившая уральских мастеров тагильская роспись по металлу, от знаменитых «Тагильских подносов» остались лишь мелкие мастерские. Разорился Богдановичский фарфоровый завод, закрыта «Туринская игрушка», нет ковроткачества в Бутке. От «Таволжской керамики» осталась лишь треть производства [4]. По словам председателя комитета по социальной политике Законодательного собрания Свердловской области Вячеслава Погудина, ежегодно выпуск изделий народного творчества снижается в среднем на 10 % [5]. Создается впечатление, что народные промыслы, когда-то составлявшие гордость страны и региона, никому не нужны. Главным стал коммерческий интерес, и ручная работа просто не выдерживает конкуренции по цене. Предприятия народных промыслов рассыпаются на мелкие составляющие и вымирают. Министерство культуры Свердловской области считает, что маленькие мастерские и ремесленники-одиночки сумеют без поддержки государства сохранить народные промыслы и обеспечить туристическую привлекательность территории. Однако, по словам генерального директора предприятия «Таволжская керамика» А. Назарова, одиночкам это не по плечу: «Только на коллективных предприятиях можно сохранить традиционные технологии, применять дорогие материалы, глазури, пигменты, совершенствовать приемы труда и технологии» [6]. И в данном контексте государственная поддержка таких предприятий просто необходима. Сегодняшнее состояние народных промыслов привело к тому, что «следует констатировать, что современные екатеринбургские сувениры представляют собой достаточно предсказуемый пафосный стандарт, предназначенный для туриста, мало- или среднеинформированного об истории нашего города» [3. С. 323].

Именно поэтому сохранение и развитие декоративно-прикладного искусства Уральского региона – необходимая составляющая развития нашего края. Усиление туристской привлекательности Екатеринбурга и всего Урала зависит, в том числе, и от сохранения самобытных народных промыслов.

Однако только государственная поддержка в виде грантов, дотаций и субсидий не сможет повлиять на ситуацию в отрасли. Как это ни парадоксально звучит, часто сами мастера просто не хотят работать, так как сувенирная продукция не приносит значительной прибыли, а местная власть, скорее на словах, чем на деле, заинтересована в развитии и сохранении промыслов. В таких условиях сохранение народного искусства происходит только благодаря усилиям энтузиастов. Государственная же поддержка должна осуществляться на законодательном уровне: принятием законов, облегчающих налоговую нагрузку, созданием благоприятных экономических условий в местах бытования промыслов, для мастеров-одиночек и ремесленных мастерских. Прямое субсидирование не принесет результатов до тех пор, пока ремесленники не будут жизненно заинтересованы в развитии своего дела. Ремесленникам необходимо дать заказ на продукцию, а затем дать возможность эту продукцию реализовывать.

Сегодня в Уральском регионе практически не существует площадок, способных выполнять эту функцию, так как участие в проводимых ремесленных ярмар-

ках – достаточно дорогое удовольствие, а самим мастерам непросто найти своего покупателя.

Одно из направлений работы галереи декоративно-прикладного искусства «Арт-птица» заключается именно в поиске мастеров, владеющих искусством народных промыслов, размещения заказов на их продукцию, а в дальнейшем продажи этих изделий на условиях комиссионной торговли.

Экспозиция галереи состоит из самых разнообразных предметов народного творчества. Ее основу составляет художественное стекло: панно, тарелки, подсвечники, выполненные в технике фьюзинг. «Я делаю свои вещицы очень искренне и самозабвенно, вкладывая в них свою душу», – говорит автор работ и хозяйка галереи Юлия Крутеева о своем искусстве.

Большой раздел посвящен бронзовой пластике, коллекции, в основу которой лег «Пермский звериный стиль».

Представлены в галерее и серебряные украшения с уральскими самоцветами, а также бижутерия, выполненная из натуральных камней.

Кованые изделия Александра Лысякова, его картины и деревянная пластика занимают достойное место в экспозиции «Арт-птицы».

Роспись по шелку, картины, керамические сувениры и посуда – перечислять все, что представляет галерея своим посетителям, можно долго, лучше все увидеть своими глазами.

Помимо своей основной работы галерея несколько раз в год проводит художественные выставки. Каждый месяц проходят встречи с литераторами, художниками, коллекционерами и другими творческими людьми. Организуются мастер-классы по различным направлениям декоративно-прикладного искусства. Совместно с объединением «Уральская рукодельница» проводятся ярмарки, где мастера сами представляют свои изделия. Сотрудничает галерея и с «Музеем наивного искусства», размещая у себя плановые экспозиции. Проводит галерея и различные конкурсы, одним из которых стал завершившийся в конце февраля 2014 года конкурс среди мастеров-ювелиров «Ювелирный символ города». Ведется издательская деятельность. Кроме того, галерея постоянно участвует и сама проводит городские мероприятия, посвященные облику города, его культуре.

Виртуальный проект галереи «Арт-птица» – это не только возможность увидеть экспонаты галереи, но и журнал, освещающий события, происходящие в галерее, комментирующий культурные новости России и Урала, размещающий исследовательские статьи, материалы о людях и обществе, проблемах современной культурной жизни.

Представляя на суд зрителей новое направление или коллекцию, приглашая к участию в работе галереи мастера, меняя экспозицию, здесь обязательно проводят целый комплекс просветительских мероприятий: статьи, лектории, фото-проекты, встречи с мастерами. Так, выставка картин, объединенных темой «Наивное искусство», была открыта лекцией Евгения Ройзмана. Секретами своего мастерства делился Александр Лысяков, представляя авторскую выставку «Он видит меня, и я вижу...». А на презентации книги «Домик в Кунаре» можно было встретиться с дочерью кузнеца Кириллова и услышать из первых уст о жизни и работе уральского мастера.

С этой же целью – познакомить с народным промыслом, заглянуть в него изнутри – проводятся мастер-классы по различным направлениям: изготовлению украшений, народной кукле, фьюзингу, декорированию ткани.

Кроме того, новая коллекция обязательно сопровождается изданием открыток или буклетов.

Одно из главных направлений работы галереи – сохранение и развитие культуры Уральского региона, выраженного через народное творчество. А основной

миссией «Арт-птицы» галерист Юлия Крутеева считает создание истинных уральских брендов, символов, как города Екатеринбурга, так и всего Уральского региона. Именно для этого галерея организует и проводит тематические выставки-ярмарки, посвященные определенному промыслу: художественному текстилю, берестяному делу, росписи и резьбе по дереву, керамике. Расширяется линейка мастер-классов.

Все это создает благоприятную среду для сохранения и развития культурного наследия Урала, повышает привлекательность Екатеринбурга для гостей нашего города.

Литература

1. Барадулин В. А. Уральская народная живопись по дереву, бересте и металлу. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982.
2. Суворов Н. Н. Галерейное дело: Искусство в пространстве галереи : учеб. пособие. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006.
3. В архив за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. моногр. / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.] ; под общ. ред. проф., д-ра филол. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011.
4. Кезина Д. Китайский подмастерье. Без поддержки государства продукция традиционных уральских промыслов превращается в дешевый ширпотреб : интервью с членом ассоциации «Народные художественные промыслы России» А. Назаровым // Российская газета. – 2012. – 13 сентября. – URL: <http://www.rg.ru/2012/09/13/reg-urfo/ekspert.html>
5. Сохраняя народные промыслы, сохраняем культуру // Регионы России. – 2013. – № 4 (апрель). – URL: <http://www.gosrf.ru/journal/86/>
6. Назаров А. Народные промыслы не должны погибнуть! // Безформата.Ru. – URL: <http://ekaterinburg.bezformata.ru/listnews/narodnie-promisli-ne-dolzhi-pogibnut/404411/>
7. Об утверждении Перечня мест традиционного бытования народных художественных промыслов Свердловской области : Постановление Правительства Свердловской области от 6 марта 2013 года № 262-ПП // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/453126303>

УДК 32.0

Шумихина Марина Николаевна

аспирант НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Shumikhina Marina Nikolayevna

Postgraduate Student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ:
ЖИЗНЬ, ЗАБВЕНИЕ,
КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ**

**THE POLITICAL MYTH: ITS LIFE,
OBLIVION, CULTURAL MEMORY**

Аннотация

В статье рассматривается процесс существования и трансформации политического мифа, основными моментами которого становятся рождение мифа в рамках идеологии, его забвение и воскрешение как «формы прошлого».

Ключевые слова: политический миф; идеология; забвение; следы прошлого; культурная память.

Abstract

The article goes through the process of the political myth's functioning and transformation which includes «the birth» of the myth within the bounds of ideology, its «oblivion» and «resurrection» as the «form of the past».

Key words: political myth; ideology; oblivion; vestiges of the past; cultural memory.

Жизнь и коллективная память концептуально представлены в языке и культуре как два вида бытия. Смерть и коллективное забвение – два вида небытия. Платон, рассуждая о понятиях жизни и смерти, констатирует: «От того что, умерло, имеет начало все, что живет». В современном мире циклический путь от умирания к оживлению, и наоборот, характерен для всей культуры¹, при совершенном различии пространственно-временных рамок. Например, циклы в экономике включают экономический подъем, спад, депрессию (дно), оживление. Экономика – это базис государства, а базисом общества является мифология.

Процесс зарождения, умирания и трансформации мифов в культуре исследован достаточно широко. Появление первых мифов ученые относят к архаичным временам. XX век стал колыбелью существования политического мифа, и по сей день политический миф остается самой дискуссионной научной категорией.

Одним из первых, кто предложил использовать миф в качестве политического инструмента, был теоретик синдикализма Жорж Сорель. Он считал, что мифы должны создаваться искусственно, чтобы воодушевлять массы, воздействовать на человеческую фантазию.

Основу для фундаментальных исследований политического мифа заложил философ Э. Кассирер [6. С. 153–164]. Он пришел к выводу о двойственном характере политического мифа. С одной стороны, миф – продукт массового сознания, возникший при определенных условиях, а с другой – политические мифы стали продуктом целенаправленного идеологического производства [Там же. С. 157–158]. Таким образом, Э. Кассирер высказался относительно современных политических мифов как искусственных технологических форм, которые он противопоставляет естественному архаическому мифотворчеству.

В 1970-х гг. французский структуралист Ролан Барт, для которого миф – это сообщение и коммуникативная система, сделал акцент на знаковое воплощение

¹ Здесь мы рассматриваем культуру в самом широком смысле, как совокупный плод деятельности человека, выходящий за пределы биологического (К. Каган).

мифов. У Р. Барта понятие мифологии коррелирует с идеологией. Он различал «левый» и «правый» мифы. «Левый» миф возникает, согласно его трактовке, когда революция начинает маскироваться. Причем мифы слева он считает более бедными содержанием, так как миф и революция якобы отрицают друг друга. «Правый», т. е. буржуазный, миф он определял как «упитанно-лоснящийся», неистощимый на выдумки. Буржуазную идеологию он представлял как непрерывный процесс создания мифов [2].

В 1996 году британский политолог Кристофер Флад охарактеризовал политический миф «как идеологически маркированный рассказ», который находится на стыке идеологии и священного мифа.

В работах российских исследователей миф осмысливается как инструмент манипуляции общественным сознанием и часть идеологии, регулирующая духовную жизнь общества (А. К. Уледов, А. Цуладзе, С. Г. Кара-Мурза, И. И. Кравченко, И. М. Чудинова).

Самые различные подходы к изучению сущности политического выявляют одно: политический миф есть неотъемлемая часть идеологии и политики. Он является ключевым звеном идеологической модели и основным инструментом политики, т. е. жизнь политических мифов начинается именно с политической сферы, в рамках идеологий.

Платформой для появления политических мифов становятся идеи – фантазии мыслителей, которые собираются вести борьбу за идеалы. Но эти идеи лишь намечают вектор движения общества или социальной группы, а реальное движение вдоль него возникает в том случае, если произойдет превращение этих идей в политический миф [7]. Только став убеждением социальных масс, идея становится политическим мифом.

Политический миф – это вдохновляющая и мобилизующая образно выраженная идея, создающая в массовом сознании «чудесную» реальность. Такого присутствия политического мифа «здесь и сейчас».

Идеологии создаются теоретиками и публицистами, которых положение обязывает склоняться в той или иной степени к систематизации. При этом не важно, является ли источником идеологии деятельность одного человека (пример – марксизм), совокупность трудов разных мыслителей (пример – либеральная идеология), последователи идеологии, развивающие ее, нуждаются в некоем рациональном обосновании [10. С. 15]. Соответственно мифы, составляющие «паутину» идеологии, несомненно, связаны какой-либо концепцией «для мифотворца, возможно, научной; для мифопотребителя – безусловно, мифологичной». Концепция без мифа не существует для общества, миф без концепции – только сказка, в которую могут поверить только дети, а политически взрослые граждане воспримут как приукрашенный обман. Если политический миф не концептуален, тогда его трудно отличить от пустых выдумок или злонамеренной лжи [7].

Мифические элементы в политических идеях и связанные с ними символы, иррациональные образы способны оказывать огромное влияние на политическое поведение людей, вокруг них могут сплотиться огромные массы. «Часто в таких случаях мифы предстают перед нами в концентрированном виде и несут сильный эмоциональный заряд... Тот факт, что миф может быть внедрен в сознание человека через идеологически насыщенные символы, также свидетельствует о невозможности отказаться от мифа за счет рациональных рассуждений, поскольку рациональные аргументы обращены лишь к участникам поверхностного слоя мифа, не затрагивая глубинные слои сознания, на которые воздействует миф» [10. С. 68].

В рамках идеологии политические мифы приобретают совершенно различные формы. Знак-символ является основой любой политической силы. Такой символ становится формой существования мифа в политическом пространстве. Знамя, пар-

тийная эмблема, плакат, монумент, молитва, клич, фильмы, песни, публичные церемонии, литературные произведения – все это мифо-идеологические формы, которые всегда служили для поддержания в массах духа единства и идейной верности.

Интересны и такие формы мифа, как язык и лозунги. Речь политика является чуть ли не основным элементом политической деятельности, который, по сути, и представляет собой символ. Чем более образна речь, чем дальше она от нормы, тем интереснее политическая фигура, тем больше у нее шансов стать сакральной (происходит героизация политика).

«Удобные в применении» лозунги позволяют формировать общественное мнение и облегчают задачу как для их создателей, так и для их потребителей. Чаще всего это несколько слов, в которых понятно и доступно изложена цель или задача. «Земля – крестьянам! Фабрики – рабочим!», «Коммунизм – светлое будущее всего человечества», «Каждой семье к 2000 г. по отдельной квартире» и т. д.

Как отмечают исследователи, отрицание данных символов означало бы гибель основанных на них идеологических систем.

Политические мифы – это искусственное творение, имеющее общие корни с архаическим мифом. Но специфика политических мифов заключается в том, что они с трудом внедряются в массовое сознание, при этом возникает необходимость в создании своего рода «обрядов» и «ритуалов», которые ведут к переживаниям, проживанию мифа. (Такие ритуальные комплексы были очень четко выстроены в Советском Союзе – принятие в октябрюта, в пионеры, в комсомол, в партию – жизнь человека была ритуализирована.) Для самих создателей политических мифов, они всегда понятны, но, несмотря на это, создатели мифов могут сами стать их жертвами.

Существующий политический миф в массовом сознании теряет свою истинность тогда, когда перестает быть священным, тогда он либо предается забвению (которое мыслится в социуме как бесследное исчезновение), либо под воздействием новой идеологии приобретает иной смысл; по существу, первообраз мифа уходит в прошлое. «Забывать – значит терять те сведения, которые мы знали» (Федон). Особенно активно это связано с переходными, кризисными периодами в жизни государств. Новая власть всегда нуждается в новой мифологии. Смена идеологии влечет за собой смену существующих образов, общество сталкивается с политикой целенаправленного забвения через стратегию замалчивания, ложных интерпретаций, идеологических манипуляций коллективным сознанием.

Такие сознательные процессы «демистификации» встречались и в архаических культурах, когда миф терял религиозное содержание, становился легендой или уходил в небытие [13. С. 115]. В современном же мире процессы «демистификации» происходят намного интенсивнее и чаще, особенно если это касается политического мифа. Переименование городов, улиц, площадей, уничтожение плакатов, различной символики, портретов бывших лидеров, демонтаж памятников – все это характерно для смены политических эпох, и когда приходит осмысление, утраченное сложно воспроизвести.

Не нужно забывать, что миф сам по себе не является ни хорошим, ни плохим, его нельзя оценивать с точки зрения морали. Его функция – демонстрировать образцы и таким образом придавать смысл миру и человеческому существованию [13. С. 146]. Немецкий философ Карл Ясперс, один из главных представителей экзистенциализма, отмечая тот факт, что в обществе существует угроза разрыва в истории, видит решение проблемы в следующем: «Когда враждебность к образованию самонадеянно уничтожает все прошлое, будто мир начинается сначала, духовная субстанция может быть сохранена в этом преобразовании только посредством исторического воспоминания, которое в качестве такового есть не просто знание о прошлом, а сила жизни в настоящем» [14. С. 164].

Здесь мы обратимся к слову-концепту «след». След можно рассматривать как знак, свидетельствующий существование, присутствие. По следам обнаруживают, узнают, догадываются. След – это и символический знак памяти. По следам в памяти восстанавливают, вспоминают, воспроизводят. Сохраненный след и образ в памяти соединяется с идеями вечности и бессмертия. Включение в память соотносится с включением в вечность [3. С. 7].

Коллективная память есть условие существования человеческого бессмертия. Феномен коллективной памяти разрабатывался в трудах М. Хальбвакса, Я. Ассмана и др. Гейдельбергский египтолог Ян Ассман выделил два вида коллективной памяти: коммуникативную (охватывает лишь ограниченный отрезок времени – три-четыре поколения – и не имеет прочных пунктов фиксации, связывающих ее с прошлым) и культурную. Ему удалось выявить и охарактеризовать специфические черты культурной памяти как формы передачи и актуализации смысла культуры. Специфика культурной памяти заключается в том, что она объективируется в определенных формах, т. е. имеет «пункты фиксации», для ее существования необходимы особые (иногда профессиональные) хранители и носители традиции, например жрецы, учителя, ученые, художники и т. д. [1. С. 54–62]. «Формы, в которых общество организует передачу информации, необходимой для сохранения этой идентичности, и институты, заботящиеся о передаче такой информации... раскрывают своеобразие и неповторимый стиль той или иной культуры» [8. С. 40].

Но воспоминания нельзя людям продиктовать: индивиды и коллективы выбирают из принципиально неограниченного множества событий и образов прошлого те, которые им, глядя из их настоящего, кажется осмысленным помнить [5. С. 35].

Для начала осмысления политических событий прошедшей эпохи необходимо определенное время. Само осмысление насупит только тогда, когда возникнет необходимость или интерес современных поколений к прошлому. Очень многое в этой ситуации зависит от политических властей. (Например: образы Александра Невского, Михаила Илларионовича Кутузова стали активно пропагандироваться во время Великой Отечественной войны.)

«Формы прошлого», в которых уже нет сакральности, в них запечатлено прошлое как вечное, таково новое начало политического мифа. В этих «формах» исторически происходит аккумуляция культурных смыслов. (Например, вокруг личности российского императора Павла I еще при жизни слагались мифы самого различного толка, и впоследствии его фигура в разные исторические эпохи переосмысливалась по-разному: от самодура до умнейшего человека своего времени, и только сейчас настоящее раскрывает нам все смыслы прошлого.) Миф становится формой кодировки информации – культурного смысла (или культурных смыслов). Таким образом, структура политического мифа предполагает такое соединение разнородных смысловых значений, которое создает диалектически замкнутое пространство самообоснования. Соединенные в мифе культурные смыслы соотносятся с разными временными и семантическими пластами культуры, истории и общественной жизни, наборами символов, идеологием, нормативных представлений, осколков научных, исторических, теоретических и философских конструкций, концептуальных понятий, предрассудков, фобий, архаических элементов [9. С. 68]. Контаминация (смешение) смыслов в политическом мифе значительно расширяет диапазон его применения в современных условиях и обеспечивает возможность для установления культурного диалога с прошлыми поколениями.

Политические мифы как «формы прошлого» существуют в виде предметов вещественных, т. е. доступных зрению и другим внешним чувствам, и невещественных, т. е. отвлеченных идей, доступных лишь мысли.

Политические мифы как «формы прошлого» отличаются от первообраза, так как намерение «не забывать» приводит к тому, что судьбоносные события претерпевают разнообразные трансформации. Ведь всякий раз, когда воспоминание вызывается из памяти, например в ходе рассказа, за этим следует новое его запоминание. При таком повторном запоминании, как указывает Вольф Зингер, запоминается и контекст последней ситуации вызова из памяти, т. е. изначальное воспоминание обогащается новыми нюансами, корректируется, фокусируется на тех или иных аспектах, переписывается [4. С. 29–30]. Проходит некоторое время, и, как правило, первоначальные воспоминания трансформируются в ходе их переосмысления.

Например, после революции большевики удержались у власти не только благодаря репрессиям. На штыках они бы долго не усидели, если бы не создавали свои мифы. Центральной фигурой многих из них стала фигура Ленина. «Образ Ленина еще при жизни пролетарского вождя стал обретать признаки сверхчеловека – божества с типичными чертами цикличности: мессианская цель – страдание за народ – победа, которая создает новую общность. Был создан квазирелигиозный культ Ленина как Бога Отца» [11].

Веру в Ленина как сверхчеловека невозможно внедрить в сознание современного народа, да и само переживание не репрезентируется, невозможно возобновить поток переживаний, можно только передать уже трансформированные представления, не свойственные массовому сознанию ушедшей эпохи.

Отсюда, политические мифы есть «формы прошлого», объективно сконструированные в настоящем. Они фиксируют культурную память и раскрывают ее содержание.

Нельзя помнить прошлое только тогда, когда нам это необходимо. Хотя современная реальность такова, что актуализация политического мифа напрямую зависит от существования политического режима. Только в демократическом обществе возможно воскрешение всех смысловых интерпретаций политического мифа, причем самыми разными путями.

Во-первых, актуализация политических мифов как «форм прошлого» может обеспечиваться различными ритуалами (светскими, гражданскими и даже религиозными): установкой памятника, увековечиванием имени, хранением фотографий и личных вещей, их музеефикацией и т. д.

Во-вторых, реальным путем актуализации политического мифа является восстановление в музейной среде угасающих или исчезнувших традиций,

В-третьих, актуализация политического мифа возможна в практиках культурного туризма через участие в исторических реконструкциях и историческом моделировании, практики посещения музейных экспозиций, участие в туристско-экскурсионной деятельности и др.

Свои размышления хочется завершить следующими словами: «Прошлое не умирает, оно просто затаилось и ждет своего “нового настоящего”».

Литература

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М. : Языки славянской древности, 2004.
2. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. – М. : Изд-во им. Сабашиных, 2000.
3. Брагина Н. Г. Память и прошлое: языковые образы, культурные практики // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2003. – № 5. – Т. 62.
4. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 2–3.

5. Гудков Л. Негативная идентичность // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 2–3.
6. Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. – 1993. – № 7. – С. 153–164.
7. Кольев А. Мифы нации и «консервативная революция». – URL: http://www.zlev.ru/56_1.htm
8. Культурология. XX век : энциклопедия. – Т. I. – СПб., 1998.
9. Мифологизация комплексов национальной неполноценности // Вестник общественного мнения. – 2008. – № 6.
10. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. – М. : Прогресс-Традиция, 2004.
11. Цуладзе А. Политическая мифология. – М., 2003.
12. Щербаков А. Е. Место мифа в политической идеологии // Полис: Политические исследования. – 2003. – № 4.
13. Элиаде М. Аспекты мифа. – М. : Академический проект, 2010.
14. Ясперс К. Духовная ситуация времени. – М. : АСТ, 2013.

**Правовая и политическая культура
в социальной, государственной,
военной истории России и мира**

УДК 347.23

Архипов Сергей Иванович

д-р юр. наук, профессор УрГЮА; профессор
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Arkhipov Sergey Ivanovich

Doctor of Law, Professor, the Urals State Law
Academy; Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

ПРОБЛЕМА ВЛАДЕНИЯ В ПРАВЕ

LEGAL ISSUES OF POSSESSION

Аннотация

Предметом исследования предлагаемой читателям статьи является проблема владения в праве. Автор ставит перед собой цель совместить частноправовую и публично-правовую модели правового владения. В работе выделяются и исследуются различные структурные элементы правового отношения владения.

Ключевые слова: правовое владение; собственность; правоотношение; субъективные права; юридические обязанности; правовое поведение.

Abstract

The research paper invites the readers to study the problem of legal possession. The author focuses on combining private law and public law models of legal possession. The paper supposes to distinguish and research different structural elements the legal relationship of possession.

Key words: legal possession; property; legal relationship; subjective rights; duties; legal behavior.

Кант полагал, что понятие владения допускает различное значение, а именно *чувственное* и *умопостигаемое* владение, под первым понимается *физическое*, а под вторым – чисто *правовое владение* одним и тем же предметом [1. С. 155]. Чисто правовое владение не является эмпирическим, не зависит от условий пространства и времени, хотя и имеет практическую реальность, т. е. применимо к предметам опыта. Правовое понятие заложено исключительно в разуме – это интеллектуальное владение предметом, непосредственно не связанное с держанием вещи (физическим владением). Яблоко или иной предмет не потому является моим, что я держу его в своей руке, т. е. обладаю им физически, а потому, что я могу сказать: я владею им, хотя только что выпустил его из рук; точно так же участок земли является моим, находится в моем владении, несмотря на то, что я покинул его, не нахожусь на нем. По Канту, «когда я (словом или делом) заявляю: я хочу, чтобы нечто внешнее было *моим*, то я объявляю каждого другого обязанным воздерживаться от пользования предметом моего произвола; такой обязательности никто не имел бы без этого моего правового акта. В этом притязании, однако, заключается также признание того, что я со своей стороны обязан в такой же мере воздерживаться от пользования внешним *своим* каждого другого, ведь обязательность вытекает здесь из всеобщего правила внешнего правового взаимоотношения» [Там же. С. 167]. Для Канта правовое владение состоит не в хозяйственном или ином эмпирическом «господстве» лица над вещью, а в умопостигаемой юридической связи, выводимой из «всеобщего правила внешнего правового взаимоотношения».

Поскольку человек живет на земле не один, то владение вещью, по сути, является совместным владением его с другими лицами, своим односторонним произволом человек не может обязать никого другого воздерживаться от пользования вещью; он может обязать к этому другое лицо лишь объединенным произволом всех, состоящих в совместном владении [Там же. С. 173–174]. Право на вещь – это право частного пользования вещью, которой лицо владеет совместно с другими лицами.

Совместное владение есть, по Канту, единственное условие, при котором возможно исключение других лиц из частного пользования вещью. Приведенная мысль Канта о владении вещью собственником как совладении, на наш взгляд, имеет принципиальное значение для понимания исследуемого феномена. Ее можно интерпретировать так, что собственник владеет вещью не непосредственно, а через других лиц, именно их отношение к вещи как принадлежащей конкретному лицу, их признание связи лица с вещью является определяющей для правового владения, конституирующей собственность. Другие лица признаются Кантом совладельцами вещи не в смысле совместной собственности, а в смысле всеобщего правового взаимодействия, установления и поддержания всеобщей правовой связи, на которой зиждется собственность каждого лица.

Другой известный немецкий философ, И. Г. Фихте, также признавал, что собственность «должна состоять в *идеальном обладании* такой вещью, которою я не владею непосредственно, реально, не ношу непосредственно в руках, не покрываю своим телом и т. д. Если это владение не должно остаться абсолютно идеальным и состоять только в необходимости, чтобы все люди *думали*, что предмет является моим и ни в коем случае не их, если оно должно иметь хоть какой-нибудь реальный след в действительной жизни, — то им не может быть ничто иное кроме того, чтобы все люди были обязаны воздерживаться от всякого воздействия на эту вещь, не изменять в ней ничего, но оставить ее такою, какова она есть — так, чтобы всякое воздействие на эту вещь было предоставлено исключительно мне одному. Только в таком смысле смогу я это понять, и только так будут понимать это все судебные места мира» [2. С. 284]. По Гегелю, собственник владеет вещью идеально, мысленно (умопостигаемое владение): «Индивидуум является собственником, юридическим владельцем не в абсолютном смысле, в себе и для себя; его личность, или абстракция его единства и единичности, есть лишь абстракция, порождение мысли» [3. С. 297]. Владение, с его точки зрения, теряет свое значение практического чувства субъекта, оно больше не является для него потребностью, а является избытком, его соотношение с потреблением является в силу этого всеобщим, и, поскольку эта всеобщность мыслится в ее реальности, это — соотношение с потреблением другого [Там же. С. 296].

В отличие от немецкой классической философии, в правовой науке, напротив, существует давняя историческая традиция разграничения собственности и владения. Например, Г. С. Мэн, описывая историю возникновения собственности, подчеркивал чрезвычайную важность различения собственности и владения, которое, по его мнению, есть различие между законным правом распоряжаться вещью и физической властью делать это [4. С. 227]. С точки зрения И. А. Покровского, владение (*possessio*, *possession*, *Besitz*), в отличие от собственности, рассматриваемой им как юридическое, идеальное отношение к вещи, представляет собой фактическое господство лица над ней, взятое независимо от вопроса о праве на него [5. С. 223]. В. М. Хвостов под владением также понимал фактическое обладание вещью; он утверждал, что собственник лишь тогда является владельцем вещи, когда он фактически господствует над ней, если же он утратил господство (вещь потеряна, украдена), то он остается ее собственником, но перестает быть владельцем вещи [6. С. 272–273].

Приведенная точка зрения в отношении разграничения, точнее, противопоставления собственности и владения по принципу правовое (духовное) — физическое формировалось под влиянием римской юриспруденции, которая понимала владение как физическое явление (но среди римских юристов были и те, кто рассматривал владение как правовой феномен). Первоначально слово *possessio* означало простое физическое прикосновение к вещи, затем физическое держание вместе с желанием владеть вещью как своею (собственной) [Там же. С. 227–228],

римские юристы Лабейон, Павел этимологически связывали *possessio* с *sedere* (сидеть, оседать), описывая владение как поселение на земле (владение как освоение земли родами) [7. С. 128]. Различение собственности и владения римскими юристами максимально резко выражено в утверждении Ульпиана, что собственность не имеет ничего общего с владением (*nihil commune habet proprietas cum possessione* – D.41.2.12). В приведенном высказывании знаменитого римского юриста противопоставление двух явлений достигло кульминационной точки, что, однако, диссонирует с известным положением римской юриспруденции о том, что собственность произошла, возникла из естественного владения [Там же]. Рудольф Иеринг прямо указал на то, что начало римского права вообще и собственности в частности теряется «в темной глубине физической силы», что теперешнее понимание различия между силой и правом далеко отстоит от древнеримского и мы должны оставить дома наши представления о государстве и праве, когда вступаем на древнеримскую почву; мечом основан римский мир, и меч, копье являются древнейшими символами римского права, римляне «обладают собственностью “первоначальной”, “непосредственной”, при которой собственник сам является творцом своего права на собственность, они ее взяли, где нашли» [8. С. 93–95]. Корни римской собственности он видел в грабеже, в физическом захвате и удержании вещей; не из торговли, обмена или производства выросла римская собственность, а из военной добычи, из грубой физической силы. Если следовать высказанным Р. Иерингом соображениям, то можно сделать вывод, что основания римской собственности и владения одни – физическое удержание вещи, у них общие эмпирические корни, единый источник. Однако эти основания римской собственности и владения лежат вне правовой сферы, за пределами «мира духа», правового сознания. Они предшествуют возникновению права и собственности как интеллектуального, умопостигаемого владения; констатация факта грабежа, военного захвата в истории Рима не дает ответа на вопрос о том, что есть собственность и владение с точки зрения их правовой сущности.

На то, что в зарождающихся, древних правовых системах собственность еще не отпочковывается от физического владения, обращалось внимание и в российской юридической литературе. В частности, дореволюционный правовед С. Е. Десницкий писал: «У всех первоначальных народов, имеющих во владении одни только движимые вещи, право собственности примечается совсем нераздельное с владением, т. е. продолжающееся только, пока вещь во владении имеется» [9. С. 65]. Римская правовая система не является исключением, у римлян по старинным законам в случаях, когда человек закладывал свою вещь за долг, собственность на закладываемую вещь переходила к займодавцу, который после уплаты долга возвращал вещь вместе с правом собственности на нее должнику. Лишь значительно позднее, в другую эпоху, по мнению С. Е. Десницкого, собственность понимается отдельно, отвлеченно от владения [Там же. С. 71]. Д. И. Мейер также полагал, что представления о праве собственности формировались постепенно, что они обыкновенно развиваются из владения, это объясняется тем, что «в малоразвитом юридическом быту гражданам недоступны отвлеченные понятия; для них нужна материальная основа, осязательный остов, а когда его нет, то и отвлеченные понятия не имеют хода» [10. С. 4]. Он считал, что наш, российский древний юридический быт дает повод для такого рода выводов о нераздельности фактического владения вещью и юридического господства над ней (собственностью).

Противопоставление римскими юристами (в частности, Ульпианом) собственности владению в определенной степени можно рассматривать как показатель зрелости правовой системы Рима и римской юриспруденции, которая в своих представлениях о собственности уже оторвалась от эмпирических оснований, физических корней, признавая собственность в качестве духовного явления. Однако

в этом противопоставлении есть и отрицательная сторона, заключающаяся в том, что владение еще не стало для римских юристов умопостижимым, интеллектуальным владением, правовой субстанцией. Они еще в полной мере не осознали того, что собственность изменила их быт, систему социального устройства, основанную на физическом захвате вещей и их принудительном удержании, что владение чем-либо перестало быть в созданном ими мире просто эмпирическим владением, оно с укреплением собственности стало правовым владением, но они уже – на полпути к осознанию этого. То, что собственность и владение сопоставляются ими, свидетельствует о том, что они видят не только различие между данными понятиями, но и связь между ними. Как справедливо отмечает К. И. Скловский, «отрицание общего между владением и собственностью на самом деле знаменует тот этап, когда эти явления уже находятся в тесном взаимодействии и их общность дает о себе знать, заставляя юристов проводить указанные разграничения, решительно провозглашая их нетождество» [11. С. 280].

Противоречивость представлений римских юристов о владении выразилось также в проводимом ими разграничении владения и держания вещами. Как отмечал В. М. Хвостов, в римском праве не считались владельцами те лица, которые хотя и господствовали фактически над вещами, но осуществляли это «господство не как над своей вещью, а как *над чужой*, т. е. признавая над этими вещами высшую власть другого лица, которого они почитают за собственника» [6. С. 272]. Такие лица удерживали вещи от чужого имени, осуществляли чужое владение; к ним он относил, например, нанимателей вещей, их хранителей, лиц, имеющих право пожизненного пользования (узуфрукт). Господство данных лиц над вещами именовалось не *possessio civilis* (владение), а *possessio naturalis, detentio* (простое, естественное держание), сами держатели именовались *detentores*, а не *possessores*. Для признания лица владельцем вещь требовалось два признака: 1) *corpus possessionis* – такое фактическое отношение к вещи, господство над ней, обеспеченное от посягательств со стороны третьих лиц; 2) *animus possessionis* – намерение владельца осуществлять господство над вещью так, как господствует собственник [Там же].

Непоследовательность данного деления, на наш взгляд, заключается в том, что если владение противопоставляется собственности как фактическое (естественное, физическое) правовому, то дальнейшее противопоставление владения держанию лишено смысла, поскольку владение в этом случае тождественно физическому держанию. Если же владение есть правовой феномен (В. М. Хвостов вопреки своему определению владения предпочитает его именовать «юридическим владением»), тогда можно сделать вывод, что предлагаемое им определение владения является некорректным и его разграничение с собственностью проведено неправильно. На это указывает, в частности, то, что владение (первый признак) обеспечено от посягательств со стороны третьих лиц (как и собственность). С собственностью владение также объединяет (второй признак) – намерение владельца осуществлять господство над вещью так, как господствует собственник. Владение вещью, исходя из указанных признаков, отнюдь не сводится к фактическому господству над ней, поскольку владелец находится в «правовом поле» и проявляет себя как правовой субъект, у него есть правовая цель – «господствовать над вещью подобно тому, как господствует собственник». В этом смысле методологически некорректно рассматривать владение как физическое держание, противопоставляя его собственности. Сравнивать можно лишь сопоставимые явления, физическое владение и собственность, как социально-правовой феномен, – несопоставимы, они находятся в разных мирах, «живут» по разным законам (физическим и социальным). *Possessio* – лишь внешне представляет собою физическое владение вещью, по сути же данный вид владения, как и собственность, – правовой феномен.

Владельческая форма защиты, как представляется, отнюдь не случайно оказалось заимствованной современными законодателями у римской правовой системы и рассматривается правоведами как прогрессивный правовой институт, несмотря на то что ему уже более двух тысяч лет. Его прогрессивность, на наш взгляд, заключается отнюдь не в том, что он призван служить охране наличного, фактического состояния владения, что владение вещью якобы защищается им независимо от какого-либо права лица на вещь и помимо всякого права. Если бы его роль заключалось именно в этом, то данный институт неизбежно противостоял бы институту петиторной защиты владения, призванному решать правовые споры по существу. Они бы стояли по разные стороны баррикады: один – служил бы правовым владельцам вещей, другой – фактическим (в реальности это произошло в Риме, где преступники как фактические владельцы чужих вещей получали владельческую защиту). Прогрессивность и правовую ценность данного института надо определять не в эмпирическом, а в правовом плане, соотнося его с целями укрепления правопорядка, защиты прав личности, развития правовых отношений в обществе. Если его рассматривать в этом контексте, то он действительно способен раскрыть свой правовой потенциал как институт правового развития общества.

Главная ценность института владельческой защиты, на наш взгляд, заключается в том, что он способствует формированию «общего правового поля», правовых принципов коммуникаций взаимодействия между людьми. Множество индивидов, не зная друг друга, не ведая о том, на каком конкретно праве другие лица фактически обладают той или иной вещью, тем не менее должны относиться к ним как законным владельцам вещей. По общему правилу, пока из конкретной обстановки или решения суда не явствует обратное, каждый субъект права должен полагать, что человек, сядущий за руль автомобиля или проживающий в соседнем доме, квартире, держащий в руке какую-либо вещь, имеет на это право. Институт владельческой защиты формирует у него не просто психологически позитивное, доброжелательное отношение к другому лицу, он требует правового поведения, воздержания от нарушений, насильственных действий по отношению к владельцу вещи. Основная цель данного института – формирование правового отношения людей к предполагаемому владельцу вещи, в нем заключена презумпция правового владения (соединения в одном лице фактического и юридического владения), которая, как уже отмечалось, может быть опровергнута судом.

Законодатель, учреждая владельческую защиту, тем самым создает единый правовой институт владения, который хотя и возникает на почве отношений собственности, тем не менее формируется как относительно самостоятельное звено нормативно-правовой системы; само владение вещью собственником охватывается данным институтом, входит в него наряду с другими видами правового владения. Данный институт учреждает открытую систему, включающую в себя неограниченное множество видов правовых владений, он дает возможность участникам правовой коммуникации создавать в своих интересах новые правоотношения по владению вещами, исходя из принципов диспозитивности и частноправовой свободы. В основе данного института лежит духовно-правовая, умопостигаемая связь, такого же типа, на которой основывается собственность. Как и собственность, институт правового владения строится на взаимном признании друг друга в качестве самостоятельных, автономных субъектов, их рациональном, ненасильственном взаимодействии, на учете и совмещении интересов каждого лица, недопущении одностороннего произвола.

Тенденция развития нормативного института владения как формы умопостигаемого, интеллектуального обладания вещами наиболее заметна в реализуемых европейскими законодателями в XX и XXI веках юридических конструкциях прямого и опосредованного (непрямого) владения, а также двойного, множественно-

го владения. Согласно ст. 107 Гражданского кодекса Нидерландов, владение признается прямым, когда кто-либо владеет имуществом без участия других лиц; владение признается косвенным, когда лицо владеет имуществом посредством кого-либо другого. В Германском гражданском уложении (§ 868) допускается возможность двойного (множественного) владения: «Если лицо владеет вещью в качестве usufructуария, залогодержателя, арендатора, нанимателя, хранителя или на основании иного подобного правоотношения, в силу которого оно вправе или обязано по отношению к другому лицу временно владеть определенной вещью, то последнее также является владельцем» [12. С. 259]. Параграф 871 ГГУ тоже предусматривает возможность множественного (многоступенчатого опосредованного) владения, когда один (опосредованный) владелец состоит с другим лицом в одном из указанных в § 868 ГГУ правоотношений, при этом другое лицо само является опосредованным владельцем.

Закрепление в гражданском законодательстве нормативных конструкций прямого, опосредованного, двойного (множественного) владения, на наш взгляд, является важнейшей вехой на пути преодоления юриспруденцией физического понимания владения. Хотя владение в соответствии с римской традицией еще связывается с достижением фактической власти лица над вещью, однако утверждение этих революционных идей в текстах европейских гражданских кодексов разрушает исторически сложившиеся стереотипы. Юристы приблизились к осознанию того, что фактическое обладание вещью есть несущественный момент в правовом владении, что оно может быть «голым», нематериальным, чисто рациональным; что именно в таком владении проявляется духовная природа права, его сущность, что без этого нематериального обладания вещами невозможно дальнейшее развитие гражданско-правового оборота, формирование новых видов правовых отношений. Если для освобождения собственности (по утверждению Гегеля) потребовалось полторы тысячи лет, то для рационального, умопостигаемого понимания владения юридической науке не хватило двух тысячелетий.

Противоречивость, непоследовательность юридических представлений о владении в наибольшей степени проявилась в российской дореволюционной, а также советской правовой науке. Многие дореволюционные правоведы рассматривали владение как факт (фактическое состояние), при этом выделяя законное и незаконное владение, добросовестное и недобросовестное; другие же, например Г. Ф. Шершеневич, – как правовое явление [13. С. 152–153]. В дореволюционном праве различали два вида законного владения: во-первых, владение имуществом, которое осуществлялось на основании ст. 514 X (десятого) т. Свода законов Российской империи самим собственником (*jus possidendi* римского права); во-вторых, владение на праве *jus possessionis*, осуществляемое независимо от воли собственника имущества на основании ст. 531 X т. [14. С. 2 и сл.]. Г. Ф. Шершеневич писал, что владение может быть законное и незаконное; существенный признак, отличающий одно владение от другого, состоит в том, что законное владение основывается на одном из тех юридических факторов, которые по закону составляют вообще способ приобретения права собственности, но в данном случае, за отсутствием того или другого условия, не создали его. Так, например, одно лицо приобрело по дарению от другого вещь, а между тем даритель сам не имел права собственности, а потому не мог и передать его другому – в этом случае приобретатель имеет только владение, а не право собственности, но владение законное. Напротив, владение, не имеющее в основании подобного юридического факта, будет незаконным; незаконное владение может быть: а) подложным, б) насильственным и в) самовольным. Когда владение соединено с правом собственности, то оно, по мнению Г. Ф. Шершеневича, есть существенная часть самого этого права; но владение может не совпадать с правом собственности, и тогда оно представляет особый ин-

ститут [13. С. 152, 154–155]. Другую позицию в отношении законного владения занимал К. Н. Анненков: он законным владением признавал только то владение, которое совпадает с правом собственности, поскольку в российском дореволюционном законодательстве, по его мнению, отсутствовало определение владения как особого самостоятельного юридического владения в значении *jus possessionis*, а также отсутствовал особый раздел, регламентирующий данное владение, а те лица, которые владеют вещью без воли, намерения иметь ее для себя (прекарии, залогодержатели, наниматели имущества, ссудополучатели и т. д.) – это только держатели вещи, но не ее владельцы [14. С. 487–509].

В советской правовой науке под владением обычно понималось фактическое господство лица над вещью [15. С. 227; 16. С. 266; 17. С. 173; 18. С. 132] или фактическое обладание вещью, создающее для обладателя возможность непосредственного воздействия на вещь; различалось законное и незаконное владение, под законным (титульным) владением признавалось владение вещью не только собственником, но и нанимателем (арендатором) имущества, ссудополучателем, залогодержателем, перевозчиком, хранителем имущества, комиссионером и т. д.; незаконное владение разделялось на добросовестное и недобросовестное [19. С. 40]. Д. М. Генкин, соглашаясь с традиционным пониманием владения как фактического господства лица над вещью, уточнял: «Господство над вещью само по себе носит фактический характер, но поскольку такое господство имеет место в обществе людей и закреплено запретительной нормой закона, постольку оно приобретает правовое значение» [20. С. 82]. А. А. Рубанов в своем диссертационном исследовании, посвященном понятию владения в советском гражданском праве, признавал владение экономическим по своей сущности явлением, «закрывающимся в том, что вещь фактически находится у отдельного человека или организации» [21. С. 4]; вместе с тем он отвергал традиционное понимание владения как господства лица над вещью, поскольку, по его мнению, господствовать над вещью невозможно, можно господствовать над человеком [Там же. С. 10]. Некоторые советские правоведы рассматривали владение не только как фактическое состояние, но и как право, допуская возможность двойного владения вещью [22. С. 7–11]. Ю. К. Толстой разграничивал владение как экономическую категорию (хозяйственное господство лица над вещью) и как правомочие владения (под ним он понимал юридически обеспеченную возможность хозяйственного господства лица над вещью) [23. С. 51; 24. С. 149].

В современной российской юридической литературе проблема владения также остается актуальной, до конца не решенной. Ряд авторов испытывает затруднения при ответе на вопрос о том, продолжает ли собственник оставаться владельцем вещи при сдаче ее внаем или ее владельцем на период найма является наниматель [25. С. 409]. Другие, напротив, утверждают, что проблема двойного владения не является нерешенной для отечественного законодателя, что деление владельцев на самостоятельных и зависимых выводится из содержания норм вещного и обязательственного права, но одновременно с этим полагают, что «дуализм самостоятельного и зависимого владения возможно обозначить иначе как соотношение *владения и держания* (выделено мною. – С. А.), получившего в современном праве защиту и утратившего историческую самобытность, которую этот институт имел в римском праве» [26. С. 16]. Но если это действительно так, если под вывеской «владение» смешивается юридическое владение и физическое держание вещи, то можно предположить, что проблема правового владения еще не решена российской юридической наукой.

По мнению К. И. Скловского, «владение является не правом, а *фактической позицией лица*, защищаемой не исковыми, а административными (преторскими) средствами, поскольку нарушение владения означает физическое насилие по от-

ношению к владельцу»; «владельческая защита понимается как защита только фактического, незаконного владения»; «защита законного владения – это не владельческая (посессорная), а только петиторная защита, защита по праву» [27. С. 10]. Ситуацию с владельческой защитой он характеризует как проблемную, а систему владельческой защиты как незавершенную [27. С. 10]. Другой автор диссертационного исследования, посвященного проблеме владения в гражданском праве, Т. Н. Сафронова, полагает, что «владение в субъективном аспекте характеризуется единством естественного и юридического компонентов»; «юридическая сторона владения не может получить универсального определения, поскольку каждое из правовых оснований владения предполагает специфическое правовое содержание и защиту» [26. С. 8]. Проще говоря, Т. Н. Сафронова не видит возможности сформулировать общее понятие правового владения в гражданском праве.

Интересную попытку объединения объективных и субъективных элементов в понятии владения предпринял в своей работе А. В. Коновалов. Он определяет владение как «физическое моментальное обладание вещью и контроль над ней своей властью, соединенные с добросовестным отношением лица к вещи как к принадлежащей ему и связанные с волевым стремлением к ее обособлению от произвольного воздействия окружающих» [12. С. 26]. В его определении фактическое (физическое) обладание вещью соединяется с добросовестным отношением лица к ней как своей принадлежности (что вообще-то свойственно отношениям собственности). Незаконное владение, не отвечающее критерию добросовестности, по его мнению, никогда не станет субъективным правомочием и может рассматриваться лишь как фактическое владение [Там же. С. 28]. В диссертационном исследовании Н. В. Бадмаевой владение в действующем праве России предлагается рассматривать либо как отдельное правомочие в составе вещных или обязательственных прав, либо как простое фактическое обладание вещью; при этом владение как фактическое состояние, по ее мнению, всегда одинаково по содержанию – это реальное нахождение вещи в обладании определенного лица, способного осуществлять контроль над ней [28. С. 9]. Как полагает А. Д. Рудоквас, «de lege lata владение представляет собой адресованное неопределенному кругу лиц выражение воли к присвоению вещи, с которым как таковым объективное право при определенных условиях связывает определенные правовые последствия. Владение суть видимость собственности (или иного имущественного права), которая позволяет презюмировать наличие у владельца данного права, ввиду того, что, как правило, фактическая позиция участника оборота совпадает с его правовой позицией. Однако владение может быть и абсолютно неправомерным (недобросовестное владение). Следовательно, как таковое оно представляет собой фактическое состояние, а не субъективное право» [29. С. 13–14].

Анализ научных работ, в том числе диссертационных исследований, посвященных проблеме владения в праве, не дает оснований для вывода о том, что данная проблема принципиально решена юридической наукой или даже близка к своему решению. Главное препятствие, лежащее на пути ее решения, можно предположить, имеет методологическую природу: исследователи находятся либо за пределами правовой сферы (в мире физических состояний, эмпирических владений, держаний), либо одной ногой – в мире права, другой – за его пределами, пытаясь совместить несовместимое. Проблема правового владения не может быть решена путем «объединения двух миров» (физического и правового), всякое правовое явление основано на правовых законах, поэтому понимание его сущности, логики его развития лежит в правовой плоскости.

В концепции развития гражданского законодательства, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г., предлагается урегулировать владение как факт

(фактическое отношение), в противном случае, по мысли авторов концепции, невозможно найти место владению в системе институтов вещного права. В Гражданском кодексе владение предлагается ими определить как господство над вещью, при этом выделить такие виды владения, как законное и незаконное, добросовестное и недобросовестное. Авторы не видят необходимости закреплять в кодексе так называемое двойное владение – опосредованное и непосредственное, а также противопоставлять владение и держание, главный аргумент – отказ от опосредованного владения и держания позволит упростить применение владельческой защиты. Положения концепции получили дальнейшее развитие в проекте Федерального закона № 47538-6, в нем, в частности, предусматривается внесение в Гражданский кодекс гл. 13 (понятие и виды владения), где (ст. 209) владение должно быть определено как фактическое господство лица над объектом владения; право на защиту (ст. 215) должен иметь любой владелец – как законный, так и незаконный, – независимо от того, принадлежит ли ему право на объект владения или нет.

Представления о владении, положенные в основу концепции развития гражданского законодательства и проекта Федерального закона № 47538-6, являются внутренне противоречивыми, непоследовательными. Во-первых, определяя владение как факт (фактическое состояние), некорректно выделять законное и незаконное владение, добросовестное и недобросовестное, поскольку данные классификации применимы к правовому состоянию, но не к фактическому. Предлагаемые авторами концепции классификации видов владения не соответствуют избранному ими подходу к пониманию данного явления. Во-вторых, какой резон российскому законодателю защищать незаконное владение, может быть, стоит ограничиться защитой законного владения? Для Древнего Рима, основателями которого была шайка грабителей во главе с легендарными Ромулом и Ремом, цель легализации преступного захвата чужих земель, скота и иного имущества была вполне объяснима, имела «глубокий» социальный смысл, но зачем законодателю, который провозгласил в Конституции страны идеалы правового государства, защищать рейдерские захваты, воровство, грабеж и иное незаконное завладение чужим имуществом? В-третьих, каким образом право способно воздействовать на физическое владение вещами? Ведь оно, как справедливо заметил Л. И. Петражицкий, не обладает мускульными или иными физическими силами и свойствами, и обладать не может [30. С. 269]. Оно не в состоянии удержать вещь или прикрепить ее к лицу, а равно лицо к вещи, физические процессы неподвластны праву, существуют по своим, природным, законам. Человек без правовых норм владеет руками и ногами, другими частями тела или внутренними органами, собака без участия законодателя владеет своим хвостом, физически господствует над ним. Они – фактические владельцы, которые не нуждаются в специальном правовом институте владения. Правовой институт владения нужен для других целей: укрепления правопорядка, охраны собственности, прав личности, развития договорных и вещно-правовых отношений.

Правовое владение, охраняемое нормативным институтом посессорной защиты, является интеллектуальным, умопостигаемым, как и владение вещью собственником, у них общая правовая природа. Физическое обладание вещью – это не владение с правовой точки зрения, а лишь внешнее обозначение, символ правовой связи, социально-правового отношения владения. Подобно тому как межевой знак или клеймо на теле животного обозначают его правовую принадлежность конкретному лицу, так и состояние физического обладания каким-либо предметом есть знак существования интеллектуального отношения к лицу (обладающему предметом) со стороны правопорядка и окружающих его субъектов права. Законодатель посредством нормативного института владения формирует у граждан и

юридических лиц правовую позицию, отношение к физическому держателю вещи как к ее законному, правомерному владельцу. Вместе с тем, для укрепления презумпции законности, ему необходимо предусмотреть все возможные гарантии того, чтобы данным институтом правовой защиты не воспользовались незаконные владельцы вещей, чтобы презумпция законности владения не была «голой», необеспеченной. Для этого следовало бы учесть в законе юридический опыт регулирования данных отношений, накопленный европейскими законодателями (германскими, швейцарскими и другими), чтобы установить надежный заслон, преграду недобросовестному, неправомерному владению.

Защищаемое посредством института владельческой защиты правовое отношение окружающих к владельцу вещи можно условно обозначить как неконкретизированное или презюмируемое, в том смысле, что оно возникает безотносительно к титулу владения, когда окружающие не знают юридических оснований обладания вещью, а нередко и имени владельца, но предполагают, что он владеет вещью законно. Оно существенным образом отличается от того отношения, которое является конкретным, детализированным владельческим правовым отношением, выступающим предметом судебного исследования при петиторном процессе. В нем субъекты четко определены, знают друг друга; ядро, стержень этого отношения составляют конкретные правовые основания владения, субъективные права на вещь. Для правопорядка оба вида правоотношения важны, каждое из них необходимо для формирования и сохранения собственности и иных видов владений. Конкретное владельческое правоотношение имеет узкий круг участников, является насыщенным с точки зрения своего содержания регулятивным отношением, оно различается в зависимости от вида правового владения. Презюмируемое, основанное на предположении законности владельческое правоотношение имеет не ограниченный по составу круг участников, по своему юридическому характеру является охранительным, имеет публично-правовую природу, его содержание более бедно, чем содержание конкретного правоотношения, оно не различается в зависимости от видов владения, опосредуемых им.

В отличие от российского законодателя Конституционный суд Российской Федерации склоняется в сторону признания владения правовым состоянием, в своих решениях он все более последовательно отстаивает данную позицию. Как справедливо отметил судья Конституционного суда России Г. А. Гаджиев, противостояние полярных точек зрения Павла и Папиниана в римском праве, Г. Дернбурга и Б. Виндшейда в немецком праве, Д. И. Мейера и Г.Ф. Шершеневича в русском гражданском праве получило своеобразное разрешение в компромиссной позиции Конституционного суда РФ, который считает, что владение есть право, однако право с довольно скудным содержанием [31. С. 14].

Литература

1. Кант И. Соч. : в 6 т. – Т. 4. – Ч. 2. – М., 1965.
2. Фихте И. Г. Соч. Работы 1792–1801 гг. – М., 1995.
3. Гегель. Политические произведения. – М., 1978.
4. Мэн Г. С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. – СПб., 1873.
5. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М., 2001.
6. Хвостов В. М. История римского права. – 7-е изд. – М., 1919.
7. Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. – М., 2002.
8. Иеринг Р. Дух римского права на разных ступенях его развития. – Ч. 1. – СПб., 1875.

9. Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют на- роды о собственности имения в различных состояниях общежития // Русская фило- софия второй половины XVIII века. – М., 1981.
10. Мейер Д. И. Русское гражданское право. Гражданские права в отдельности. – 2-е изд. – СПб., 1862.
11. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве : учеб.-практ. пособие. – 3-е изд. – М., 2002.
12. Коновалов А. В. Владение и владельческая защита в гражданском праве. – 3-е изд. – СПб., 2004.
13. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). – М., 1995.
14. Анненков К. Система русского гражданского права. – Т. 2 : Права вещные. – СПб., 1895.
15. Гражданское право : учебник для юридических институтов. – Т. 1. – М., 1944.
16. Советское гражданское право : учебник для юридических вузов. – Т. 1. – М., 1950.
17. Советское гражданское право : учебник для юридических школ. – М., 1950.
18. Халфина Р. О. Право личной собственности граждан СССР. – М., 1955.
19. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев. – М., 1984.
20. Генкин Д. М. Право собственности в СССР. – М., 1961.
21. Рубанов А. А. Понятие владения в советском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юр. наук. – М., 1956.
22. Малинкович М. В. Право владения не собственника : автореф. дис. ... канд. юр. наук. – М., 1969.
23. Толстой Ю. К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. – Л., 1955.
24. Толстой Ю. К. Понятие права собственности // Проблемы гражданского и адми- нистративного права. – Л., 1962.
25. Гражданское право : учебник : в 3 т. – 6-е изд., перераб. и доп. / Н. Д. Егоров, И. В. Елисеев и др. ; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – М. : ТК Велби : Проспект, 2005. – Т. 1.
26. Сафронова Т. Н. Проблемы владения в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Саратов, 2002.
27. Скловский К. И. Проблемы собственности и владения в гражданском праве Рос- сии : автореф. дис. ... д-ра юр. наук. – М., 1999.
28. Бадмаева Н. В. Владение и владельческая защита в зарубежном и российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юр. наук. – М., 2009.
29. Рудоквас А. Д. Приобретательная давность и давностное владение : автореф. дис. ... д-ра юр. наук. – СПб., 2011.
30. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 т. – Т. 1. – СПб., 1909.
31. Гаджиев Г. А. Конституционные основы современного права собственности // Актуальные проблемы права собственности : материалы научных чтений памяти профес- сора С. Н. Братуся. – М., 2007.

УДК 342.4

Денисов Сергей Алексеевич

канд. юр. наук, доцент кафедры прав человека
юридического факультета,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: sa-denisov@yandex.ru

Denisov Sergey Alekseevich

Candidate of Law, Associate Professor
at Human Rights Chair, Legal Department,
Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

**КОНСТИТУЦИОННОСТЬ
ФЕДЕРАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ**

**ARE THE FEDERAL STATUTES
ESTABLISHING LOCAL
SELF-GOVERNMENT
CONSTITUTIONAL?**

Аннотация

Нормы Конституции РФ, закрепляющие местное самоуправление, являются декларативными. Нормы законов России существенно ограничивают автономию местных общин. Но это часто бывает необходимо для ограничения произвола местной и региональной бюрократии.

Ключевые слова: Конституция России; местное самоуправление; федеральные законы; ограничение автономии местных общин.

Abstract

The norms of the Russian Constitution, establishing local self-government, are declarative. The provisions of federal statutes significantly limit the autonomy of local communities. But it's often necessary to limit the arbitrariness of local and regional bureaucracy.

Keywords: Russian Constitution; local self-government; federal statutes; limit the autonomy of communities.

Конституция РФ дает широчайшие права местным общинам в России. Она закрепляет максимально возможную местную автономию, какая существует только в Великобритании. Однако, как и многие другие положения Конституции РФ, нормы о местном самоуправлении оказываются декларативными. Они не могут реализоваться в России по многим причинам.

В задачи этой статьи входит выявление норм федерального законодательства, которые, по мнению автора, не соответствуют требованиям Конституции РФ, нейтрализуют ее нормы.

1. Ст. 12 Конституции РФ требует от государства признания и гарантирования местного самоуправления. Это предполагает, что местное самоуправление уже существует в России и его надо только признать. Но на деле этот факт отсутствовал в 1993 г. и отсутствует до сих пор. Советское государство уничтожило земское самоуправление и ввело вместо него государственное управление на местах. За прошедшие десятилетия население привыкло к патерналистской опеке со стороны квазипартии и государства и забыло, что такое местное самоуправление. Оно не желает брать на себя ответственность за решение местных дел и добровольно отдает себя в руки бюрократии. Декларацией автономии местных органов власти (ст. 12 Конституции) в основном воспользовалась местная бюрократия, которая сплошь и рядом стала вступать в конфликт за власть с региональной бюрократией. Российскому государству после 1993 г. пришлось искусственно создавать отношения местного самоуправления, принимая законы о местном самоуправлении, подробно регулирующие эти отношения и тем самым нарушающие Конституцию РФ. Местные органы власти не имеют достаточной поддержки сре-

ди населения и не могут отстоять свою автономию без опоры на федеральное законодательство. ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 25 мая 2014 г.) [1] (далее – ФЗ № 131), в определенной степени вынужденно, нарушает Конституцию РФ, включая в себя наряду с общими принципами множество норм, подробно регулирующих формы организации власти на местах, права населения и полномочия местных органов власти. Это явное нарушение п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, которая предоставляет полномочия Российской Федерации и субъектам Российской Федерации совместно устанавливать только общие принципы организации местного самоуправления. Конкретные нормы, регулирующие организацию самоуправления, каждая община должна устанавливать самостоятельно (ст. 12; ч. 1 ст. 130, 131 Конституции РФ). Нарушая Конституцию, Закон, с одной стороны, пытается защитить население и органы власти на местах от произвола региональной бюрократии, а с другой стороны, лишает местные общины самостоятельности, провозглашенной в Конституции РФ.

Опека федерального законодателя над населением в последние годы усилилась. ФЗ № 131 содержит в себе в 4 раза больше нормативного материала, чем ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ [2].

2. Конституция РФ говорит о праве населения на местное самоуправление. ФЗ № 131 обязывает все население страны объединяться в рамках муниципальных образований (ч. 1 ст. 10). Попытки региональной бюрократии устранить муниципальную организацию населения под предлогом того, что так решило население, были пресечены Конституционным Судом РФ [3]. Это правовое положение можно сравнить с обязанностью людей быть свободными и запретом им добровольно продавать себя в рабство. Демократические нормы навязываются населению России помимо его воли. Это приводит к тому, что местное самоуправление носит формальный, декларативный характер и на деле не осуществляется. Население почти не участвует в принятии решений на местном уровне. От его имени действуют местная и государственная бюрократии, иногда местные элитные группы [4. С. 185–226].

3. По логике ст. 2, 3, 17, 18, ч. 1 ст. 131 Конституции РФ население само должно решать, в каких границах объединяться в муниципальные образования. Однако законодатель устранил эту самостоятельность населения, поскольку оно не очень-то и защищало свою свободу. ФЗ № 131 перечислил 6 моделей территориального устройства муниципалитетов (ч. 1 ст. 10 ФЗ № 131), а региональное начальство решило, как поделить управляемую ими территорию на муниципалитеты.

Предположим, что если бы законодательство дало право общинам решить, на какой территории создавать муниципалитеты, то региональная бюрократия навязала бы им выгодное ей размежевание территории. Таким образом, получается, что лишение населения конституционного права выбора территории, на которой можно объединиться, является гарантией от полного подчинения муниципалитетов региональной бюрократии. В 1990-х гг. Конституционному Суду РФ не раз приходилось вставать на защиту населения страны от произвола региональных властей, которые по своему усмотрению решали, на какой территории позволить объединяться населению, а на какой – запретить [5].

Казалось бы, соответствует конституционному требованию расширения свободы муниципальных общин введение в 2014 г. [6] возможности создания внутригородских муниципальных районов. Однако фактически оно нацелено на уничтожение сильных городских муниципалитетов. Раздробление городских муниципалитетов на части давно лоббировали главы регионов. Им не нравилось, что городские элиты обладают достаточной силой (финансовой, организационной,

профессиональной) и часто вступают с ними в конкуренцию за власть. Нередко главы крупных городов подсиживают глав регионов (Пермь, Петрозаводск, Челябинск и др.). Наконец-то законодатель уступил их давлению. Опыт Москвы и Санкт-Петербурга, где такое деление на муниципальные районы в городе давно введено, показывает, что такая разбивка позволяет ослабить элиты мест и подчинить их региональной бюрократии.

ФЗ № 131 требует, чтобы при изменении границ муниципалитетов учитывалось мнение населения муниципалитетов (ст. 12). Этот неопределенный термин «учет мнения» – призван с одной стороны, показать демократизм отношений между государством и обществом, а с другой стороны, помочь решать вопрос о разделе границ между муниципалитетом по воле регионального начальства. Это положение закона никак не гарантирует защиту местной общины от произвола местной и региональной бюрократии. При современном состоянии гражданского общества в России «мнение населения» по вопросам, явно не касающимся личной жизни людей, является продуктом деятельности местного начальства.

ФЗ № 131 требует от региональных властей создавать в сельской местности крупные муниципалитеты, для того чтобы было удобно передавать им государственные функции. Он указывает, что в сельском поселении должно быть, как правило, не менее 1 000 человек, а на территориях с высокой плотностью населения – не менее 3 000 человек. Маленькие деревни должны присоединяться к большим городским округам или объединяться в одно муниципальное поселение (ч. 1 ст. 11). Из этого видно, что российское государство является бюрократическим, а не демократическим, как установлено в Конституции РФ (ст. 1). Здесь господствуют аргументы удобства управления населением, а не удобства самоуправления населения.

Конституционный Суд РФ отказался признать право населения решать, на какой территории ему объединяться в общину, естественным. Он указал, что этот вопрос находится в компетенции государственных органов власти [7]. Судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев в своем особом мнении обратил на это внимание и отметил, что население имеет право создавать самоуправляемые общины, исходя из объективно сложившегося совместного проживания, а не по субъективной воле законодателей [8].

4. Конституция РФ указывает, что высшим непосредственным выражением власти народа является референдум (ч. 3 ст. 3). Ч. 2 ст. 131 Конституции ставит референдум на первое место среди форм осуществления местного самоуправления. Считается, что референдум должен проводиться по наиболее важным вопросам общественной жизни. ФЗ № 131 не поддерживает эти правовые идеи. Основные вопросы жизни общины он предлагает решать через ее представительные органы. Он запрещает проводить референдум по принятию устава муниципалитета (ч. 10 ст. 35 и ч. 3 ст. 44), который как раз и решает основные вопросы жизни общины. Конечно, это грубо нарушает принцип демократии, заложенный в Конституции РФ. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 15 января 1998 г. № 3-П признал право населения принимать устав муниципалитета путем референдума (п. 7 установочной части) [9].

Особенностью современной России является то, что большинство ее населения представляет собой охлос, легко манипулируемый разного рода авантюристами. В этих условиях референдум может стать опасным инструментом в их руках. Как известно, референдумом часто пользовались диктаторы разных стран для придания легитимности своим решениям. Конституционное право населения может быть обращено против самого этого населения. Существует общее правило, в соответствии с которым решение, принятое на референдуме, может быть изменено только новым референдумом. Устав муниципалитета, принятый на референду-

ме, придется изменять (дополнять) также на референдуме. Но собрать местное население на референдум, при современном уровне его пассивности, очень трудно, а иногда и невозможно. Таким образом, изменение устава, принятого на референдуме, становится технически трудно осуществимым.

ФЗ № 131 устанавливает, что даже вопросы передачи населения вместе с территорией, на которой оно проживает, из одного муниципалитета в другой, изменения статуса муниципалитета могут решаться властями региона с согласия или при заслушивании мнения органов власти муниципалитета (ст. 12 и 13). Для этого не нужно проводить референдум (за исключением ряда случаев, предусмотренных в ч. 2 и 3 ст. 12; ч. 5 и 7 ст. 13 ФЗ).

П. 3 ч. 10 ст. 35 ФЗ № 131 запрещает выносить на референдум вопрос о введении муниципального налога. В ряде муниципалитетов США, наоборот, запрещается вводить местный налог без проведения референдума [10]. Население само решает, нужна ли ему определенная муниципальная забота о нем, или оно будет справляться со своими проблемами собственными силами.

Референдумы вовлекают население в решение местных проблем, делают его активным. Российская бюрократия боится активности населения. Она старается убедить его, что все его проблемы может решить аппарат управления, в тиши кабинетов. Ее лозунг: «Спите спокойно! За вас всё решат!»

5. Общины создают свои органы самоуправления для решения вопросов местного значения. Они, конечно, могут брать на себя решение вопросов государственной жизни. Но это должно происходить с согласия общины. Превращение органов муниципалитета в представителей государства путем наделения их государственными полномочиями и установления контроля за их деятельностью, ответственности за реализацию государственных функций (ст. 19-21 ФЗ № 131) является посягательством на автономию общины. Она, фактически, лишается своих органов власти. Органы власти, формально принадлежащие общине, на деле становятся продолжением органов государственной власти. Практика показывает, что в России трудно найти главу муниципалитета (главу муниципальной администрации), который не был бы ставленником главы региона. Все это является грубым нарушением ст. 12 Конституции РФ.

Ч. 1 ст. 132 Конституции РФ дает права государственным органам наделять органы местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Но она не говорит, что органы власти общины обязаны их принимать. Исходя из принципа автономии общины, необходимо заключать договор между органами власти региона и органами власти общины о передаче им каких-либо государственных полномочий. В договоре должно быть оговорено и финансовое обеспечение выполнения этих полномочий. Естественно, община должна иметь право выразить свое мнение путем референдума о принятии ее органами власти государственных полномочий. Вполне возможно, что она не согласится это делать на тех условиях, которые предлагает государство.

Эта позиция уже высказывалась специалистами по конституционному праву. Они отмечают, что по смыслу ч. 2 ст. 132 Конституции РФ «наделение государственными полномочиями не должно быть односторонним актом», «...отказ органа местного самоуправления от исполнения государственных полномочий не противоречит ч. 2 ст. 132». Они указывают на аналогию отношений между органами местного самоуправления и государством с отношениями между органами власти субъекта Федерации и Федерации, которые урегулированы ч. 2 ст. 78 Конституции РФ [11. С. 56]. Там сказано, что федеральные органы исполнительной власти могут передавать осуществление части своих полномочий органам исполнительной власти субъекта Федерации только по соглашению с ним. Отмечается, что в некоторых субъектах Федерации предусматривается возможность передачи госу-

дарственных полномочий органам местного самоуправления на основе договора, заключаемого между государственными и муниципальными органами [11. С. 56].

6. ФЗ № 131 перечисляет вопросы, которые, по мнению законодателя, следует отнести к вопросам местного значения (ст. 14–18). Конечно, это грубо нарушает принцип автономии территориальных общин. Они сами должны решать, какие вопросы они могут решить сами, без государства, а какие вопросы они отказываются решать в силу, например, отсутствия финансовых средств или квалифицированных кадров.

Конечно, в современных условиях свобода общины в решении вопроса о том, что в ее силах осуществлять самостоятельно, приведет к тому, что региональное начальство будет навязывать общинам выгодный ему раздел полномочий. Но свобода выбора развязала бы руки сильным городским общинам, во главе которых стоят активные хозяйственники и политики.

7. Ч. 1 ст. 131 Конституции РФ указывает, что структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно. ФЗ № 131 игнорирует эту норму и навязывает общинам определенные модели организации органов власти общин. Он запретил коллегиальную форму организации исполнительной власти, которая формально закреплялась в законодательстве СССР. Повсеместно навязывается принцип единоначалия, который удобен для управления общинами со стороны государственной бюрократии (ст. 35–37). Глава региона навязывает общине лично преданного ему главу муниципалитета (главу администрации муниципалитета) и через него осуществляет управление местными делами. Представительный орган общины, при современной пассивности населения, не имеет властных ресурсов и, чаще всего, зависит от главы муниципалитета и главы региона. Фактически, как правило, государственные органы регионов создают государственные органы управления местными общинами, которые носят только название муниципальных органов местного самоуправления, а на самом деле являются частью государственного механизма, что нарушает ст. 12 Конституции РФ.

ФЗ № 131, вместо того чтобы ограничиться определением общих принципов организации органов власти территориальных общин, подробно указывает, как они должны формироваться, каковы должны быть их полномочия и отношения между ними, что является нарушением ч. 1 ст. 131 Конституции РФ. Конституционный Суд РФ в ряде постановлений указал, что подмена принципов нормами с конкретным содержанием, устанавливающим отношения между органами власти муниципалитетов, их статус, является нарушением Конституции РФ (п. «н» ч. 1 ст. 72 и ч. 1 ст. 131). В Постановлении от 15 января 1998 г. № 3-П (п. 3 установочной части) он признал нарушающим Конституцию РФ навязывание Конституцией Республики Коми обязанности администрации муниципалитета ежегодно отчитываться перед представительным органом. Такая императивная норма может быть закреплена только в уставе муниципалитета [9]. В Постановлении от 1 февраля 1996 г. № 3-П Конституционный Суд признал неконституционным навязывание в законе субъекта Федерации обязанности муниципалитетов создавать у себя исполнительные органы власти [12]. В Постановлении от 30 ноября 2000 г. он указал на недопустимость закрепления в Уставе Курской области выборов депутатов всех муниципалитетов на пятилетний срок (п. 6 установочной части) [3]. Исходя из сказанного, неконституционными следует признать положения ФЗ № 131, которые навязывают местным общинам не общие принципы, а совершенно конкретные модели организации органов власти муниципалитетов и предписывают определенные отношения между этими органами власти. Примером является ч. 11.1 ст. 35 ФЗ № 131, закрепляющая признанную Конституционным Судом РФ неконституционной норму, обязывающую представительные органы муниципалитетов заслушивать ежегодные отчеты главы муниципалитета, главы местной

администрации о результатах их деятельности, деятельности местной администрации и иных подведомственных главе муниципального образования органов местного самоуправления. По результатам этих отчетов представительный орган имеет право удалить главу муниципального образования в отставку (п. 3 ч. 2 ст. 71.1 ФЗ № 131). Исследователи отмечают, что эта норма обеспечивает лишение должности выбранного населением главы муниципалитета, который не имеет большинства в представительном органе муниципалитета [13]. Это большинство обычно имеют депутаты от «Единой России».

Ч. 13 ст. 35 ФЗ № 131 предписывает представительному органу направлять для подписи и обнародования свои правовые акты в течение 10 дней. Это что, общий принцип организации власти на местах? Нет. Это норма с конкретным содержанием, грубо нарушающая ч. 1 ст. 131 Конституции РФ, направленная на ослабление власти представительных органов муниципалитетов, что является также нарушением ст. 1 Конституции РФ (демократия).

В перечисленных двух случаях Закон лишает местные общины всякого права выбора модели организации отношений между органами власти, отказываясь даже от имитации самостоятельности населения.

Явным нарушением прав общины является ч. 6 ст. 35 ФЗ № 131, императивно предписывающая общинникам, какое число депутатов должно быть в их представительном органе в зависимости от численности населения общины. Такая норма приемлема для полицейского, а не для демократического государства. Интересно то, что эта норма была принята для защиты избирательных прав граждан. Местная бюрократия обычно устанавливала в уставах муниципалитетов количество депутатов представительного органа меньшее, чем указано в обозначенной статье Закона, максимально увеличивая число избирателей на одного депутата. Таким образом ей легче было формировать представительный орган из послушных депутатов. Получается, что население ограничивается в правах исходя из того, что само оно не может их отстаивать.

Исследователи, толкующие Конституцию РФ и решения Конституционного Суда РФ, считают, что местное сообщество «может вообще не предусматривать в своем уставе должности главы муниципального образования – выборного должностного лица, так как из Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 130) вытекает обязанность наличия лишь выборных органов местного самоуправления муниципальных образований. Иные органы и должностные лица местного самоуправления образуются в соответствии с уставами муниципальных образований» [11. С. 71]. Но федеральный законодатель не согласился с этой точкой зрения, решив, что муниципалитетам не следует предоставлять свободу, предусмотренную ч. 1 ст. 130 Конституции РФ. Он указал, что все муниципалитеты должны иметь главу муниципального образования (ст. 36), а крупные муниципалитеты должны иметь администрацию и его единоличного главу (ст. 37). Таким образом он запретил создавать коллективный исполнительный орган власти и разделять полномочия по исполнению законов между различными должностными лицами, как это было принято в поселениях Новой Англии [14. С. 66]. ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» 1995 г. не допускал такой крайней формы ограничения свободы местных сообществ (ст. 16–17). Нормы, касающиеся организации власти местных сообществ, имели, в основном, диспозитивный характер.

Введением крайней формы опеки государства над муниципалитетами является установление, что все выборы в них должны проводиться в первое воскресенье сентября [15].

Конституция РФ требует закрепления в России демократического политического режима (ст. 1), при котором обеспечена выборность основных органов вла-

сти. Для современной России характерно господство вождистской идеологии. Большинство населения страны наделяет большей властью не свои коллективные представительные органы, а местных лидеров. В этих условиях неконституционными следует признать те нормы ФЗ № 131, которые позволяют заменять всеобщие и прямые выборы главы муниципалитета и главы администрации муниципалитета на выборы главы муниципалитета представительным органом власти (п. 1 ч. 2 ст. 36 ФЗ № 131) и назначение главы администрации муниципалитета представительным органом власти муниципалитета (ч. 2 ст. 37 ФЗ № 131). Практика последних двух десятилетий показывает, что это неизменно приводит к потере автономии даже большие муниципальные округа [4. С. 334.]. Установление широких прав представительного органа власти муниципалитета, которое может быть обеспечено уставом муниципалитета в соответствии со ст. 35–37 ФЗ № 131, кажется более демократичной мерой. Но при такой организации власти население современной России фактически отстраняется от формирования основных органов власти муниципалитета. К выборам представительных органов власти оно, как правило, относится безразлично. Глава региона легко (в том числе с помощью «Единой России») заполняет большинство мест в муниципальном представительном органе лояльными ему людьми и через них ставит главой муниципалитета (главой администрации) послушного ему человека. Устранение выборности глав больших муниципалитетов (столичных городов в регионах), кроме всего прочего, совершенно устраняет плюрализм политической системы России. При выборах глав регионов у них нет достойных конкурентов, которые были бы известны населению региона. При отсутствии всеобщих и прямых выборов глав муниципалитетов (глав администрации муниципалитетов), они превращаются из местных политиков в местную бюрократию, подчиняющуюся законам иерархии. Таким образом, отмена прямых выборов глав муниципалитетов (глав администрации муниципалитетов) является серьезным посягательством на демократический политический режим всей страны, т. е. на основы конституционного строя России (ст. 1 Конституции РФ), на политические права граждан (ст. 32 Конституции РФ) и, в конечном счете, на суверенитет народа (ст. 3 Конституции РФ). За выборность глав муниципалитетов пыталась вступить Курганская областная Дума. Но Конституционный Суд РФ ее не поддержал [16].

Конституция РФ указывает, что государственные органы не должны вмешиваться в дела территориальной общины (ст. 12, ч. 1 ст. 131). Конституционный Суд РФ признал неконституционной практику участия государственных органов в формировании органов власти муниципальной общины [17]. Однако ФЗ № 131 игнорирует это положение в ч. 4 ст. 34. Ч. 5 ст. 37 ФЗ позволяет государственным органам участвовать в формировании конкурсной комиссии, которая проводит конкурс среди претендентов на должность кандидата в главы администрации муниципалитета и решает вопрос, кого представить в качестве такового представительному органу муниципалитета, а кого признать не прошедшим конкурс. Названное участие государственных органов в формировании органов власти муниципалитета облегчает формирование аппарата управления муниципалитета главой региона, что приводит к устранению самого местного самоуправления. ФЗ № 165 [6] еще более усилил влияние главы региона на назначение главы администрации муниципалитета. Если ранее указанная норма давала ему права формировать только $\frac{1}{3}$ конкурсной комиссии, то по новому закону он назначает половину членов конкурсной комиссии.

Ст. 74 ФЗ № 131 позволяет главе региона отрешать от должности главу муниципалитета или главу его администрации, что является явным вмешательством в дела муниципалитета и наделяет главу региона судебными функциями. Таким образом эта норма нарушает не только ст. 12 Конституции РФ, но и ст. 10 Консти-

туции РФ, закрепляющую разделение властей в организации государственного аппарата.

ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» 1995 г., в соответствии с Конституцией РФ, не допускал участия органов государственной власти (из должностных лиц) в процессе образования органов местного самоуправления или в назначении должностных лиц местного самоуправления (ч. 3 ст. 17).

ФЗ № 131 вводит возможность проведения двухступенчатых выборов органов власти муниципальных районов (п. 1 ч. 4 ст. 35). Это грубо нарушает Европейскую хартию о местном самоуправлении (ч. 2 ст. 3) и принцип демократизма (ст. 1 Конституции РФ). Местная бюрократия, исходящая из желания решать местные вопросы без участия населения, ухватила за предоставленную возможность и старается навязать всем сельским и городским поселениям отказ от прямых выборов представительных органов муниципальных районов [4. С. 264]. ФЗ № 165 [6] расширил эту практику. Он допустил возможность двухступенчатых выборов при формировании представительного органа городского округа с внутригородским делением на муниципальные районы (п. 1 ч. 5 ст. 35 ФЗ № 131). Это позволит окончательно подчинить городские поселения региональной бюрократии, которая будет производить отбор депутатов в городскую думу из удобных ей людей за спиной населения города.

ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» 1995 г. такого нарушения принципа выборов органов власти не допускал (ст. 15).

Ослабить влияние местного населения на представительный орган городского муниципалитета и превратить его в звено государственного механизма помог ФЗ «О внесении изменений в статью 35 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 20 марта 2011 г. № 38-ФЗ [18. С. 21], который запретил городам с населением более 30 тысяч человек осуществлять выборы депутатов в свой представительный орган по мажоритарной системе. Всем им предписано проводить выборы по смешанной системе. Крупные партии в России, способные провести своих представителей в городские советы, имеют централизованный характер. Главы их региональных отделений, как правило, контролируются главой региона. Через списки кандидатов от этих партий глава региона стремится заполнить городские представительные органы людьми, лояльными ему. Как известно, создание региональных и местных партий, которые могли бы представлять интересы небольших групп населения муниципалитетов, в России запрещено (ст. 9 ФЗ «О политических партиях» от 11 июня 2001 г., в ред. от 2 апреля 2012 г.) [19]. Руководство страны стремится к тому, чтобы и водопроводом и канализацией управляли в стране только представители «Единой России».

Неконституционный контроль государства над формированием органов местного самоуправления осуществляется сегодня через подконтрольные государству избирательные комиссии. ФЗ № 131 вопреки нормам Конституции (ч. 2 ст. 130) не относит формирование органов местного самоуправления к вопросам местного значения и не включает местные избирательные комиссии в состав муниципальных органов власти (ст. 39).

ФЗ № 131 не защищает местные общины от бюрократизации их органов власти. Можно было бы предоставить общине право решать на референдуме вопрос о структуре органов местного самоуправления. Такой референдум пытались провести активисты в г. Екатеринбурге [20. С. 10], когда областное руководство навязывало городу отказ от выборов главы администрации города. Но Закон запрещает ставить данный вопрос на референдум (за исключением вновь образованных муниципалитетов – ч. 5 ст. 34), поскольку он касается изменения Устава города. Как уже отмечалось, Закон запрещает выносить вопросы об изменении устава му-

ниципалитета на референдум (ч. 10 ст. 35 и ч. 3 ст. 44). Повсеместная бюрократизация органов муниципалитетов, отрыв их от населения является грубым нарушением конституционных норм: суверенитета народа (ч. 2 ст. 3 Конституции РФ), демократии (ст. 1) права населения на самоуправление (ст. 12), права самостоятельно решать вопросы местного значения (ч. 1 ст. 131). Местная и региональная бюрократия фактически присваивает себе власть на местах в России, нарушая ч. 4 ст. 3 Конституции РФ.

Конституционному Суду РФ легко было выносить решения против произвола органов власти субъектов Федерации, которые через свои законы ограничивали автономию органов местного самоуправления. В этом его поддерживал Президент РФ. Но Суд не осмеливается ограничить произвол федеральных органов власти, осуществляющих сегодня те же ограничения автономии общин в ФЗ № 131, который должен содержать только нормы-принципы, а по факту содержит нормы конкретного содержания.

8. ФЗ № 131 предусматривает ответственность только органов власти муниципалитетов за нарушение закона. Ответственность органов государственной власти за нарушение норм Конституции РФ о местном самоуправлении не предусмотрена. Это еще одна причина декларативности норм конституционного права. Подчас должностные лица государственных органов явно превышают свои должностные полномочия (в нарушение ст. 286 УК РФ), присваивая себе полномочия, принадлежащие органам местного самоуправления и населению муниципалитета, нарушают тем самым права граждан на местное самоуправление. Но наши следственные органы не рассматривают эти деяния как уголовные преступления.

ФЗ № 131 значительно урезал число обязанностей государства по обеспечению гарантий местного самоуправления по сравнению с ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» 1995 г. Государство отказалось обеспечивать гарантии осуществления предусмотренных Конституцией РФ и законами РФ обязанностей государства в области местного самоуправления (п. 3 ч. 1 ст. 4 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» 1995 г.), принимать федеральные и региональные программы развития местного самоуправления (п. 8 ч. 1 ст. 4 и п. 7 ч. 1 ст. 5 того же закона), обеспечивать федеральные и региональные гарантии финансовой самостоятельности местного самоуправления (п. 11 ч. 1 ст. 4 и п. 9 ч. 1 ст. 5 того же закона). Исчезла из нового ФЗ № 131 статья об обязанности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ создавать необходимые правовые, организационные, материально-финансовые условия для становления и развития местного самоуправления и оказывать содействие населению в осуществлении права на местное самоуправление (ст. 9 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» 1995 г.). Таким образом государство сняло с себя обязанность выступать гарантом местного самоуправления, закрепленную в ст. 12 Конституции РФ.

9. Наиболее эффективным средством устранения местного самоуправления во всем мире является лишение территориальных общин финансовой самостоятельности. Община, зависящая от «подачек» со стороны государства, не может быть автономной. Законодательство России (в первую очередь Налоговый и Бюджетный кодексы РФ) лишает общины финансовой автономии. Оно обеспечивает положение, при котором налоги, собираемые на территории общины, уходят в государственные бюджеты, а затем перераспределяются между муниципалитетами по воле государственной бюрократии [21]. Сегодня Налоговый кодекс РФ (Налоговый кодекс РФ. Часть Первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ в ред. от 30 июня 2013 г.) [22] относит к местным налогам земельный налог и налог на имущество физических лиц (ст. 15 НК РФ). За счет этих налогов муниципалитеты получают мизер-

ные суммы, не покрывающие и половины необходимых расходов местных общин. Как правило, государство создает для себя льготы и отказывается платить налог с земель, находящихся в его собственности (ст. 389, 395 НК РФ). В 2011 г. за счет местных налогов муниципалитеты получили 14 % дохода бюджета, в 2010 г. – 13 % [23. С. 2]. Бюджетный кодекс РФ (Бюджетный кодекс РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ в ред. от 14 июля 2013 г.) [24] предоставил субъектам Федерации по своему усмотрению устанавливать нормативы отчислений в бюджеты муниципалитетов (ст. 58 БК РФ). Все эти нормы не дают гарантий местного самоуправления, которых требует ст. 12 Конституции РФ. Наоборот, они ставят общины и их органы власти в полную зависимость от государственных органов. Органы власти общины вынуждены искать покровительства со стороны государственной бюрократии, чтобы получить назад собранные в общине деньги и сносно профинансировать необходимые расходы. Главы регионов легко расправляются с неугодными им главами муниципалитетов. Они не дают денег муниципалитету для оплаты самых необходимых расходов, а затем обвиняют главу муниципалитета в том, что он не подготовился к отопительному сезону, не закупил уголь или мазут, не оплатил поставки тепла или электричества генерирующей компании.

Облегчить расхищение муниципального имущества для местной и региональной бюрократии помогает ФЗ № 136 [25]. Он позволяет муниципалитетам не создавать контрольно-счетные комиссии, которые могли бы контролировать деятельность руководства муниципалитета.

ФЗ № 131 предусматривает меры «раскулачивания» богатых общин, которые даже при существующем порядке перераспределения налоговых поступлений в состоянии обеспечивать свою финансовую независимость. Он вводит так называемую «отрицательную» трансферту, в соответствии с которой регион имеет право отнять у богатого муниципалитета деньги, если доходы муниципалитета в два раза выше средних доходов других муниципалитетов региона на душу населения (ч. 5 ст. 60 и ч. 4 ст. 61). Все это явно нарушает конституционное требование к государству создавать гарантии для реализации местного самоуправления (ст. 12).

Некоторые исследователи считают, что ФЗ № 131 является актом контрреформ в организации местного самоуправления [4. С. 191, 263, 271, 303]. Действительно, ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» 1995 г. более соответствовал задаче реализации принципа свободы местных сообществ. Новый закон существенно ограничил права населения на местное самоуправление. Это соответствует общему тренду страны на возврат к бюрократическому типу государства и правовой системы.

Если бы Россия была демократическим государством, то развивать местное самоуправление можно было бы путем мобилизации населения на защиту своих прав. Но государственный аппарат боится своего населения и поддерживает некоторую самоуправляемость муниципалитетов с помощью административных мер, закрепленных в законодательстве. Метод координации, который должен действовать при самоуправлении населения, подменяется методом субординации, типичным для доконституционного государственного права [26. С. 4].

Итак, по мнению автора, в России действует немало норм федеральных законов, которые ограничивают свободу местного самоуправления и тем самым противоречат духу и букве Конституции РФ. В то же время приходится признать, что свободой населения мест на самоуправление, скорее всего, будет пользоваться местная и региональная бюрократия. Поэтому закон, ограничивая свободу населения, в какой-то степени защищает его от произвола этой бюрократии.

Литература

1. СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
2. СЗ РФ. – 1995. – № 35. – Ст. 3506.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. // СЗ РФ. – 2000. – № 50. – Ст. 4943.
4. Гельман В. и др. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. – СПб. : Норма, 2008.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 5. – Ст. 708; Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. // СЗ РФ. – 2000. – № 50. – Ст. 4943.
6. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: ФЗ от 23 июня 2014 № 165-ФЗ // СЗ РФ. – 2014. – № 26 (ч. I). – 30 июня. – Ст. 3371.
7. П. 5 установочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 5. – Ст. 708.
8. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева по делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. «О системе органов власти в Удмуртской Республике» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 5. – Ст. 708.
9. СЗ РФ. – 1998. – № 4. – Ст. 532.
10. Васильев В. И. Прямая демократия: опыт Калифорнии // Государство и право. – 1994. – № 1. – С. 119.
11. Защита прав местного самоуправления органами конституционного правосудия России. – Т. 1. – М. : ООО «Городец-издат», 2003.
12. П. 11 установочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 1 февраля 1996 года № 3-П по делу о проверке конституционности ряда положений Устава – Основного Закона Читинской области // СЗ РФ. – 1996. – № 7. – Ст. 700.
13. Городецкая Н. Депутаты принимают отставку мэра // Коммерсантъ. – 2009. – 4 марта. – С. 2.
14. Токвиль А., де. Демократия в Америке. – М. : Прогресс, 1992.
15. Ч. 1 ст. 8 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан РФ» от 12 июня 2002 г. 67-ФЗ (ред. от 7 мая 2013 г) // СЗ РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2002 г. № 26-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганской областной Думы о проверке конституционности п. 3 ст. 16 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2002. – № 4.
17. П. 5 установочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П // СЗ РФ. – 1998. – № 4. – Ст. 532.
18. Российская газета. – 2011. – 25 марта.
19. СЗ РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.
20. Лесовских И. В инициативе о проведении референдума обнаружены нарушения // Коммерсантъ-Урал. – 2010. – 9 сентября.
21. Выдрин И. В. Эволюция местного самоуправления в России: итоги, проблемы и перспективы // Муниципалитет: экономика и управление. – 2013. – № 1.
22. СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
23. Вислогузов В. Местные бюджеты сбалансировали сверху // Коммерсантъ. – 2012. – 24 апреля.
24. СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
25. О внесении изменений в ст. 26.3 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»: ФЗ от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ // Российская газета. – 2014. – 30 мая.
26. Денисов С. А. Исследование перехода от государственного доконституционного права к конституционному праву // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 11.

УДК 008

Суворов Дмитрий Владимирович

канд. культурологии, доцент факультета бизнеса
и управления НОУВПО Гуманитарный универ-
ситет (г. Екатеринбург)
E-mail: dmitrij_suvorov_60@mail.ru

Suvorov Dmitriy Vladimirovich

Candidate of Culturology,
Associate Professor at Business and Management
Department, Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**«ЗАВИСИМОЕ РАЗВИТИЕ»
И «НАВЯЗАННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ»**

**«DEPENDENT DEVELOPMENT»
AND «FORCIBLE
MODERNIZATION»**

Аннотация

Статья посвящена феномену «насиленной модернизации» и «зависимого развития». В работе рассматривается специфика содержания и системных закономерностей этого своеобразного типа «догоняющей модернизации», анализируются современные научные теории, изучающие и систематизирующие данный феномен (концепции Ф. Броделя, И. Валлерстайна, Р. Пребиша, Ф. Кардозу, Э. Фалетто, А. Г. Франка). В силу того, что элементы описанных типов «догоняющей модернизации» присущи большинству социумов «второго эшелона» мирового развития, идущих по пути «вторичной модернизации» (в том числе – России), изучение данной социокультурной закономерности является во многом матричной для понимания современных модернизационных процессов в целом.

Ключевые слова: «насиленная модернизация»; «зависимое развитие»; «мир-экономика»; «мир-система»; полупериферия; девелопменталистский подход; мини-системы; тотальность.

Abstract

The article focuses on the phenomena of «forcible modernization» and «dependent development». The paper considers the specific content and the systemic laws of this peculiar type of «catch-up modernization», analyzes modern scientific theories studying and systematizing this phenomenon (the concepts of F. Braudel, R. Wallerstein, Prebisch, F. Cardoso, E. Faletto, A. G. Frank). Some elements of «catch-up modernization» (the above-mentioned among them) are characteristic for the majority of «second echelon» societies in the world following the way of «secondary modernization» (including Russia), and the study of these socio-cultural patterns is, to a great extent, a matrix for understanding modern modernization processes as a whole.

Key words: «forcible modernization»; «dependent development»; «world economy»; «world-system»; the semi-periphery; developmentalists approach; mini system; totality.

История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков.

В. О. Ключевский

Разновидностью догоняющей модернизации можно считать концепцию **«зависимого развития»**, авторами которой являются Р. Пребиш, Т. Дос Сантос, Р. Марини, Ф. Кардозу, С. Фуртаду, Д. Сиера, А. Агиляр, С. Амина, У. Мелотти, Р. Ставенхаген, О. Фальс Борда, Э. Торрес Ривас, М. Каплан, Э. Фалетто и А. Г. Франк. Основой для данной концепции является мир-системный анализ, представленный прежде всего в трудах Ф. Броделя и И. Валлерстайна.

Ф. Бродель ввел понятие «мира-экономики» (l'économie-monde), подчеркивая при этом, что он имеет в виду вовсе не мировую экономику в целом. Такая экономика («рынок всего мира») возникла, по его мнению, совсем недавно. Каждый мир-экономика пространственно ограничен и довольно стабилен. Пространство мира-экономики делится на несколько зон, образующих иерархию. «Всякий мир-

экономика, – пишет Ф. Бродель, – есть складывание, сочетание связанных воедино зон, однако *на разных уровнях*. В пространстве обрисовываются *по меньшей мере* три ареала, три категории: узкий центр, второстепенные, довольно развитые области и в завершение всего огромные внешние окраины... Центр, так сказать, «сердце», соединяет все самое передовое и самое разнообразное, что только существует. Следующее звено располагает лишь частью таких преимуществ, хотя и пользуется какой-то их долей; это зона «блистательных вторых» (полупериферия). Громадная же периферия с ее редким населением представляет, напротив, архаичность, отставание, легкую возможность эксплуатации со стороны других» [6. С. 32].

В отличие от Ф. Броделя И. Валлерстайн ставит самые общие вопросы методологии исторического исследования. Он подвергает критике подход к истории, который именует девелопменталистским (от англ. development – развитие). Согласно этому взгляду, мир состоит из множества «обществ». И. Валлерстайн объясняет, почему «национальное государство» нельзя принимать за единицу истории. Сейчас весь мир образует один-единственный капиталистический мир-экономику. «Из этой предпосылки следует, что национальные государства являются *не* обществами, которые имеют отдельные, параллельные истории, а частями целого, отражающими это целое. В той степени, в какой стадии существуют, они существуют для системы как целого» [5. Р. 16]. Поэтому «такой вещи», как «национальное развитие», не существует, и «истинным объектом сравнения является мир-система» [3. Р. 4]. И это верно и по отношению к периоду до возникновения капиталистического мира-экономики. Существовавшие в предшествовавшие эпохи «племена», общины, так же как и нации-государства, не были тотальными системами [4. Р. 348]. «Мир-системная перспектива принимает по контрасту, что социальные действия происходят в объекте, внутри которого существует разделение труда, и стремится открыть *эмпирически*, унифицирован или не унифицирован такой объект политически или культурно, выяснить *теоретически*, каковы следствия существования или несуществования такого единства» [Там же. С. 349]. И если даже мы будем говорить о стадиях, то «это должны быть стадии социальных систем, т. е. тотальностей. А единственными тотальностями, которые существуют или исторически существовали, являются мини-системы и миры-системы, а в XIX и XX веках существовал и существует один единственный мир-система – капиталистический мир-экономика» [3. Р. 4–5].

По мысли Р. Пребиша, мировая капиталистическая система характеризуется жестким структурным разделением на центр (центры) и периферию. Периферию составляют регионы с хроническим запаздыванием в технологическом развитии и в развитии рынка, в связи с чем они находятся в зависимости от центра. Отношения зависимости, отмечает Пребиш, имеют много аспектов, но ключевым является аспект технологический: технологические инновации прежде апробируются в центрах, где они способствуют получению сверхприбыли, и лишь затем попадают на периферию. Вследствие запоздалого использования технических достижений «излишек» прибыли на периферии оказывается несопоставимо меньшим, чем в центрах. Но мало того, отставание в использовании технических достижений накладывается на отсталую структуру экономических укладов и отсталую социальную структуру, в которых значительное место занимают докапиталистические элементы. Отсталая социально-экономическая структура еще более затрудняет, стопорит процесс накопления, а также усугубляет несправедливый характер процесса распределения и еще более снижает его эффективность. Таким образом, «правила игры периферийного капитализма не позволяют устранить... его конфликтный характер, его противоречивость, усиливающуюся вследствие изменения соотношения сил в борьбе за власть между основными социальными слоями» [8. С. 50]. (Эта концепция отличается чрезмерно жестким «расписанием ролей»,

что, в свою очередь, унаследовано от отличающейся подобными же характеристиками мир-системной концепции Валлерстайна; Р. Инглегарт в своих работах показал, что глобальное разделение труда вовсе не замораживает статус периферийных стран [7. С. 51].)

Периферийное технологическое и социально-экономическое развитие имеет и свои (социально)-политические последствия, особенности которых Пребиш описывает и разъясняет следующим образом: «Процесс демократизации в центрах развернулся, когда уже была достигнута достаточно высокая степень накопления капитала. Между тем как на периферии демократизация началась до того, как накопление капитала стало отвечать требованиям развития. ...Демократизация здесь тесно переплетена с борьбой за участие в распределении плодов экономического развития и потому носит конфликтный характер...» [Там же. С. 203]. Выход из этого латиноамериканского цикла «демократия – авторитаризм» (опять инверсия!) Пребиш видит в «широкой демократизации» – трансформации всех отношений «центр – периферия» и выходе периферии на самостоятельное развитие. Ядро процесса трансформации должны составить меры по вмешательству государства в сложившийся процесс накопления и распределения при максимально возможном использовании рыночных сил. Именно тогда должны соединиться в нынешних странах третьего мира экономический и политический либерализм.

Идеи Р. Пребиша были дополнены и развиты Ф. Кардозу и Э. Фалетто, которые показали, что Латинская Америка не сталкивается с дилеммой «развитие или зависимость», но движется в русле «зависимого развития». *Зависимость* имеет два уровня: один проходит через классовую структуру общества, другой – через межгосударственную политику. *Развитие* также имеет два измерения: *экономическое* – создание динамичного внутреннего (неэкспортного) сектора экономики, способного породить самоподдерживающийся рост, а также смещение центра принятия решений, и *социальное* – переход от традиционного общества к современному [1. Р. 8]. Настоящая ситуация зависимого развития «позволяет продвигать развитие и, между тем, поддерживать и переопределять отношения зависимости» [Ibid. Р. 174]. В новой ситуации зависимого развития теряют значение популизм и национализм – эти столь мощные политические движения, формирующие и укрепляющие внутренний рынок и национальную экономику [Ibid. Р. 175]. Ключевыми как во внутренней, так и во внешней политике оказываются отношения между государством и капиталом.

Особняком в данной парадигме стоят взгляды А. Г. Франка. Объектом его критики становятся линейно-стадиальные концепции модернизации, главным образом теория стадий экономического роста У. Ростоу. Последний ставит знак равенства между традиционным обществом и недоразвитым: недоразвитость у него – это первоначальная стадия, с которой начинается развитие. Современные развитые страны, по Ростоу, в прошлом тоже были недоразвитыми. Но сейчас в мире, по Франку, нельзя найти ни одного общества, которое можно было бы отнести к традиционным. Развитые страны давно разрушили существовавшие до контакта с ними структуры всех прочих стран, будь они традиционными или какими-либо другими. Современные недоразвитые общества не представляют собой традиционных. Не относятся они и ко второй выделенной У. Ростоу стадии – переходной. Недоразвитость есть следствие эксплуатации ныне недоразвитых стран ныне развитыми странами. Поэтому последние никогда не были недоразвитыми (underdeveloped), они были в прошлом лишь неразвитыми (undeveloped). Недоразвитость не есть ни первоначальное, ни традиционное состояние. «На самом деле, – пишет А. Г. Франк, – экономическая и политическая экспансия Европы XV века привела к инкорпорации ныне недоразвитых стран в единый поток мировой исто-

рии, который одновременно породил нынешнюю развитость одних стран и неразвитость других» [2. Р. 41].

А. Г. Франк вынес своего рода резюме по проблеме концепции «зависимого развития»: «Новые поколения ученых из неразвитых стран, те, для кого эти проблемы наиболее важны и кто лучше всего способен справиться с ними, обратят на эти проблемы необходимое внимание и сделают понятными процессы развития и неразвитости. Эти люди должны поставить задачу изменить это неприемлемое положение дел, сокрушив эту презренную реальность. Они не смогут справиться с этими задачами, импортируя стерильные стереотипы, не соответствующие их экономической действительности и не отвечающие их политическим задачам освоения, из метрополии. Чтобы изменить реальность, они должны понять ее» [Ibidem].

Ко всему сказанному можно добавить и еще один штрих. К концепции «зависимого развития» (которое, при всей своей болезненности, является вполне реальным проводником процессов догоняющей модернизации) примыкает проблема, которую можно определить как **«навязанную (импортированную) модернизацию»**. Речь идет о прецедентах, когда догоняющая модернизация насильственно навязывается *извне*.

Этот момент явно противоречит распространенному взгляду, согласно которому чуждые ценности не могут прижиться на инородной почве. Мало того, что это противоречит диалоговому подходу в культурологии, но также хорошо известны конкретные культурные механизмы, по которым происходит обмен и взаимопроникновение (в том числе аксиологическое). Главное, историческая практика дает множество примеров, когда модернизационные ценности прямолинейно (и часто насильственно) навязывались тому или иному обществу – и впоследствии приживались и даже становились своего рода местной традицией (с собственными инерционностью и самореференцией).

Вот несколько широко известных примеров. Все без исключения колониальные акции европейских государств приводили к разного рода «европеизациям» («англизация» Индии, «галлизация» Индокитая и т. д.) – то, что в дальнейшем легло в основу концепции «бремени белого человека» (советский вариант – «прогрессивного значения добровольного присоединения имярек»). С. Хантингтон прямо констатировал: «Ее (демократии. – Д. С.) развитие в незападных обществах, за малыми исключениями вроде Турции, явилось в большой мере следствием западного влияния, западного колониализма или военной оккупации все теми же западными державами» [10. С. 5]. Самое пикантное, что эта концепция, в принципе, верна (с поправкой на все то, о чем писали создатели теории «зависимого развития») – модернизация колоний состоялась совершенно реально: достаточно вспомнить, как Индия переняла у колонизаторов и вот уже более полувека успешно применяет на практике типичную для британской политической традиции «вестминстерскую систему», является одной из немногих успешно действующих азиатских демократий...¹ Такой же насильственной модернизацией была и колонизация Соединенными Штатами Америки «Дикого Запада» (со всеми присущими этому типу модернизации издержками): показательно, что в современных США коренных американцев (т. е. индейцев) – в 4 раза больше, чем на момент начала колонизации! Причина – в тех оздоровительных (именно так!) мероприятиях, которые проводились в резервациях и которые могут быть охарактеризованы, вполне «по Солженицыну», как «сбережение народа» (прежде всего – вакцинация и другие гигиенические мероприятия, но также и образовательные проек-

¹ Сравнение побывавшей под колониальным игом (и *потому* сегодня динамично развивающейся) Индии и никогда не покорявшегося колонизаторам (и *потому* сегодня весьма проблематичного) Афганистана уже стало хрестоматийным.

ты и принудительное разоружение аборигенов, исключившие межплеменную резню). Разделы Первой Речи Посполитой были не только национальной трагедией поляков (это бесспорно), но и практикой успешной модернизации в государственно-юридической области (особенно в австрийской части бывшего союзного государства, о чем упоминал современный польский историк Я. Ю. Липский). Насильственной (крайне жестокой) модернизацией сопровождалось и покорение англичанами Шотландии (до этого столетиями пребывавшей в социально-экономическом застое: выражение «шотландский XVII век», с легкой руки Б. Шоу, стало нарицательным как синоним архаики). Своего рода пример континентального и даже мирового масштаба – наполеоновские походы: по точной констатации Е. Тарле, «отрицать очевидный и безусловный факт, что страшный разгром феодально-абсолютистской Европы Наполеоном имел положительное, прогрессивное историческое значение, было бы неправильно, недостойно сколько-нибудь серьезного ученого» [9. С. 8] (добавим: не только разгром, но и демонтаж феодализма и внедрение капиталистических норм посредством директивного введения на завоеванных землях Наполеоновского кодекса). Да и большинство европейских революций XIX века (особенно итальянская и испанские) возникали под непосредственным воздействием наполеоновской практики (по принципу «отложенного действия»). В XX веке наиболее широко известные и масштабные примеры – насильственная модернизация Германии и Японии после Второй мировой войны (в частности, демократические ценности в обеих этих странах были в самом буквальном смысле слова «принесены на штыках»). Такой вариант догоняющей модернизации крайне труден и чреват срывом (что иллюстрирует драматическая «дипломатия канонеров» США в исламском мире на рубеже XX–XXI вв.) – хотя бы потому, что отторжение модернизации здесь может проходить под флагом национально-освободительной борьбы; примеры тому история также поставляет в избытке: движение махдистов в Судане, джихады Дипо Негоро на Яве, Теуку Умара на Суматре и Абд-аль-Кадира в Алжире, Ихэтуаньское восстание в Китае, Индийское национальное восстание 1857 года (под лозунгом восстановления империи Великих Моголов), восстание Сая Санна в Бирме, антироссийский газават на Северном Кавказе под флагом мюридизма, Среднеазиатское восстание 1916 года и басмаческое движение (сюда же органично вписываются и современные трагические процессы на Северном Кавказе). Общеизвестно, что и антинаполеоновские освободительные движения в Европе не только объективно привели к победе Реставрации, но и сами во многом носили «антимодернистский» характер – это относится и к движению карбонариев (на начальной стадии), и к российскому крестьянскому сопротивлению 1812 года, и особенно к испанской Войне за независимость 1808–1813 гг. (а еще раньше – к гражданской войне в Вандее и Бретани в годы Великой французской революции)². Здесь срабатывает афористическая формула В. Гюго: насильственное освобождение может показаться поработленным новым поработением (причем совершенно не обязательно, чтобы «насильственные модернизаторы» были чужеземцами – в условиях социокультурного раскола за чужаков сойдут и соотечественники; такой прецедент можно наблюдать на примерах пугачевщины и большевизма). Во всяком случае, матрицы «зависимого» и «навязанного» развития можно считать самыми трудными, болезненными и рискованными формами догоняющей модернизации.

² Эта особенность испанских событий крайне драматично сказывалась на личных судьбах испанских сторонников модернизации: так, великий художник Ф. Гойя, воспевающий в своих картинах героизм участников Войны за независимость, будучи либералом, сам был сторонником наполеоновского ставленника короля Хосе I (Жозефа Бонапарта) – потому, что именно французы несли в Испанию необходимое и давно наболевшее обновление! Из-за этого Гойя по окончании войны имел большие неприятности от королевской власти Бурбонов и инквизиции.

Литература

1. Cardoso F., Faletto E. Dependency and Development in Latin America. – Berkeley, 1979.
2. Frank A. G. Sociology of Development and Underdevelopment of Sociology // Frank A. G. Latin America: Underdevelopment and Revolution. – N. Y., 1969.
3. Wallerstein I. The Rise and Future Demises of World Capitalist System: Concepts For Comparative Analysis // Wallerstein I. The Capitalist World-System. Essays. – Cambridge ; Paris, 1979.
4. Wallerstein I. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origin of European World-Economy in the Sixteenth Century. – N. Y., 1974.
5. Wallerstein I. World-System Perspective on the Social Sciences // Wallerstein I. The Capitalist World-System. Essays. – Cambridge ; Paris, 1979.
6. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. – Т. 3 : Время мира. – М., 1992.
7. Инглегарт Р. Модернизационные теории и традиционная культура // Общая тетрадь. Вестник МШПИ. – 2008. – № 4.
8. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? – М., 1992.
9. Тарле Е. Наполеон. – М. : Изд-во АН СССР, 1957.
10. Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 10.

УДК 321.7(470)

Андреева Елена Владимировна

канд. ист. наук, замдекана по инновационной и методической работе факультета социальной психологии, доцент кафедры «Реклама» факультета социальной психологии, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: lenaandreeva@e1.ru

Andreeva Elena Vladimirovna

Candidate of History, Deputy Dean on Innovations and Methodology, Faculty of Social Psychology, Associate Professor at Advertising Chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Выскребенцев Иван Сергеевич

студент факультета экономики и управления УрГУПС (г. Екатеринбург)

Vyskrebentsev Ivan Sergeyevich

Student of Business and Management Department, the Ural State University of Railway Transport (Ekaterinburg)

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО- МАНИПУЛЯТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

DEVELOPMENT OF INFORMATION- MANIPULATING DEMOCRACY IN RUSSIA

Аннотация

Методы политического манипулирования постоянно совершенствуются, их роль в современном российском обществе стала огромной. Для усиления воздействия на сознание и поведение масс политические элиты стали чаще прибегать к современным коммуникативным символаобразующим технологиям: рекламе, паблик рилейшнс, пропаганде через электронные СМИ. Для информационно-манипулятивной демократии характерно то, что человек не просто вынужден подчиниться информационному воздействию, но и превращается в марионетку с программируемыми желаниями, мыслями, оценками, реакциями. Скрытое управление обществом дает эффективные результаты для стабильного развития современного политического режима власти во многих странах мира.

Ключевые слова: манипулирование; информационное управление; демократический строй; «управляемая демократия»; ротация элит; «атомизация»; волатильность электората; рейтинги; медиакратия; выборы; политические мифы; политический астротурфинг.

Abstract

Political manipulation techniques continue to evolve and their role have become more critical in the present-day Russian society. To strengthen the impact on the human consciousness and behaviour, political elites resort more often to modern symbolic communication technologies: advertising, public relations, propaganda through the mass media. Information-manipulating democracy is characterized by processes turning people into marionettes with pre-programmed desires, thoughts, values, responses in addition to forced exposure to information. This secret society governance is effective for the stable development of contemporary powers and political regimes in many countries.

Keywords: manipulating; information governance; democratic social structure; «guided democracy»; rotation of elites; «atomization of society»; electoral volatility; ratings mediocracy; elections; political myths; astroturfing. elections; political myths; astroturfing.

Современные условия общественного развития России характеризуются постоянным усилением роли информационно-психологического противоборства в общественной жизни внутри страны. Все мы – свидетели и мишени различного масштаба и длительности информационных войн, реализуемых в форме информационно-психологических операций, целью которых является перераспределение власти и в конечном счете – ресурсов (материальных, интеллектуальных и т. п.).

В результате этих войн происходит разрушение структурированности общества, его «атомизация». Это способствует замене декларируемого для демократического общества социального управления через систему согласования и учета интересов основных социальных групп – социального партнерства на «информационное управление» – управление посредством манипулирования.

Авторы книги «Формирование масс» О. Карпухин и Э. Макаревич утверждают, что «анализ политической борьбы в современных демократических обществах показывает, что важнейшим ее средством, обеспечивающим напряженность, агрессивность, широту вовлеченности различных политических сил, обеспечивающих широкий резонанс общественности, стало манипулирование сознанием. Функцию манипулирования выполняют общественные связи, массовые коммуникации, выступающие в роли носителя информации» [1. С. 413].

Когда в России на рубеже 1980–1990-х гг. произошли революционные по масштабу политические и социальные изменения, превратившие ее в декларируемо демократическую рыночную страну, изменился механизм формирования властных элит. С этого времени главным способом для прихода к власти различных общественных сил и конкретных лиц, а также смены власти и ротации элит стали всеобщие, прямые, равные и тайные выборы. Основной причиной успеха общественного движения, партии или конкретного кандидата на выборах стал их рейтинг, т. е. популярность [2].

Политики постсоветской России изначально действовали в деидеологизированной среде, где после крушения коммунистического режима большинство избирателей, за исключением сравнительно небольшой части сторонников КПРФ, оказались вне какой-либо определенной идеологической традиции. Отсюда высокий уровень волатильности электората, свойственный первым избирательным кампаниям в постсоветской России. В условиях деидеологизации элит и основных сегментов избирателей, отсутствия массовой низовой политической активности всю необходимую работу по созданию и регистрации новых партий, а также по организации их избирательных кампаний могли выполнить только наемные профессионалы – политконсультанты и технологи. Многие «партийные проекты», инициируемые «сверху», молниеносно воплощались в жизнь, тем самым доказывая преимущества опоры на «административный ресурс» и профессионализм специалистов перед верой в силу самостоятельной гражданской активности масс. В таком контексте элитам трудно было устоять перед соблазном организовать по своему усмотрению и к своей выгоде все политическое пространство... В результате 2000-е годы стали временем целенаправленного и всеобъемлющего моделирования российской политической системы обосновавшимися в Кремле вчерашними пиарщиками олигархов. Возглавивший эту работу зам главы Администрации Президента В. Ю. Сурков так объяснил иностранным журналистам свою миссию: из-за необычного прошлого Россия вынуждена строить демократию собственным путем – сверху вниз. «Модель “снизу вверх” является идеалом, к которому мы все стремимся, – сказал он. – Но реальная жизнь намного сложнее» [3. С. 32].

«Сотни политологов безрезультатно спорят по поводу электорального поведения жителей России, пытаясь найти рациональное объяснение тем, нередко многочисленным, абсурдным предпочтениям, которые материализуются в ходе многоуровневых политических выборов и рейтингов популярности, включая высшие. Интерпретации подобного состояния общества многочисленны: от рассуждений о снижении “пассионарности” нации, ее генетической усталости и до известной фразы публициста Ю. Карякина: “Россия, ты одурела!”» [4. С. 108]. Поэтому и возникает необходимость анализа механизмов функционирования систем политической манипуляции в России.

По мнению С. Н. Пшизовой, вхождение политконсультантов и технологов в современную политику и выполнение ими значимых управленческих функций позволяет говорить об «управляемой демократии» как особой разновидности политического режима, легитимность которого достигается с помощью манипулирования общественными настроениями. В отличие от стран Запада, где работа таких специалистов, с одной стороны, ограничивается политической конкуренцией, в значительной мере регулируется законодательством и демократическими традициями, а с другой – привлекает к себе все более пристальное внимание исследователей, в России же, где их роль гораздо более существенна, политологи ими до недавнего времени не интересовались [3. С. 28, 29].

Проблема актуализировалась в контексте интенсивных трансформаций авторитарных режимов на протяжении последних десятилетий. «Посткоммунистический опыт показывает, – пишет исследователь, – что даже там, где с авторитарной монополией на государство было покончено, новые доминирующие демократические партии могут снова политизировать государство. Слабая оппозиция и, как следствие, определенность в исходе выборов позволяют таким партиям добиваться от государства ренты с минимальными ограничениями» [5. С. 173, 179]. Поэтому и возникает необходимость анализа современной политической системы, сложившейся в России.

Для того чтобы дальше рассматривать особенности формирования информационно-манипулятивной демократии в России, первоначально необходимо определиться с понятиями: что же такое информационно-манипулятивная демократия, иными словами «управляемая демократия»? Содержательное наполнение новых понятий пока еще не устоялось, хотя научное сообщество и проявляет стремление разграничить термины, определиться с их содержанием, концептуально выстроить систему понятий в целом.

Демократическая теория признает, что политика как социальное явление возникает из борьбы, в качестве базового и неустранимого факта и требует его оформления в политических институтах, формирующих систему легитимации социального конфликта, т. е. представительную демократию. Политическая борьба (в виде «демократической игры»), результат которой заранее неизвестен, составляет, таким образом, самую сущность демократических политических режимов.

«Управляемую демократию» от недемократических диктаторских режимов отличает то, что все необходимые демократические процедуры соблюдаются без избыточного применения принуждения, которое не является ни основным, ни даже существенным инструментом политики. Легитимность режима достигается с помощью манипулирования общественными настроениями, которое и выступает в качестве главного метода осуществления власти [3. С. 41].

Сегодня, с одной стороны, политические процессы становятся все более разнообразными и сложными, с другой – все сильнее искушение сделать их управляемыми. На наших глазах формируется представление о возможности осознанного воздействия на поведение политических акторов как с помощью локального применения управленческих технологий, так и с помощью широкой (вплоть до тотальной) целенаправленной организации политического пространства. Активно и повсеместно стали использоваться различные методы косвенного воздействия на политические процессы – от манипуляций массовым сознанием с помощью СМИ до институциональных преобразований [5. С. 173, 181].

Современные технологии манипуляции сознанием способны разрушить в «атомизированном» человеке знание, полученное от реального исторического опыта, заменить его знанием, которое искусственно сконструировано «режиссерами». В человеке складывается убеждение, что главное в жизни – видимость, да и сама его общественная жизнь – видимость, спектакль.

При этом историческое время превращается в совершенно новый тип времени – время спектакля, пассивного созерцания, и оторваться от него нельзя, так как перед глазами человека проходят образы гораздо более яркие, чем он видит в своей обычной реальной жизни в обычное историческое время. Как писал Ги Дебор, «конкретная жизнь деградирует до спекулятивного пространства» [6. С. 23].

Ценность этой технологии для власти в том, что человек, погруженный в спектакль, утрачивает способность к критическому анализу и выходит из режима диалога, он оказывается в социальной изоляции. Дебор уделяет особое внимание тому особому ощущению «псевдоциклического» времени, которое возникает у человека, наблюдающего политический спектакль. Время спектакля, в отличие от исторического времени, становится не общей ценностью, благодаря которой человек вместе с другими людьми осваивает мир, а разновидностью товара, который потребляется индивидуально в стандартных упаковках. Один «пакет» спектакля «стирает» другой. Как неоднократно повторяет теоретик современного западного общества К. Поппер в книге «Открытое общество и его враги», «история смысла не имеет!».

Общество спектакля – это «вечное настоящее». Как пишет Ги Дебор, «оно достигается посредством нескончаемой череды сообщений, которая идет по кругу от одной банальности к другой, но представленных с такой страстью, будто речь идет о важнейшем событии».

Подобное происходит с восприятием пространства: созерцатель спектакля «потребляет» его стандартные упаковки, сам оставаясь вне реальности и вне человеческих контактов. Режиссеры спектакля становятся абсолютными хозяевами воспоминаний человека, его устремлений и проектов.

Дебор отмечает и другое важное качество «общества спектакля»: «Обман без ответа; результатом его повторения становится исчезновение общественного мнения. Сначала оно оказывается неспособным заставить себя услышать, а затем, очень скоро, оказывается неспособным сформироваться» [6. С. 29].

Тем самым, по мнению Ги Дебора, мир спектакля лишается и осмысленности, внешней, находящейся за пределами его самого цели существования и развития: «Фундаментально тавтологический характер спектакля вытекает из того простого факта, что его средства представляют собой в то же время и его цель... Спектакль не стремится ни к чему иному, кроме себя самого» [Там же. С. 25].

Несомненно, процесс манипулирования, т. е. тайное принуждение, управление, присутствует при всяком взаимодействии между людьми. Политическое манипулирование – понятие, объемлющее рекламу, PR, вообще все средства, вырабатываемые у человека устойчивые социально-политические представления и побуждающие его к той или иной политической деятельности (в основном – к поддержке одних фигур и неприятию других). Политологи-макиавеллисты считают, что политика и есть искусство манипулирования людьми. Политическое манипулирование – это скрытое управление политическим сознанием и поведением людей с целью принудить их действовать или бездействовать в интересах манипуляторов, навязывание воли манипулятора манипулируемому в форме скрытого воздействия [2].

Для всякого манипулирования характерна некоторая закрытость, иллюзия, невидимый механизм, психологическое воздействие на сознание с целью формирования тех или иных убеждений или предпочтений. С. Кара-Мурза в книге «Манипуляция сознанием» приводит несколько определений манипуляции, сделанных различными учеными. По Г. Франке, это «психическое воздействие, которое производится тайно, а следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено». Как считает Г. Шиллер, «успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что всё происходящее естественно и неизбежно. Короче говоря,

для манипуляции требуется фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет ощущаться». Р. Борецкий пишет, что под пропагандистской манипуляцией следует понимать последовательно и целенаправленно осуществляемое управление массовым сознанием (а через него, в результате, – и поведением), обращенное преимущественно к иррациональной сфере восприятия, опирающееся на внушение и ставящее своей задачей предотвращение социальных конфликтов, или, короче, преднамеренное отклонение массового сознания от реальной действительности [2].

Современное общество синхронизирует ритмы отдельных социальных групп через массмедиа. Медиатизация основных институтов социального пространства – политики, экономики, социальной сферы, международных отношений – приводит к тому, что центром столкновения интересов влиятельных субъектов социального пространства становится медийная сфера, а формой взаимодействия последней с аудиторией и с активными участниками социального пространства – массовая коммуникация [7].

Ч. Райт четко определил функции массовых коммуникаций, когда они обеспечивают стабильность, выживание или модернизацию общества. Вот эти функции: 1) наблюдение за окружающей средой (новости); 2) коррелирование и интерпретация наблюдаемых явлений и рекомендации для реакции на них (редактирование и обсуждение); 3) социализация и передача культуры и ценностей новым членам общества; 4) развлечения. Функциональный анализ, делает вывод Ч. Райт, «сосредоточивает внимание на возможностях добиваться с помощью массовых коммуникаций как благотворных, так и вредных воздействий» [9].

Таким образом, предметы окружающего мира, быта, образ жизни людей, средства массовой коммуникации стали в западной цивилизации самым эффективным средством социального контроля. Западные исследователи отмечают, что «в будущем расширение власти и империй может происходить в результате не военных сражений, а в ходе борьбы за контроль над коммуникационной средой». Руководствуясь этим тезисом, важно всегда иметь в виду связь информационных процессов с конкретно-исторической средой, с общественными процессами.

Доминирующий образ социального времени создает телевидение. Во-первых, телевизионная аудитория в совокупности имеет самый высокий процент охвата населения страны. Во-вторых, телевидение более других средств массовой коммуникации ориентировано на категорию «настоящего», сиюминутное наблюдение за событием и его одновременное переживание. И наконец, в самой природе визуального образа, его стиливых особенностях, как отмечает В. В. Егоров, уже «заложена действенная энергия особого рода, способность вдохновлять и целеполагать зрителя» [8. С. 48–49].

Д. Гербнер и Л. Гросс в связи с этим указывали: «Телевидение – это средство социализации большинства с помощью стандартных ролей и поведения... его функцией является инкультурация» [9].

Телевидение – инструмент индустриально развитого общества, создающий массовую аудиторию со стандартным потребительским видением мира и образом жизни. Именно телевидение, как инструмент общественных связей, преобразует реальный мир в коммуникационный, а затем в мир символов. Те же Д. Гербнер и Л. Гросс отмечают: «Телевидение является новой (и единственной) культурой для тех, кто обращается к информации лишь тогда, когда она является развлечением... телевидение, флагман индустриальной массовой культуры, выступает соперником древних религий в качестве поставщика систематизированных символов – новостей и других развлечений, которые оживляют национальные и даже глобальные общинные чувства реальности и ценности» [Там же].

На протяжении прошлого столетия роль и значение СМИ в политике настолько выросли, что на рубеже веков западные исследователи стали писать о медиатизации политики. Осмысление же российскими исследователями отечественного политического опыта последних десятилетий нашло отражение в более радикальной версии теории медиатизации – концепции медиакратии. По мнению А. И. Соловьева, например, медиакратия представляет собой не что иное, как «особую форму исторической эволюции политического пространства и организации публичной власти, при которой СМИ, а также иные конструкторы массовых сообщений выступают ключевыми посредниками в системе представительства гражданских интересов и оказывают решающее влияние на принятие государственных решений» [3. С. 32].

Масштабное вторжение СМИ в политическое пространство произошло, конечно же, во многом за счет вытеснения с ключевых позиций других традиционных игроков. Прежде всего, в странах Европы пострадали политические партии, потерявшие свой статус основного посредника между гражданами и государством, политиками и избирателями. В постсоветской России, где не существовало партийно-политической структуры, основанной на социальных или идеологических размежеваниях, новая система создавалась уже в условиях доминирования массмедиа в политическом пространстве. Здесь средства массовой информации не было нужды замещать или вытеснять какие-либо авторитетные организации из политического сознания граждан. Место было свободно, и СМИ, прежде всего телевидение, выступили не просто важнейшим инструментом политической борьбы и каналом коммуникации между властью и обществом. Именно они поставляли символический материал – саму субстанцию, из которой лепилась будущая политическая система. Если партии на Западе сначала создавались в обществе, а потом получали отражение в СМИ в виде образов, то у нас последовательность была обратной: сначала создание образа в СМИ, а потом уже имидж, получивший поддержку зрителей, может обрести некое реальное воплощение. В этой системе коммуникаций именно рейтинги телеаудиторий, а не запросы избирателей (что совсем не одно и то же) являются естественными ограничителями творческой активности создателей политических конструкций [3. С. 33].

Власть, добываясь лояльности СМИ по отношению к себе, проводит и определенную политику. В России власть в середине 1990-х годов избрала такое средство воздействия на СМИ, как определенные льготы для прессы, прежде всего налоговые. В условиях проваливающихся реформ, неустойчивой социальной обстановки СМИ оказались лояльны к власти, они не стали в оппозицию, за исключением некоторых партийных изданий. А в ходе предвыборной президентской кампании 1996 г. средства массовой информации были мобилизованы на предвыборную борьбу в пользу одного кандидата и поставлены на защиту государственного строя от коммунистической угрозы. Из доклада Европейского института прессы (ЕИП), в котором подводились итоги предвыборной кампании 1996 г. в России, следует, что телевидение и пресса продемонстрировали поддержку существующему президенту, нарушая при этом закон о ведении предвыборной кампании [10. С. 77].

Целью политического манипулирования всегда было получение, реализация и сохранение власти. На современном этапе жизни российского общества эти цели достигаются путем выборов. Успех на выборах невозможен без значительной общественной поддержки. Следовательно, цели манипуляторов сводятся к формированию у избирателей определенного мнения и побуждению их поддержать на выборах данную социальную группу.

Манипулятор должен угадать социальное ожидание и предложить оптимальный образ кандидата или программу. Таким образом, в узком понимании политическое манипулирование – это теория и практика предвыборных технологий и ме-

тодика проведения избирательных кампаний (широкое понимание манипулирования выходит далеко за пределы избирательных кампаний). Стратегия получения власти требует решения таких тактических задач, как привлечение и удержание внимания, а также формирование благоприятного имиджа.

Выход на политическую сцену специалистов по политическому менеджменту напрямую связан с процессом профессионализации политики. На место сильно сократившихся в числе членов политических партий и добровольцев пришли наемные консультанты и эксперты. Сначала политологи, социологи, маркетологи, имиджмейкеры, PR-консультанты и другие стали обязательными участниками всякой избирательной кампании практически во всех странах, где проводятся выборы в органы власти. Потом началось расширение влияния политсоветников за пределы процесса выборов, вхождение их во властные структуры и вмешательство в ход принятия политических решений на постоянной основе. Сегодня это люди, которые не просто объясняют политикам или кандидатам на государственные должности, как себя вести, чтобы нравиться избирателям. Они помогают политике не только победить на выборах, но и удержаться у власти, а если потребует, уйти от ответственности за результаты своей деятельности. Они осуществляют мониторинг общественных настроений, обеспечивают спин-контроль, т. е. отслеживают формирование и функционирование имиджа политика или партии в средствах массовой информации. Они оказывают серьезное влияние на реализацию вырабатываемого с учетом их же рекомендаций курса. А иногда, как в России, пытаются режиссировать весь политический процесс, например иницируя создание новых политических партий, а затем «курируя» их [3. С. 28].

Согласно В. Амелину, политическое манипулирование предполагает следующие операции:

- внедрение в общественное сознание под видом объективной информации желательного для некоторой группы содержания;
- воздействие на болевые точки общественного сознания, возбуждающие страх, тревогу, ненависть и т. д.
- реализацию декларируемых и скрываемых замыслов, достижение которых манипулятор связывает с поддержкой общественным мнением своей позиции [2].

Отметим, что первый пункт относится к задачам, второй – к методам, третий – к целям политического манипулирования.

Для успешного решения задач и достижения целей существуют средства политического манипулирования, которые называются политическими технологиями (их ядро – избирательные методики, используемые в период предвыборных кампаний).

Средства политического манипулирования можно классифицировать по различным критериям: 1) по совместимости с действующим законодательством средства политического манипулирования разделяются на регламентируемые законом и выходящие за пределы правовых норм; 2) по способу воздействия – на прямые и скрытые; 3) по функции – на PR (поддержание связи с общественностью), агитацию (призыв к действию) и пр.; 4) по форме – на агитационные, экономические, административные и провокационные; 5) по содержательной направленности – на рекламу и антирекламу; 6) по уровню воздействия – на межличностные, групповые и массовые; 7) по информационным носителям – на печатные, электронные, наружные.

Немного подробнее рассмотрим такие *средства политического манипулирования*, как предвыборная агитация, политическая реклама и паблик рилейшнз (public relations, PR).

Предвыборная агитация. Согласно Федеральному закону «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»

предвыборная агитация – это «деятельность граждан Российской Федерации, кандидатов, избирательных объединений, избирательных блоков, общественных объединений, имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к участию в выборах, а также к голосованию за тех или иных кандидатов (списки кандидатов) или против них». Предвыборная агитация может проводиться через СМИ, путем проведения массовых мероприятий, путем выпуска различных (печатных, аудио-визуальных и др.) агитационных материалов и «в иных не запрещенных законом формах».

В качестве форм агитации, перечисленных в конкретных законах о выборах, могут выступать, например, проходящие на каналах организаций телерадиовещания публичные дебаты, дискуссии, «круглые столы», пресс-конференции, интервью, выступления, показ телеочерков, видеофильмов о зарегистрированном кандидате.

Предвыборной агитацией признается так называемая «скрытая» агитация, которая не содержит прямых призывов к голосованию за или против кандидата, списка кандидатов, но способ подачи информации, характер ее изложения, само содержание информации направлены на создание у избирателя положительного или отрицательного мнения о том или ином участнике избирательного процесса, соответствующего «образу» этого участника в глазах избирателей. На практике такая форма агитации наиболее трудно отграничивается от информирования избирателей. Так, в решении Большого жюри Союза журналистов России от 19 ноября 1999 г. были предложены следующие критерии квалификации соответствующей деятельности в качестве агитационной: 1) в выпусках аналитической программы допускалось смешение информации и комментария, а также отождествление мнений и версий с установленными фактами; 2) выпуск в эфир компрометирующей информации без принятия должных мер к ее проверке с обращением к объекту критики; 3) несоблюдение требования качественно равного изложения позиций обвинения и защиты; 4) проведение информационной кампании по целенаправленной дискредитации граждан и организаций и т. д.

Установленный в комментируемом пункте перечень действий, признаваемых предвыборной агитацией, не является закрытым, в связи с чем и иные действия в сфере информационного обеспечения выборов могут быть признаны предвыборной агитацией. Ряд таких действий прямо указан в комментируемом Федеральном законе (например, опубликование без соответствующих реквизитов результатов опроса общественного мнения) [11].

Уточнены понятия «предвыборная агитация» и «информационная деятельность». Для того чтобы отличить агитационную деятельность от иной информационной деятельности, в комментируемом Федеральном законе дан развернутый перечень действий, которые будут признаваться агитационными. Кроме того, установлено, что агитационный период начинается с момента выдвижения кандидатов (списка кандидатов) и, следовательно, кандидат, представители избирательного объединения (избирательного блока) могут заниматься агитационной деятельностью уже при сборе подписей. При этом в СМИ предвыборная агитация может проводиться только в последний месяц перед днем голосования. Установлено, что выборы, референдум и их результаты в период их проведения не могут быть объектом лотерей, тотализаторов (взаимных пари) и других основанных на риске игр [Там же].

В законе «О выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации» упоминается политическая реклама как одна из форм предвыборной агитации, а агитация выступает важнейшим этапом избирательной кампании. Но иногда реклама может распространяться отнюдь не только в период проведения избирательной кампании и в этом смысле агитацией не является.

В «Положении об информационных гарантиях в предвыборной агитации», утвержденном 29 октября 1993 г. Указом Президента Российской Федерации № 172 «Об информационных гарантиях для участников избирательной кампании 1993 года», политическая реклама определяется как «оплачиваемые кандидатом, избирательным объединением либо иным лицом, действующим в интересах кандидата, избирательного объединения, сообщения, материалы, побуждающие, призывающие граждан совершить предлагаемые действия». В «Инструкции о порядке предоставления эфирного времени на каналах государственных телерадиокомпаний кандидатам на должность Президента Российской Федерации, избирательным объединениям, инициативным группам избирателей и публикации агитационных предвыборных материалов в периодических печатных изданиях», утвержденной постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации № 86/716-11 от 5 апреля 1996 г., понятие политической рекламы трактуется иначе: «распространяемая участниками избирательного процесса через СМИ информация о кандидатах на должность Президента Российской Федерации с использованием средств и приемов, отличающих рекламные материалы от других видов и жанров информации (преобладание эмоционального воздействия над смысловым, броскость, лаконизм, повторяемость), с целью формирования общественного мнения как за, так и против тех или иных кандидатов».

Существует взгляд, согласно которому политическая реклама – это не только рекламные статьи или телевизионные ролики, а все действия, направленные на популяризацию имиджа данного товара-объекта и депопуляризацию имиджа товаров-конкурентов, внедрение в сознание людей определенной позитивной и негативной информации. В этом случае политическая реклама выступает понятием, объединяющим и агитацию, и PR, и другие элементы политического маркетинга. Мы будем рассматривать политическую рекламу как элемент политического манипулирования, а именно – как информацию, распространяемую «с целью формирования или поддержания интереса» к данному политическому лицу или идее.

После выборов в Государственную Думу 4 декабря 2011 г. был обнаружен всплеск гражданской активности, выражающийся в массовых митингах. Левада-Центром 16–19 марта 2012 г. был проведен опрос на репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1 633 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. На 11 декабря 2011 г. 32 % от общей выборки поддерживали акции протеста против «нарушений при организации и проведении выборов и фальсификации их результатов». То есть число поддерживающих превалировало над теми, кто не поддерживал данные мероприятия. Притом на вопрос «Как вы думаете, что побуждает людей выходить на такие акции протеста?» подавляющее большинство отвечало следующей смысловой категорией: «накопившееся недовольство положением дел в стране/политикой властей». На втором месте по частоте ответов был следующий: «стремление выразить свое возмущение фальсификацией выборов». Третий ранг занимает формулировка: «недовольство тем, что власть не считается с такими людьми, как они/основные решения в стране принимаются без их участия». Таким образом, видно, что социально-политическая активность находится на высоком уровне ввиду недовольства действиями политического аппарата [12. С. 138].

Парадокс нынешней ситуации состоит в том, что граждане, вышедшие на улицы после выборов парламента и президента, протестовали как раз против целенаправленного управления демократическими процессами. Главное требование протестующих – «За честные выборы!» – есть не что иное, как требование «определенности процедур при неопределенности результатов», а значит, недвусмысленный протест против так называемой управляемой демократии... Согласно почти единодушному мнению, к вспышке открытого возмущения привело объяв-

ление, сделанное В. В. Путиным 24 сентября 2011 г. на съезде «Единой России», о наличии между членами правящего тандема давней договоренности о дальнейшем распределении высших государственных должностей. Многие граждане почувствовали себя оскорбленными столь откровенным пренебрежением их гражданскими правами и выразили желание участвовать в определении дальнейшей судьбы страны через механизмы, предусмотренные конституцией. Однако благодаря массированному применению «административного ресурса» как перед выборами в декабре 2011 г. и в марте 2012 г., так и в ходе их, в частности в виде откровенных нарушений при голосовании, частично ставших достоянием гласности, реализовать свое законное желание, по мнению недовольных, им не позволили. Не в последнюю очередь результат кампании был обеспечен силами политконсультантов и политтехнологов, действовавших на всех уровнях: от района до кремлевской администрации [5. С. 171–172.]

Паблик рилейшнз (public relations, PR) – «система связей с общественностью, цель которой – деятельность по улучшению взаимоотношений между организацией и общественностью». В применении к политическому маркетингу это связь между партией (кандидатом) и ее (его) потенциальным электоратом. Задачи PR – формирование достойного имиджа, избежание вредных слухов, учет потребительских запросов. Одним из ключевых понятий здесь выступает брендинг, т. е. искусство создания и продвижения торговых марок с целью формирования долгосрочного предпочтения их. «Белый» PR в этом понимании – манипулятивные технологии, допустимые законом, «черный» – технологии, явно или неявно вступающие в конфликт с нормами права, но действующие эффективно и незаметно для большинства (хотя, например, А. Цуладзе считает, что PR всегда «белый», так как это всего лишь средство, а «белой» или «черной» может быть только цель). Теперь для обозначения «истинного», первоначального смысла PR даже иногда предпочитают использовать «незапятнанную» аббревиатуру РОС – «развитие общественных связей». По мнению В. Никонова, директора фонда «Политика», «пиара в собственном смысле этого слова в России еще не было. Классические связи с общественностью предполагают гармонизацию отношений между субъектами процесса, чего о российском пиаре не скажешь».

Общий смысл политического манипулирования – получить поддержку населения. Ясно, что вопрос заключается уже не в том, чтобы довести до людей свою программу и снискать одобрение, а в том, чтобы, изучив ожидания и предпочтения электората, подстроиться и создать нужный образ. Ведь население не знает, за кого в действительности оно голосует, – оно знает только агитационные заявления кандидата. Избиратель голосует не за человека, а за образ этого человека (мы знаем, что действительный и демонстративный образы могут довольно сильно отличаться), политический рынок – это не рынок товаров, а «рынок образов» (С. Кара-Мурза). Поэтому нередко кандидат на ту или иную должность старается не программу свою донести до людей, а, напротив, выстраивает ту программу, которая, по его мнению, в наибольшей степени отвечает ожиданиям избирателей. Цель манипулятора – создание политического мифа, говорит американский социолог Г. Лассуэлл. Для того чтобы политическое манипулирование достигало цели, манипуляторами проводится постоянное зондирование общественных мнений и представлений. «Большое внимание уделяется точному выяснению умонастроений конкретных групп населения, – пишут В. Лисичкин и Л. Шелепин. – Это позволяет вносить своевременные коррективы в пропаганду, устранять возникающие рассогласования официальной идеологии и общественного сознания» [13. С. 29].

Следует учитывать, что система политического манипулирования не ограничивается СМИ (точнее было бы использовать аббревиатуру СМИП – «средства массовой информации и пропаганды») и различными формами агитации, не ис-

черпывается предвыборными кампаниями. Какими бы «свободными» и «демократичными» ни пытались себя представить современные общества, они устойчивы, во многом благодаря развитой манипулятивной системе. Она включает в себя массовую культуру (вспомните сквозную идеологизированность кассовых американских боевиков, безумную популярность музыкальных кумиров, являющуюся идеальной предпосылкой для манипулирования), школу (мы знаем, что школа несет не только обучающую, но и воспитательную функцию, определяя моральные установки личности) и многое другое.

Все средства политического манипулирования основываются на создании и внедрении в массовое сознание социальных мифов, т. е. идей, утверждающих интересы манипуляторов и принимаемых большинством на веру, без серьезного осмысления. Э. Фромм доказывал, что политическое манипулирование лишает человека способности составить целостную картину мира, подменяет ее абстрактной мозаикой из тенденциозно связанных между собой фактов» [2].

По мнению М. Лернера, у человека «возникает полная мешанина понятий и никакой взаимосвязи событий. Единственная система, в которую он способен подставить отдельные факты, – это система стереотипов, уже сложившихся у него в голове. Это система, ориентированная, главным образом на соревнование и борьбу, где понятия добра и зла принимаются на веру» [Там же].

Наиболее ярким примером **политических манипуляций**, безусловно, являются выборы 1996 г. Б. Ельцин, имевший рейтинг 3 % до начала выборов, задействовал все имевшиеся в его распоряжении средства для победы. Было издано огромное количество указов, всем всё обещали, работал президентский «телефон доверия»... После окончания выборов действие указов было приостановлено. А. Лившиц довольно цинично заметил, что выполнить их просто нереально и они издавались не для того, чтобы выполняться! «Телефон доверия» тоже за ненадобностью отключили. Обман населения стали называть «новыми выборными технологиями» [16].

Источниками политического манипулирования могут выступать рейтинги политиков, компромат, выборы, распространение политических мифов.

Рейтинги политиков, составленные на основе социологических опросов, официально не считаются средством политического манипулирования. При этом достоверность рейтингов достаточно условна, сама их публикация, как пишет «Коммерсантъ-Власть», представляет собой эффективный инструмент предвыборной борьбы. Неважно, какое место занимает политик, важно само присутствие его в списке и то, что отношение к нему общества, действительное или мнимое, постоянно преподносится избирателю [2]. Периодически возникают споры о правомерности публикации рейтингов, но эти споры пока заканчиваются ничем.

Закон о выборах депутатов Госдумы жестко регламентирует правила публикации социологических опросов по электоральной тематике: при «опубликовании (обнародовании) результатов опросов общественного мнения, связанных с выборами, средства массовой информации обязаны указывать организацию, проводившую опрос, время его проведения, число опрошенных (выборку), метод сбора информации, точную формулировку вопроса, статистическую оценку возможной погрешности». Не нужно напоминать, что эти правила сегодня не соблюдаются. Между тем некоторые специалисты говорят, что характер собранных данных на 90 % зависит от методики проведения опроса («каков вопрос – таков ответ»). Авторы опросов создают искусственную ситуацию, которой в действительности не будет (кого-то из кандидатов «снимут с пробега», изменится расклад сил и т. д.) – соответствующими получаются и результаты.

Нередко рейтинги представляют собой не более чем измерение упоминаемости имен данных фигур в прессе. Поэтому обоснованным представляется утвер-

ждение, что «рейтинги» являются не столько отражением общественного мнения, сколько инструментом манипулирования [2].

Компрометирующая информация (**компромат**) может быть разного происхождения. Первый вид – находка тщательно скрываемой правды, второй – провокация, создание компрометирующей ситуации, третий – прямая ложь. Порочащий жертву вымысел вовсе не обязательно должен выглядеть достоверным – гораздо важнее, чтобы он затрагивал самые чувствительные струны в человеческой душе. Нередко бывает так, что субъекту компромата никто по-настоящему не верит, но рейтинг объекта компромата катастрофически падает. «Если уж врать, так врать нагло: в большую ложь охотнее верят, чем в малую», – писал А. Гитлер [Там же].

Средствами распространения компромата выступают как СМИ, так и различные листовки, а также «беспроводное радио» – слухи. Содержание компромата может быть различным: мнимая принадлежность конкурента к социальной или этнической группе, вызывающей неприятие электората, награбленные у народа богатства, связь с криминальным миром и т. д.

Член совета директоров центра политического консалтинга «Никколо М» Е. Егорова считает, что «компромат – очень слабая политическая технология, плохо работающая в политической кампании при условии грамотной работы с электоратом. Существуют определенные способы защиты от компромата: нанести превентивный удар, довести обвинение до абсурда или просто отмолчаться (ведь оправдывается тот, кто чувствует себя виноватым) [Там же].

Выборы особенно показательны для исследований политического манипулирования потому, что, во-первых, в период агитационных кампаний мобилизуются все манипулятивные ресурсы с целью побудить население к активной поддержке тех или иных сил, а во-вторых, в ходе выборов можно легко наблюдать результаты манипулятивных операций. Тем не менее политическое манипулирование отнюдь не ограничивается выборной практикой.

Манипуляция может быть успешной только при условии тотальности (всеохватности и непрерывности) и безальтернативности (отсутствия сколько-нибудь масштабных и действенных противоположных по направленности манипулятивных акций). Поэтому механизмы политического манипулирования постоянно действуют, совершенствуются, отлаживаются, чтобы в критические моменты (которые сегодня, как правило, совпадают с датами голосований по ключевым вопросам) сработать на полную мощность и привести к заданному результату. Один из важных элементов системы политического манипулирования – внедрение в массовое сознание нужных **социально-политических мифов**.

При помощи прессы, и особенно телевидения, власти ориентируют население на нужные социально-политические установки, контролируют противодействие, дают фактам нужную оценку, внедряют определенные ценности и идеалы. Перечислим несколько распространенных мифов [17].

1. Положительный имидж демократии вообще и конкретных демократов в частности. Пользуясь популярностью термина «демократия», манипуляторы подменили его значение и, пользуясь термином как прикрытием, оправдывали «демократией» любые действия, вплоть до явно антигосударственных действий и прямого насилия.

2. Представление о неприемлемости революционного пути смены режима. Манипуляторы преподносят демократические выборы как единственный легитимный способ влияния широких масс на власть, так как выборы уже давно находятся под контролем манипулятивной машины власти и угрозой для элиты быть не могут. Средства формирования данного мифа варьируются от примитивной агитации до массовых убийств (демонстративный расстрел защитников Верхов-

ного Совета в октябре 1993 года предстает не чисто карательной, но и манипулятивной акцией).

3. Представление о стабильности в стране и начавшемся экономическом развитии. СМИ акцентируют внимание на цифрах экономического роста, источник которых – правительство, и уже поэтому требуют критического подхода, и уведат взгляд от других фактов – продолжающегося развала производства, роста безработицы, инфляции и дороговизны, обнищания населения, ухудшения медобслуживания, образования и т. д.

Список подобных мифов можно продолжать... Путем создания, внедрения и постоянного поддержания социально-политических мифов власть контролирует массовое сознание, программирует оценки и поведение людей, вызывает по необходимости народное негодование или одобрение, создает врагов и друзей [2].

По данным исследования Центра социального прогнозирования и маркетинга, проведенного после президентских выборов 2004 г., в среднем 66 % российских граждан подвержены политической агитации. Можем сказать больше: в той или иной степени воздействию средств политического манипулирования подвержены все. Одна из причин этого – то, что мы живем во многом не в реальном, а в информационном, «виртуальном» мире и зависим от тех, кто стоит у информационного «штурвала» [18].

«СМИ отбирают большую часть информации и дезинформации, которыми мы пользуемся для оценки социально-политической действительности. Наше отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой или явлением, – писал известный социолог М. Паренти, – во многом определены теми, кто контролирует мир коммуникаций» [19].

Из материалов специальной информационно-аналитической комиссии правительства России за май 1995 г.: «Общественное мнение считает правдой то, что ему кажется правдой, является занимательным и сильно трогает его эмоции. И любые относительно непротиворечивые сведения, не совсем «топорно» поданные, с учетом вышеназванных простых условий всегда будут иметь больший эффект и общественный резонанс, чем самая настоящая, а потому пресная правда» [20].

В России происходит количественный рост средств и форм политического манипулирования, обусловленный освоением новых информационных технологий. Более профессиональным стал подход «пиарщиков» к своей деятельности: используются результаты исследований, осуществляется стратегическое планирование, ведется серьезная разработка рекламных обращений. Российские манипуляторы уже не копируют слепо опыт своих западных коллег и могут сами кое-чем удивить западных «бойцов невидимого фронта» [2].

По некоторым оценкам, российский рынок политических услуг начал активно формироваться примерно с 1994 г. (впрочем, еще в 1991 г. была создана Российская ассоциация по связям с общественностью). Теперь, когда этот рынок представлен множеством различных организаций, можно проводить его исследования. Так, если попробовать классифицировать существующие политконсалтинговые фирмы, то их можно разделить на «созидающие» и «разрушающие», т. е. на те, которые создают имидж клиента, и те, которые занимаются подавлением манипулятивной деятельности конкурентов. Можно также провести деление по территориальному охвату – на региональные, федеральные и международные.

В 1995 г. разрозненные организации, занимающиеся политическим консалтингом, объединились в Ассоциацию центров политического консультирования (АЦПК). Целью АЦПК стало формирование устойчивого рынка услуг политических консультантов, обеспечение правовой защиты данного вида деятельности, повышение профессионализма.

Действие политического манипулирования реализуется не столько в том, что люди голосуют за нужного кандидата, сколько в том, что население вообще воспринимает выборный институт как единственно легитимную и эффективную форму выражения народной воли, признает правила игры, установленные правящим режимом, даже если не признает легитимность самого режима. Выборы давно стали управляемым (пусть не без оговорок и исключений) процессом, и доверие населения к демократическим институтам, механизмам и ценностям – не что иное, как результат тотального и направленного манипулирования сознанием, существующего в России в легальной и активной форме уже более 15 лет [2].

Разумеется, в той или иной форме манипуляция сознанием существовала и существует практически в любой форме общественного устройства любой эпохи. Однако считаем нужным отметить, что именно в ходе перестройки и либерализации манипуляция общественным сознанием в России развилась и вышла на новые качественные уровни. Объяснить это можно тем, что в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в нашей стране была введена новая (выборная, представительская) форма государственного управления, которая предполагает принципиально новые отношения «население–власть». Как пишет Эдуард Попов, «легитимность власти стала формально определяться степенью расположения общественного мнения, степенью одобрения со стороны народного большинства властных полномочий того или иного кандидата. Отсюда у элиты возникла необходимость активнее прибегать к современным коммуникативным символообразующим технологиям: рекламе, паблик рилейшнс, пропаганде через электронные СМИ и др. – для усиления эффективности своего воздействия на сознание и поведение масс» [21. С. 58]. Другими словами, эффективная манипуляция стала необходима правящей элите как залог существования последней в актуальном качестве.

Средства политического манипулирования неизбежно будут совершенствоваться и развиваться с увеличивающимся ускорением. С одной стороны, это необходимо современному российскому политическому режиму как условие его относительно стабильного существования, с другой – это диктуется бурным научно-техническим прогрессом, когда возникают новые формы контроля за личностью и ее сознанием (даже такие на первый взгляд безобидные, как сотовые телефоны, кредитные карточки, ИНН, новые формы СМИ и т. д.). «Свобода слова для СМИ ограничивает человека в большей степени, чем несвобода физическая, – считает Н. Островский. – Она лишает его конституционного права на самостоятельное мышление. Мысль, оперирующая образами, определяемыми внешней по отношению к человеку средой, свободной, да и то относительно, может быть только при равном для ВСЕХ доступе ко ВСЕЙ информации, при том, что активным элементом в поиске информации и формы общения является сам человек, а не СМИ» [2].

Противостоять действию политического манипулирования становится все труднее. От манипулирования не свободен никто, так как среда обитания (и информационная в том числе) действует на всех, кто не защищен специальными средствами (у абсолютного большинства населения такой защиты нет). Фактически, в результате массовой атаки на сознание человека у него изменяются не только взгляды (изменить точку зрения можно не манипуляцией, а простым обманом), но и сам характер мышления.

Для информационно-манипулятивной демократии характерно то, что человек не просто вынужден подчиниться информационному воздействию, но и превращается в марионетку с программируемыми желаниями, мыслями, оценками, реакциями. Отличительная черта такого «информационного раба» заключается в том, что он не понимает, не видит, как им манипулируют, продолжает считать себя свободным и самостоятельным человеком, делающим осознанный выбор. Это не просто обман, не прямое принуждение, а скрытое управление, превращение

субъекта в объект, информационное насилие над внутренним миром, сознанием и волей человека.

С данным явлением в глобальном масштабе человечество еще не сталкивалось, и осмысление информационно-манипулятивной демократии представляет значительные трудности, так как предполагает взгляд со стороны. Если же данная форма разовьется в полной мере и станет глобальной, безальтернативной и всеохватной, то такой взгляд будет просто невозможен [2].

На настоящий момент политическая система России балансирует между «управляемой», но все же демократией, и несомненной недемократией, т. е. откровенным авторитаризмом.

Самым ярким выражением фальшивой стихийности, за которой скрывается стремление управлять низовой, т. е. базовой, активностью граждан, стал институт политического астротурфинга – практики привлечения наемных работников, которые имитируют массовую народную активность с целью влияния на общественное мнение и, таким образом, на принятие политических решений в согласии с «волей большинства». Такая псевдогражданская «демократия по найму» существует сегодня не только в форме оплаченных митингов и демонстраций, но и в виде так называемой пятой колонны Интернета – пользователей социальных сетей, которые за небольшое вознаграждение выступают за какую-либо политическую позицию или против нее. И если в странах с развитыми демократиями к таким действиям прибегают в основном крупные частные корпорации, то в России, например, этими дорогостоящими технологиями пользуются преимущественно власти [3. С. 40].

Хотелось бы присоединиться к точке зрения, описанной в статье «К вопросу сохранения и развития русской цивилизации»: «Центральным принципом жизнедеятельности в России должна стать справедливость, которая позволит создать особый тип демократии в нашей стране, где выборность будет неременной и неустранимой нормой, охватывающей парламент, партии, институт президентства, религиозную духовную власть. В результате власть будет принимать решения на основе компромиссов и согласований, происходящих между несколькими центрами влияния и силы» [22. С. 33].

Но реальная жизнь иная. Особенности формирования системы информационно-манипулятивной демократии в России стало то, что 1) политические элиты по своему усмотрению организуют все политическое пространство страны; 2) профессиональные политические консультанты и технологи осуществляют всеобъемлющее моделирование российской политической системы, постоянно опираясь на административный ресурс; 3) главными инструментами манипулирования общественными настроениями в последнее время выступают медиакратия и политический астротурфинг.

В науке существуют противоположные и неоднозначные мнения по данному вопросу. Так, одни полагают, что использование инноваций в демократической политической среде, безусловно, имеет только положительное значение для соответствующего политического режима, другие же выделяют в связи с этим ряд немаловажных отрицательных моментов по данному вопросу, которые заслуживают особого внимания.

Не стоит забывать и о том, что изменения в нашей политике, производимые с участием политтехнологов, происходят часто без видимой логики, нередко носят отнюдь не косметический характер и имеют весьма далеко идущие последствия.

Литература

1. Карпухин О., Макаревич Э. Формирование масс. – Калининград, 2001.
2. Авченко В. Теория и практика политических манипуляций в современной России [Электронный ресурс] // Пси-фактор : [сайт]. – URL: <http://psyfactor.org/polman2.htm>
3. Пшизова С.Н. Можно ли управлять демократией? – Ч. II // ПОЛИС. Политические исследования. – 2014. – № 1.
4. Покровский Н. В зеркале глобализации // Отечественные записки. – 2003.
5. Пшизова С. Н. Можно ли управлять демократией? – Ч. I // ПОЛИС. Политические исследования. – 2013. – № 6.
6. Дебор Г. Общество спектакля. – М., 2000.
7. Байдина В. С. «Прошное», «настоящее» и «будущее» россиян в структуре телевизионного образа социального времени // Медиаскоп. – 2012. – № 4.
8. Егоров В. В. Наглядные образы в формировании менталитета общества : дис. ... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 2003.
9. Луков В.А., Карпухин О.И., Макаревич Э.Ф. Социальный контроль масс [Электронный ресурс] // Libes.ru : электронная библиотека. – URL: <http://ibes.ru/163467.html>
10. Засурский И. Политика, деньги и пресса в современной России // Свободная мысль. – 1996. – № 10.
11. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Чупанова А. С. – URL: http://www.chupanov.narod.ru/Library/09/Comment_FZ_67_12.06.2002.doc
12. Зотова О. Ю. Социальные представления молодежи о современной политической власти в России // Макропсихологические аспекты безопасности России : колл. монография / Ю. П. Зинченко и др. – М., 2012.
13. Лисичкин В., Шелепин Л. Третья мировая (информационно-психологическая) война. – М., 2002.
14. Фромм Э. Бегство от свободы. – Минск, 1998.
15. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. – М., 1992.
16. Цуладзе А. М. Политические манипуляции, или Покорение толпы. – М., 1999.
17. Шестов Н. И. Социально-политический миф : теоретико-методологические проблемы : дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. – Саратов, 2002. – URL: <http://www.dslib.net/teoria-politiki/socialno-politicheskij-mif-teoretiko-metodologicheskie-problemy.html>
18. Леньков Р. В. Социальное прогнозирование и проектирование : учеб. пособие для бакалавров по направлениям подготовки 040100 «Социология», 080200 «Менеджмент». – М. : ЦСП и М, 2013.
19. Швидунова А. СМИ как субъект политического процесса и инструмент политических технологий. – URL: http://www.pr-club.com/pr_lib/pr_raboty/earlier/techn_13.htm
20. Почепцов Г. Г. Информационные войны. – URL: http://www.ligis.ru/librari_2/049/16.html
21. Попов Э. Российская политическая элита на рубеже XX–XXI вв. Конструирование социального порядка с помощью коммуникативных технологий. – Владивосток, 2001.
22. Новичков В. И. К вопросу сохранения и развития русской цивилизации // Человеческий капитал. – 2013. – № 9 (57).

|| Мир культуры:
субъекты, институты, практики

УДК 101

Бакеева Елена Васильевна

д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры
онтологии и теории познания,
УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург)
E-mail: elenabk2008@ya.ru

Bakeyeva Elena Vasilyevna

Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Full Professor at Ontology
and Epistemology Chair, Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ИДЕОЛОГИИ РЕЙТИНГА

ONTOLOGICAL CONTEXT OF RATING IDEOLOGY

Аннотация

Статья посвящена осмыслению феномена «идеологии рейтинга», играющего значительную роль в жизни современного человека. Существенное социальное и экзистенциальное влияние рейтинга на все сферы современного общества связывается в работе с основной онтологической установкой современной (неклассической) философии, разделяющей бытие и сущее. В качестве онтологического противовеса «власти рейтинга» утверждается действие выхода к бытийному истоку сущего, наделяющего абсолютным (событийным) смыслом любую систему относительных различий.

Ключевые слова: идеология рейтинга; бытие; сущее; метафизика; онтологический контекст; Н. Кузанский; М. Хайдеггер; Ж. Бодрийяр.

Abstract

The article is dedicated to comprehension of the «rating ideology» phenomenon, which plays an important role in the life of a modern person. Significant social and existential influence of the rating on all areas of modern society is connected in this work with the basic ontological conception of modern (non-classical) philosophy dividing 'being' and 'existing'. As ontological counter balance for «power of rating» there is considered exit to being source of existing which gives absolute (event-trigger) sense to any system of relative differences.

Keywords: rating ideology; being, existing; metaphysics; ontological context; N. Kuzanskiy; M. Heidegger; J. Baudrillard.

Всевозможные рейтинги давно уже стали частью жизни современного человека во всех ее аспектах – от повседневно-бытового (к примеру, делая покупки, трудно не вспомнить о том, что такой-то товар или продукт носит гордое имя «№ 1 в мире, в России и т. п.») до социально-политического и культурного (рейтинги самых влиятельных политиков, самых читаемых писателей и пр.). Вместе с тем следует отметить, что до сих пор отсутствовали сколько-нибудь внятные попытки философского (прежде всего – онтологического) осмысления как самого феномена рейтинга, так и того очевидного и все усиливающегося влияния, которое этот феномен оказывает на человека и общество. Между тем, как представляется, нужда в таком осмыслении назрела. В данной работе мы попытаемся ответить на вопрос: каковы онтологические условия (онтологический контекст), делающие возможным то влияние всевозможных рейтингов на умы наших современников, которое можно обозначить как «идеологию рейтинга»? При этом под онтологическим контекстом мы будем понимать явные или неявные онтологические установки, так или иначе отвечающие на вопрос: «что значит быть?» и определяющие собой целостное осмысление мира и человека.

Однако, прежде чем обратиться к самому феномену «власти рейтинга», следует указать на то, что можно говорить о двух принципиально разных типах ранжирования чего бы то ни было. Первый из них можно, пусть и с натяжкой, отнести к сфере объективных исследований, фиксирующих некие вполне измеримые (и, соб-

ственно, зачастую ценностно нейтральные) показатели. Так обстоит дело, например, с рейтингами самых богатых людей мира, ранжированием стран в соответствии с объемом национального ВВП и т. п. Второй же тип иерархического упорядочивания имеет отчетливо оценочную окраску и, тем самым, обладает способностью идеологического воздействия. Подобный идеологический смысл имеют даже такие «объективные» показатели, как «уровень жизни» или «качество образования», не говоря уже о попытках ранжирования, подобных вышеупомянутому «рейтингу влияния». Именно этот второй тип рейтинга и будет, прежде всего, объектом нашего интереса.

Итак, что представляет собой рейтинг в онтологическом плане? Самый общий ответ может звучать следующим образом: это иерархически выстроенный (в соответствии с неким оговоренным критерием) перечень так или иначе определенных вещей. Понятно, что «вещь» здесь понимается предельно широко – как сущее, или некая выделенная «единица бытия». Таким образом, задача нашего анализа конкретизируется в форме следующего вопроса: как должно трактоваться сущее и, соответственно, бытие, чтобы создание и распространение подобных перечней приобрело выраженную (социальную и экзистенциальную) значимость?

Отвечая на этот вопрос, попытаемся в первую очередь отсеять те смыслы понятия бытия, которые не отвечают обозначенным выше «условиям задачи». Пожалуй, можно утверждать, что сюда укладываются все варианты того, что на языке «постсовременной» философии именуется «метафизикой» или «онтологией». Так, понимание бытия как оформленности сущего на фоне добытийного хаоса, характерное для большинства подходов древнегреческой философии, обесмысливает саму идею сравнения тех или иных «вещей» в соответствии с каким-то одним искусственно выделенным (пусть и комплексным) критерием. Агональный характер греческой культуры, нередко подчеркиваемый в историко-культурных исследованиях, не имеет ничего общего с современной зачарованностью рейтингами. Говоря о состязательности древних культур, Й. Хейзинга замечает: «Добродетель, делающая вас достойным почестей, в архаическом обществе – не абстрактная идея нравственного совершенства, соответствующего заповеди высшей божественной власти. Понятие добродетели <...> еще прямо соответствует своему глагольному основанию <...>: быть к чему-то пригодным, быть в своем роде подлинным и совершенным. Так же обстоит дело и с греческим понятием... (арете), и со средне немецким *tugende*. Всякая вещь обладает своей... присущей ее натуре» [6. С. 73]. Иными словами, агон не носит того соотносительного характера, который присущ рейтингу: каждый участник состязания соревнуется не только и не столько с другим, сколько с собой, пытаясь достичь максимальной подлинности, т. е. в высшей степени соответствовать тому, что в платоновско-пифагорейской традиции именуется *идеей* той или иной вещи. Таким образом, расположение состязающихся по отношению друг к другу оказывается вторичным, на первом месте находится отношение участника агона к своей собственной добродетели-пригодности. Последняя – как «природа», «добродетель», «идея» или «сущность» (в данном контексте все эти понятия можно рассматривать как синонимы) – представляет собой онтологическую константу, не зависящую от степени своей реализованности в том или ином конкретном состязании. Соответственно, результаты этого состязания не затрагивают область *подлинного бытия*, к которой и относится добродетель-пригодность, а следовательно, и не могут иметь сколько-нибудь существенного онтологического значения.

Еще более явным образом этот разрыв между изменчивой областью сущего, доступной всевозможным сравнениям, и сферой истинного бытия, исключающей подобные операции, обозначается в средневековой христианской онтологии. Именно трансцендентность Бога-Творца как источника всего существующего тре-

бует предпочесть апофатический путь «Богопостижения» катафатическому, апофатика же предполагает не только отрицание тех или иных характеристик по отношению к своему «объекту», но и отчетливую интуицию совпадения в этом «объекте» всех мыслимых противоположностей, что делает невозможным выстраивание какой бы то ни было «системы различий». Показательно в этом смысле представление средневековых схоластов о так называемых «степенях совершенства», характеризующих различные категории сотворенных вещей. Будучи встроенной в единую иерархическую систему сотворенного мира, каждая вещь (опять же – в широком смысле) может обрести только ту «степень совершенства», которой она, так сказать, заранее наделена актом творения, но, обладая определенной свободой в соответствии с замыслом Творца, может от этого совершенства отступить: «...совершенство Вселенной требует, чтобы в вещах присутствовало неравенство, дабы осуществились все ступени совершенства. И одна ступень совершенства состоит в том, что некоторая вещь совершенна и не может выйти из своего совершенства; другая же ступень совершенства состоит в том, что некоторая вещь совершенна, но может из своего совершенства выйти» [1. С. 839–840]. Таким образом достигая той степени совершенства, которая предусмотрена замыслом о ней, вещь обретает тот же самый онтологический «вес» (достоинство), что и другая вещь, занимающая в общей иерархии мира более высокое место. В этом отношении камень, цветок, человек и ангел равны – ровно в той степени, в какой они соответствуют собственной степени совершенства. Иными словами, любое сравнение вещей в соответствии с неким искусственно выделенным критерием здесь, будучи возможным, не имеет особого смысла. Для сотворенной вещи на первом плане вновь, и еще более явным образом, нежели для вещей античного космоса, оказывается *сравнение с собой* – на пути к обретению искомого (но, парадоксальным образом, уже существующего – в Божественном замысле) совершенства. Не менее важно и то, что это сравнение с собой осуществляется не в опоре на внешние («объективные» или рассудочные) критерии, но силой иного, не рассудочного разума. Разрыв между соизмеримыми вещами и неизмеримым истоком их существования отчетливо обозначил уже на исходе средневековой эпохи Николай Кузанский: «...всякое разыскание состоит в более или менее трудном сравнивающем соразмерении. По этой причине бесконечное, как таковое, ускользая от всякой соразмерности, остается неизвестным» [3. С. 50]. Это «неизвестное», однако, все же постигается, но принципиально иным способом: «Поскольку максимум просто, больше которого абсолютно ничего не может быть, как бесконечная истина превышает всякую способность нашего понимания, мы постигаем его только через его непостижимость» [Там же. С. 54]. «Сравнивающее соразмерение», таким образом, остается навсегда заключенным в сфере «предположений», по выражению самого Кузанского, и не может соприкасаться с Истиной, исключаяющей какие бы то ни было сравнения. Отсюда понятно, что именно признание непостижимости бытия как истока всего сущего оставляет операцию сравнения, так сказать, на периферии мышления и существования: присутствие в глубине каждой вещи непознаваемого бытийного ядра делает эту операцию всегда и неизбежно *условной*, в то время как любой вариант «онтотеологии» выстраивается именно как попытка осмысления Безусловного и приобщения к нему.

Вышесказанное в полной мере можно отнести и к онтологии «объективной реальности», в разнообразных вариациях формирующейся в философии Нового времени. Последняя – в своем рационалистическом пафосе – также обращена прежде всего к безусловному основанию универсального разума, как бы это основание ни именовалось. Именно поэтому «сравнивающее соразмерение» здесь тоже не может оказаться главной функцией познающего разума – и в отношении вещей, рассматриваемых теперь в качестве частей «объективной реальности», и в

отношении себя самого. Так, методологическая программа Р. Декарта, направленная на выработку простых правил, позволяющих *каждому* «носителю» конечного разума обрести максимально доступное этому разуму знание, в общем-то, несовместима с самой идеей измерения «коэффициента интеллекта» и, соответственно, выстраивания обладателей этого «коэффициента» в рамках рейтинговой шкалы. Замысел Декарта в этом отношении вполне укладывается в общую задачу «онтотеологии»: обретение каждой вещью *собственной истины* (выступающей одновременно единой Истиной), каковая задача, собственно, предполагает не столько сравнение с другой вещью, сколько вышеупомянутое сравнение с собой – подлинным.

Резюмируя вышесказанное, можно сформулировать следующий тезис: признание существования сферы подлинного бытия, постигаемой разумом, в противовес рассудочному исчислению сферы всевозможных «кажимостей», несовместимо с идеологией рейтинга, не может выступать в качестве ее онтологического контекста. Таким образом, остается предположить, что перемещение рейтинга с периферии в центр внимания современного человека в качестве своего онтологического основания может иметь не утверждение, а, напротив, отрицание бытия как того, что «истинно есть». Иными словами, идеология рейтинга оказывается возможной только в контексте той трансформации философии, основным содержанием которой выступает т. н. «преодоление метафизики». М. Хайдеггер, выдвинувший задачу «деструкции всей предшествующей метафизики» в первой половине XX столетия, замечательно точным образом сформулировал положение, послужившее отправной точкой всей традиции неклассического, или «неметафизического», философствования: «*Спрошенное* подлежащего разработке вопроса есть бытие, то, что определяет сущее как сущее, то, в виду чего сущее, как бы оно ни осмыслялось, всегда уже понято. Бытие сущего само не “есть” сущее. Первый философский шаг в понимании проблемы бытия состоит в том, чтобы не *μυθόν τινα διηγεῖσθαι*, “не рассказывать истории”, т. е. определять сущее как сущее не через возведение к другому сущему в его истоках, как если бы бытие имело характер возможного сущего» [5. С. 21].

Этот отказ от утверждения того, что *бытие есть*, подвешивает, так сказать, сущее «в пустоте», если говорить о «вертикальном» измерении, оставляя нетронутым измерение «горизонтальное», иными словами, оставляя сущее «наедине» с другим сущим.

В отсутствие абсолютного (несравнимого) Образца «соразмеряющее сравнение» оказывается единственным способом самоидентификации любого сущего. Разумеется, это отсутствие (по Хайдеггеру) не означает самодостаточности сущего, но – прежде всего – невозможность *представить* бытие в виде «возможного сущего», сделать его объектом, – любая попытка подобного рода автоматически окажется очередной «рассказанной историей», или очередным вариантом метафизического удвоения мира. Таким образом, бытие как исток и основание сущего оказывается тем, что каждый раз ускользало от прямого взгляда, тем, что необходимо «нащупывать» косвенным образом, преодолевая состояние «забвения бытия». Отличие от «онтотеологии» заключается здесь именно в том, что человек (*Dasein*, или «присутствие», по Хайдеггеру) становится не столько местом соединения, сколько местом разрыва бытия и сущего. Он существует как бы в двух разных «регистрах», будучи не в состоянии избавиться ни от тоски по «отсутствующему бытию», ни от погруженности в область «только сущего». Именно эта погруженность и порождает необходимость «толков», по выражению Хайдеггера – речи, потерявшей связь с бытием, замыкающей сущее в себе самом. Мыслитель подчеркивает, что выявление и анализ этого «регистра» существования, обозначаемого как «повседневное бытие вот», не имеет характера морализирующего

осуждения: речь идет о неотъемлемой стороне человеческого бытия, избавление от которой означало бы отказ от человеческой конечности. Сама изначальная связь человеческого бытия с языком, позволяющим «удваивать» мир, уже предполагает не только возможность, но и неизбежность этого удвоения, отрывающего сущее от бытия: «В меру средней понятности, уже лежащей в проговариваемом при самовыговаривании языке, сообщаемая речь может быть широко понята без того, чтобы слушающий ввел себя в исходно понимающее бытие к о чем-речи. Люди не столько понимают сущее, о котором идет речь, сколько слышат уже лишь проговариваемое как такое» [5. С. 196]. Иными словами, само это «проговаривание» способствует тому, что бытийный исток сущего скрывается, и сущее оказывается предоставленным самому себе: «Речь, принадлежащая к сущностному бытийному устройству присутствия и тоже образующая его разомкнутость, имеет возможность стать толками и в этом качестве не столько держать бытие-в-мире открытым в членораздельной понятности, но замкнуть его и скрыть внутримирное сущее. Для этого не надо намерения обмануть. Толки не имеют образа бытия *сознательной выдачи* чего-то за что-то. Беспочвенной сказанности и далее-пересказанности довольно, чтобы размыкание исказилось до замыкания. Ибо сказанное сразу всегда понимается как “говорящее”, т. е. раскрывающее. Толки соответственно с порога, из-за свойственного им *упущения* возврата к почве того, о чем речь, суть замыкание» [Там же. С. 197].

Эта «пересказанность», или вторичность, представляющего мышления о сущем есть, таким образом, то, с чем приходится мириться, что необходимо, в свою очередь, понять и принять в свете двойственности человеческого бытия. Рейтинг в том смысле, в котором он определяется в нашей работе, выступает одним из примеров этой неизбежной вторичности. Иерархическое выстраивание тех или иных вещей осуществляется здесь всегда уже в опоре на заданный (внешним образом) критерий, а это, собственно, и означает, что вещь в этом случае всегда уже «пересказана», будучи не открытой в «сторону бытия», а замкнутой сферой «внутримирного сущего». В этом отношении постструктуралистские концепции, утверждающие симулятивную «природу» современной реальности, продолжают и развивают хайдеггеровский анализ «падения присутствия» и «забвения бытия». Показательным в этом смысле является творчество Ж. Бодрийяра, прежде всего – работа «Символический обмен и смерть», в которой осуществляется глубокое исследование самого процесса симулирования реальности. Последнее неизбежно ровно постольку, поскольку само осмысление мира осуществляется здесь в «регистре» отрыва сущего от своего бытийного истока, изначальной подмены этого истока неким образом, который предвосхищается в исходном вопросе, обращенном к миру сущего. Это *предзнание*, заключенное в вопросе, определяет собой и ответ, образуя, таким образом, замкнутую структуру (вос)производства симулякров: «Замкнутый круг “вопрос-ответ” воспроизводится во всех областях. Постепенно становится ясным, что под углом этого методологического подозрения должна быть пересмотрена вся область анкет, опросов, статистики. Но то же подозрение тяготеет и над этнологией; если только не считать туземцев совершенно природными существами, неспособными к симуляции, то здесь возникает та же проблема – невозможность получить на *наводящий* вопрос какой-либо ответ кроме *симулированного* (то есть воспроизводящего сам вопрос). Нет уверенности даже, что и наши вопросы, задаваемые растениям, животным, инертной материи в точных науках, имеют шансы на “объективный” ответ» [2. С. 140–141]. Рейтинг как частный случай подобной вопросно-ответной структуры отличается тем, что создатель рейтинга чаще всего обращает вопрос к самому себе, но сути дела это не меняет: сравнение вещей осуществляется в отрыве от их истока, а значит, не касается вещей *как таковых*.

Означает ли, однако, эта неизбежная симулятивность рейтинга полную его бессмысленность? Отвечая на этот вопрос, следует вспомнить о том неустранимом разрыве бытия и сущего, который характеризует неклассическую онтологию: подобные «горизонтальные» связи оказываются для субъекта этой онтологии (также находящегося под вопросом) единственной возможностью ориентации в мире, или, выражаясь языком Хайдеггера, в сфере «внутримирного сущего». Вместе с тем очень важно понять характер этой ориентации: последняя может осуществляться теперь только «на ощупь», в виде «набросков» реальности, играющих роль временных «подпорок» действий субъекта в неопределенном и меняющемся мире. Рейтинг – одна из таких «подпорок», которая может выполнить свою ориентирующую функцию только в том случае, если учитывается ее вторичная, симулятивная «природа», если не происходит гипостазирования этой вторичной реальности. Но этот учет возможен, в свою очередь, только при условии постоянного преодоления состояния «забвения бытия», постоянного возвращения к бытийному истоку сущего, который не может быть объективирован, он может быть «переоткрытым» только в акте этого возвращения. Именно это усилие, разрывающее завесу симулятивной реальности, выступает единственной защитой против власти этой реальности, в том числе и против тотальной власти рейтинга. В акте выхода к бытию обнаруживается/производится противоположный полюс неклассической онтологии – та самая вертикаль, которая теперь не утверждается в качестве существующей, но является формой (линией) этого бытийного акта. Именно осуществление этого акта мгновенно наделяет смыслом (всегда новым) всевозможные вторичные «системы различий», позволяет встроить эти системы (в том числе и всякого рода рейтинги) в Целое единственного (несравнимого) существования. Этот акт как «трансцендентная форма» (М. К. Мамардашвили) соединяет сущее с его истоком в конкретном (сингулярном) событии: «...сделанность опыта означает зависимость *здесь*, независимо от всего остального мира и вынута из всякой временной перспективы последовательности действия, *наиконкретно* (потому, собственно, и *время*), без опосредований, непосредственно, без причин, не во времени, но само есть время, стоячий момент, выделенный, но не делимый: *здесь* полностью произвести себя, а не сложиться во времени (т. е. не слагаемый потом смысл, а что-то другое). В этом смысле факт знания похож (по структуре) на другие факты личностного действия. Это факты, независимые от всего остального мира (все делается сейчас, здесь на месте устанавливаются законы всего мира), т. е. *точки индивидуации* – различимые мировые субстанциальные точки...» [4. С. 257–258].

Иными словами, только в этой парадоксальной «точке индивидуации» (совпадающей с вертикальной линией – как тут не вспомнить Кузанского) идеология рейтинга, являющаяся, как и всякая другая идеология, формой «ложного сознания» (К. Маркс), обретает адекватный (истинный) контекст.

Литература

1. Антология мировой философии. – Т. 1. – Ч. 2. – М., 1969.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М. : Добросвет, 2000.
3. Кузанский Н. Сочинения : в 2 т. – Т. 1. – М., 1979.
4. Мамардашвили М. К. Стрела познания. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
5. Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков : Фолио, 2003.
6. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. – М. : Айрис-пресс, 2003.

УДК 174:62-051

Игнатова Нина Юрьевна

д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры
гуманитарного образования
НТИ (филиал) УрФУ (Нижний Тагил)
E-mail: nina1316@yandex.ru

Ignatova Nina Ur'yevna

Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Full Professor at Humanities
Chair, NTI (UrFU Branch) (Nizhniy Tagil)

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОБРАЗ:
ВОЗМОЖНОСТИ
И ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
ЭКСПЕРИМЕНТОВ**

**OPPORTUNITIES
AND IMPLICATIONS
OF SOCIAL EXPERIMENTS**

Аннотация

Анализируются некоторые возможности и последствия проведения социальных экспериментов с человеческим образом. Описываются техники биовласти, технологии естественного отбора, биополитики. Экономическое развитие вызывает дифференциацию человеческих образов: паупер – пролетарий – заключенный концлагеря. Автор утверждает, что в любых социальных экспериментах человеческий образ выступает служебным понятием.

Ключевые слова: человеческий образ; биовласть; трансгуманизм; технологии естественного отбора; социальный эксперимент; образ жизни.

Abstract

The author analyzes some of possibilities and consequences of social experimentation with the human image. Techniques of biopower technology of natural selection, biopolitics are described. Economic development provokes the differentiation of human images: Pauper – Proletarian – Camp prisoner. The author argues that in any social experiments the human image appears as a service concept.

Keywords: human form; biopower; transhumanism; technology of natural selection; a social experiment; way of living.

Человек в социуме выстраивает свой образ в соответствии с существующими культурными нормами, эстетическими идеалами и нормативно значимыми антропологическими практиками. Человеческий образ трудно интегрировать в социальную систему, он просто не вмещается всеми своими гранями, сторонами в системный мир. Всегда остается то, что различными мыслителями рассматривается как следствие взаимодействия человека с трансцендентным. Тем не менее такие попытки неоднократно предпринимались и предпринимаются в настоящее время. Стремление интегрировать человеческий образ в социальное пространство можно назвать социальными экспериментами.

В подобных социальных экспериментах используются техники биовласти. Смысл понятия биовласть (М. Фуко) не устоялся, не обрел логической однозначности. Однако сейчас уже можно говорить, что его суть составляет способность социума нормировать и регулировать биологические отправления отдельных индивидуумов. Зарождение и развитие феномена биовласти происходит там и тогда, где и когда в социальной истории впервые появляется интерес к политическому использованию человеческого тела, где оно обособляется в роли индивидуализированного объекта надзора, тренировки, обучения и наказания. Биовласть в Античности воплотилась в культ тела и запрет на существование людей, чей внешний облик нарушал культурную норму. В период Средневековья биовласть принимает форму «власти над смертью».

В других случаях в социальных экспериментах используются технологии естественного отбора. К технологиям естественного отбора относят эндогамный и экзогамный браки, инцест, близкородственные браки, запрет на межрасовые браки. Достаточно давно были установлены генетические последствия близкородственного смешивания – наследственные заболевания, мутации и отклонения в человеческом образе, поэтому запрет на инцест постепенно закрепился в качестве сакральной нормы. Однако в Испании эпохи мавританского завоевания VIII–XIV вв. близкородственное смешивание использовалось сознательно. Суть эксперимента можно сформулировать как эндогамный запрет на брак между испанцами и маврами, а результатом считать особую бледность кожи и субтильность тела, которые трактовались как признаки аристократизма, «голубой крови». Эндогамные и экзогамные браки иногда интерпретируются как технологии сохранения «чистоты крови» (королевские дома Европы, сикхи в Пакистане, кшатрии в Индии и т. п.).

Современная Америка представляет собой пример гибридизации населения, появления новых, неизвестных ранее межрасовых гибридов. Запрет на межрасовые браки – острая проблема в Северной Америке на протяжении двухсот лет. Р. Фрэйер в исследовании «Тенденции межрасовых браков в XX веке» описал некоторые тенденции в брачных отношениях, существовавшие в Северной Америке [11]. В конце XVII века рабство в южных штатах США было заменено на так называемую «службу по договору». Чернокожий работник обязывался проработать на своего хозяина 4–7 лет без денежных выплат, только за еду и жилье. Это привело к тесному трудовому контакту белых и черных, иногда – к сожительству. В XVIII в. появились первые законы против расового смешения (*anti-miscegenation laws*), которые запрещали браки и любые сексуальные отношения между представителями белой и черной рас. Если смешанные браки с индейцами и латиноамериканцами не запрещались, то впоследствии были введены законы о недопущении рождения метисов от браков с китайцами, японцами и филиппинцами. В настоящий момент признано, что эти и подобные им социальные эксперименты представляют собой крайнюю сегрегацию и расизм.

В обычных условиях вне социального экспериментирования чужеродный генетический материал уничтожается, например с помощью эпидемий. Но если ситуация резко изменяется с точки зрения геохимии или образа жизни, то смешанные семьи со своим потомством получают более широкие возможности для выживания и приспособления к новым условиям. Речь идет о том, что пропорции человеческого тела определяются геохимическими показателями, количеством потребляемых микроэлементов, так же как и набор основных генетических отклонений. Большой нос – не обязательно генетический фактор, в некоторых случаях – это ландшафтный фактор. Ландшафт действует на отбор определенных человеческих типов не только через стандарты питания (количество животного протеина, время и порядок его использования, обыкновенная питьевая вода), но и через повышенное или пониженное атмосферное давление. Скажем, длина ног зависит сугубо от питания и занятий спортом. Обычно невысокие и худые японцы и китайцы становятся высокими и толстыми, если в детстве их кормят не морепродуктами с рисом, а мясом и хлебом. Биологи используют понятие «геопопуляция» – относительное обособление части народа в определенном ареале. Не существует единого биологического стандарта для какого-либо народа: евреи, немцы, русские состоят из нескольких геопопуляций.

Насколько применение принципов гуманистической этики способствует или препятствует сохранению человеческого образа? Культурная норма эпохи Античности, когда мать или родственники обязаны были убить мутировавших потомков, «не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку» (шестипалые дети, сиамские близнецы, дети с заячьей губой), сегодня отброшена либеральными установ-

ками. Врачи вынашивают детей – носителей практически любых субвитаальных мутаций. Как следствие, мутировавшие гены распространяются все шире и шире. Если Ф. Гальтон мечтал о евгенике как технологии улучшения наследственной конституции человека и устранения вредных наследственных признаков, то сегодня стерилизация носителей неблагоприятной и патологической наследственности, подбор супружеских пар некоторым кажутся недостаточно эффективными. Пришедшие им на смену технологии пренатальной и предимплантационной диагностики, генотерапии, клонирования потенциально более легко адаптируемы (в разной степени) к действующим системам ценностных приоритетов и этических нормативов.

Люди ведут разный образ жизни и вследствие этого обладают разным телесным образом. Греки открыли и закрепили связь между образом жизни и человеческим образом. Платон выделяет созерцательный образ жизни философа (*bios theoreticos*), жизнь для наслаждений (*bios apolausticos*), государственный образ жизни (*bios politicos*). Аристотель связывает между собой образ простой жизни с идеей блага. Отдельно Аристотель описывает жизнь, полную тягот, – это другой образ жизни и другой человеческий образ. Сегодня использование понятия *bios* в аристотелевском смысле, по крайней мере в европейской культуре, несет на себе отпечаток понятий, соотносимых с христианской трактовкой человеческого образа, – достоинство, порядочность, честь, справедливость. Значимым является отенок прекрасного, эстетическое восприятие формы человека, его тела. Поддерживаемое христианством представление о том, что у всех, по крайней мере христиан, единый человеческий образ спровоцировало появление концепций универсальности человеческой природы и способностей, единства законов истории, принципов экономического развития, технологической составляющей различных обществ и культур и утопические мечтания о справедливом обществе.

На протяжении тысяч лет люди в основном жили жизнью, полной тягот. В VIII–XIV вв. различия в образе жизни благородных и простецов в Европе были непринципиальными, противопоставление двух образов жизни воспринималось как редкое исключение [4. С. 142–167]. Промышленная революция все изменила. Возникли полюса бедности и богатства, вызвавшие дифференциацию человеческих образов. К. Поланьи показал, что в Англии в XVI–XVIII вв. прежде единый образ жизни членов церковной общины был уничтожен имущественным расслоением [6]. Община сопротивлялась, пытаясь сохранить прежние ценности и отношения обязательными отчислениями в пользу бедных соседей («Закон о бедных» 1536 г.). Моральные принципы гармонии и конфликта были втиснуты в схему, поражающую своей противоречивостью. Благие намерения привели к ужасающему результату: сформировался слой пауперов. Буквальное воплощение в жизнь библейских заповедей привело к экономическому упадку целых районов, поскольку отменило материальную заинтересованность неработающих людей. Как следствие, единый человеческий образ дифференцировался. Образ паупера оставил столь же глубокий след в общественном сознании, как и революция 1789 г. Этот образ всецело определял любые теоретические или политические дискуссии того времени, он стоял перед глазами Мальтуса, Рикардо, Спенсера, подстегивал фантазии Маркса, Оуэна, Прудона. Надежда уйти от ужасов пауперизма воплотилась в концепцию социального прогресса, как мечта о вечном совершенствовании выступила из кошмара повседневности и страданий. Отчаяние стало не менее сильным фактором трансформации общества, нежели технический прогресс.

Только отмена Закона о бедных в XIX в. обеспечила Англии бурный экономический подъем. На смену нищему и принципиально не работающему пауперу пришел *homo laborans* (человек работающий). Прежде единая социальная группа бедных людей распалась на социальных трутней – пауперов и трудящихся – про-

летариев. Образ униженного человека «на дне» сменился образом встающего с колен пролетария. Если пауперы – буквально отбросы общества, не помышляющие ни о чем, кроме «жизни на дармовщину», то работающий человек обладает честью и достоинством. Только источник этих чести и достоинства иной – не знатность происхождения, а самость и индивидуальные способности человека, его Я. Гордость аристократов крови сменяется гордостью аристократов духа. И на смену просто человеку спешит сверхчеловек. Ницше широко открыл двери для различных социальных экспериментов, и они не замедлили последовать.

Осуществление властью права на смерть сопровождалось массовыми бойнями на фронтах двух мировых войн, этническими чистками, лагерями смерти. Фуко показывает, что старый тезис военных «если ты хочешь жить, нужно чтобы другой умер» начинает функционировать совместимым с биовластью способом: «Чем больше низшие породы будут исчезать, чем больше аномальных индивидов будет исключено, тем меньше вырожденцев будет существовать в роду, тем больше я – не в качестве индивида, а в качестве рода – буду жить, буду сильным, буду бодрым, смогу размножаться» [9. С. 152].

Можно смело утверждать, что XX век – время безумных социальных экспериментов по массовому изменению человеческого образа. Эти эксперименты проводились в концлагерях, где человека делали частью живой биомассы. Достигалось это соблюдением некоторых правил: занятием бессмысленной работой, отдачей взаимоисключающих приказов, введением коллективной ответственности. Биомассой легко управлять, она не вызывает сочувствия, ее легче презирать, и она послушно пойдет на убой.

Концлагерь – отчетливый образ закамуфлированного ада, в котором живет множество народов. По мнению Сартра, нет никакого различия между нормальным режимом эксплуатации человека человеком и лагерным режимом. Возможно, именно этим объясняются современное увлечение хоррором и экстримом, пристальное внимание массовой культуры к «живым мертвецам» и зомби, – в них угадываются фигуры концлагерной жизни.

Большевизм и нацизм стали предельным выражением парадоксального синтеза суверенного права на убийство и биовласти над жизнью. Они не только провозгласили смерть других народов смыслом жизни своих граждан, но и свой народ поставили в экстремальную ситуацию постоянной опасности. Последняя в нацизме понималась как очистительная процедура преобразования немцев в подлинную расу господ, а в большевизме – как чистка общества от классовых врагов в условиях диктатуры пролетариата.

Когда человеческое достоинство ставится под вопрос, это вызывает почти что биологическое отстаивание принадлежности к человеческому роду, утверждали другие, пережившие концлагеря, писатели В. Шаламов, А. Солженицын, В. Франкл, Б. Беттельхейм. Поэтому закономерен вопрос французского писателя Р. Антельма: человек ли это все сделал? [3]. Р. Антельм делает вывод, что образ заключенного концлагеря вырастает из образа пролетария. Чем больше общество искусственно модулирует условия существования пролетариата, тем скорее оно придет к миллионам заключенных концлагеря. Цепочка образов «паупер – пролетарий – заключенный» – не трагическое отклонение от прямого маршрута человечества, а констатация условий, в которых мы живем.

Социальные эксперименты с человеческим образом остро поставили вопрос о гуманизме. Что бы нам ни говорили о гуманизме, нельзя забыть, что в XX веке образ человека был бесповоротно обезображен. «Отныне образ человека, – указывал Ж. П. Сартр, – неотъемлем от газовой камеры» [7. С. 78]. Палач мнит себя человеком, а все его жертвы являются недочеловеками. Это значит, что бесчеловечность человека заключена в так называемой человечности.

Р. Агамбен – тот автор, для которого важнейшей стала тема гуманизма в XXI в. Дифференциация человека на человеческое/нечеловеческое (бесчеловечное) так или иначе воплощается в политическом таким образом, что нечеловеческое становится врагом человеческого.

Идею биовласти Агамбен трактует следующим образом: у греков существовали два слова для обозначения жизни – *зоэ*, означавшим сам факт жизни, общий для всех живых существ (будь то животные, люди или боги), и *биос*, указывавшим на правильный способ или форму жизни индивида либо группы. Способ, или форма, жизни – это и есть ее природный образ, который воплощен в дихотомии «голового» и «одетого». «Голая» жизнь обладает в западной политике парадоксальной привилегией – на ее исключении люди основывают свое государство. Происходит вытеснение голого на периферию благополучия, противопоставление голого и одетого. Казалось бы, так и должно быть, но политическое раздирает самого человека на открытое (голое) и сокрытое (одетое). «Голое» становится врагом одетого человека, исключается из благополучной и счастливой жизни. Поскольку современный человек исключает из себя голую жизнь, он навсегда связан с ней, делает вывод Агамбен [2. С. 79].

Другим фактором, предопределившим расщепление прежде единого человеческого образа в XVII–XVIII вв., стали техники власти, ориентированные на индивидуальное тело. Фуко в книге «Надзирать и наказывать» перечисляет новые инструменты дисциплинирования, с помощью которых власть меняет индивидов, воздействуя на их образ. Это распределение индивидуальных тел в пространстве, в местах так называемой «дисциплинарной монотонности» – казармах, колледжах, мануфактурах, рабочих домах, тюрьмах; дрессура и муштра, призванные одновременно увеличить экономическую полезность тела и его политическую «послушность»; непрерывное наблюдение за человеком (принцип «паноптизма»); экзамен, позволяющий классифицировать индивидов и помещать их на различные иерархические уровни социальной структуры. Развитие капитализма не было бы возможно без дисциплинарного контроля, создавшего при помощи соответствующих техник необходимые ему «послушные тела».

В лекциях «Нужно защищать общество» Фуко отмечал, что все изученные им дисциплинарные техники XVIII–XIX вв. дополняются в XX в. совершенно новыми технологиями, совокупность которых он называет биополитикой. Суть биополитики можно свести к следующему: во-первых, объектом воздействия биовласти выступает не индивидуальное тело, а все население. Во-вторых, биополитика имеет дело с коллективными и серийными феноменами, поэтому Фуко использует слово «массифицирующая». В отличие от индивидуализирующей дисциплинарной власти, «анатомо-политики» человеческого тела, «массифицирующая» биополитика обращена к человеку как таковому, к множественности людей, составляющей «глобальную массу, подверженную общим процессам жизни, каковы рождение, смерть, воспроизводство, болезнь». В-третьих, основная задача биовласти – не изменение отдельных феноменов, а «оптимизация» жизни на глобальном уровне, изменение отношения к смерти. Следствием этого оказывается нечто вроде анимализации человека, осуществляемой посредством тончайших политических технологий. Вывод значителен: биополитика предельно расширяет границы человеческого образа и, одновременно, предельно сужает возможности человека самому определять свой образ. Биовласть в эпоху генных технологий, изменив форму, становится тотальной по существу. Она не противостоит конкретному индивиду и не поддерживает его, она окружает и пронизывает соматическое бытие в главном и в мелочах. «Государство рассекает тело», – восклицает Агамбен. Это и есть анимализация человека, которая реализуется посредством электронной кар-

тотеки, цифровых отпечатков пальцев и сетчатки, подкожной татуировки, встроенных чипов.

Непосредственным проявлением биополитики является «дисквалификация» смерти, превращение ее в табуированный объект. Теперь, когда власть берет на себя ответственность за жизнь в целом, смерть перестает быть феноменом, в котором эта власть может себя проявить. Больше нет публичности и пышности ритуального образа смерти язычников, смерть становится массовой и поэтому, с одной стороны, обретает характеристики банальности зла (Х. Арендт), а с другой – являет себя анонимно. По-прежнему смерть выступает предельным образом жизни. Эту предельность образа специально фиксируют бальзамированием, посмертными масками, раскрашиванием лиц, облачением в похоронную одежду. Смерть фиксирует момент ускользания от власти и распада жизненного образа, но обретения человеком посмертного образа.

В конце XX в. на волне критики антропоцентризма стало популярным новое мировоззрение – трансгуманизм. Ф. Фукуяма называет трансгуманизм «самой опасной в мире идеей» и потенциальным геноцидом. Речь идет об осмыслении техники как продолжения человеческого существа. Одна из разновидностей трансгуманизма предстает в виде футуристических построений о киборгах и прочих гибридных формах существования разумных существ или будущей эволюции человека через симбиоз с техникой (киберпанк). Действительно, человек окружен техническими протезами, без которых он уже не может существовать. Его память получает продолжение в различных технологиях записи и документации, органы чувств – в оптических и акустических приборах, не говоря уже о приборах, регистрирующих совершенно недоступную человеку информацию. Его руки получают продолжение в инструментах, ноги – в транспортных средствах. Таким образом человек погружается в технологическую среду и становится ее интегрированной частью. Технологическое расширение человека очень велико – от искусственных органов, клонирования до компьютеров. В своем самом радикальном и полуфантастическом виде техноинтеграция перерастает в фантазии технотел, разнообразных киборгов и т. д.

С другой стороны, речь идет о том, что человек является частью природы, которая лишь постепенно, эволюционно выделилась из нее и приобрела самосознание. Об этом когда-то много говорили немецкие романтики, в частности Ф. Шеллинг. Соответственно человек с такой позиции рассматривается не как нечто автономно-изолированное от природы, но лишь как часть большого органического мира. Это направление в последнее время приобрело характер так называемой «зоонтологии», снимающей радикальное онтологическое различие между человеком и животным. Представлено оно и в разных вариантах «экологической философии».

В ряде исследований зоопсихологов утверждается, что социальные трансформации человеческого образа фундируются частотой появления соответствующих генов. Особенности японского национального характера – эмоциональная сдержанность и стремление к ослаблению эмоциональной напряженности в межличностных контактах – обусловлены, вероятно, высокой частотой встречаемости одного из аллелей гена, контролирующего рецепцию серотонина. Сама же эта особенность японского генофонда имеет социокультурное объяснение – сильное давление отбора на интеграцию индивида в жесткую систему социальных связей. Западная (техногенная) цивилизация сочетает в себе черты другого культурного архетипа. Очевидно, и возникла она в результате столкновения и интеграции в единую биосоциальную систему земледельческих и пастушеских культур. Именно в результате этого могла возникнуть качественно новая адаптивная стратегия, которую можно назвать стратегией устойчивой экспансии. Сочетание консерва-

тивно-охранительных элементов земледельческой цивилизации с агрессивно-ассимиляторскими «культургенами» пастушеских племен сформировало систему социокультурного гомеостаза, основанную на согласовании противоположно действующих факторов. Логика отношений с иными племенами и средой обитания в целом оказалась инвариантом, обеспечивающим выживание западного человека в условиях, когда природные ресурсы и возможности самовосстановления биосферы еще значительно превосходят человеческие потребности. При этих условиях природные опасности и социальные риски преодолеваются в результате дальнейшего расширения и углубления познавательно-преобразовательной деятельности человека во времени и пространстве [5].

В начале XX века В. Зомбарт использовал аналогичные идеи в своем анализе генезиса буржуазно-капиталистической цивилизации. Человек Средневековья (XII–XIV вв.) не проявлял особой заинтересованности в накоплении денежных средств: сколько человек расходовал, столько он и должен был заприходовать. Произошедший в XV в. перелом, прежде всего во Флоренции и других областях Италии, был обусловлен, по мнению В. Зомбарта, не столько религиозными или экономическими трансформациями, т. е. действием социальной среды, сколько наличием биологической предрасположенности, «унаследованной от предков». Он полагал, что существуют личности двух типов: «предприниматели» – более приспособленные к капиталистической экономике люди, завоеватели по натуре, первооткрыватели, склонные к рискованным предприятиям; и «торгаши» («мещане»). Существование этих типов личности, как в индивидуальном, так и в групповом отношении, предопределено генетически и представлено двумя формами альтернативного поведения.

Эти два направления трансгуманизма порывают с прежним человеческим образом и предлагают два противоположных по своему пафосу вывода. Один вывод ведет к интеграции в «биосферу» (В. Вернадский). Человеческий образ расплывается до границ видимого космоса, человек превращается в некое звездное существо («вселенский человек» Р. Брэдбери, «люден» Стругацких). Философской основой такого взгляда служит пантеизм.

Другой вывод пытается радикально изъять человека из природы и поместить его в сферу тотально искусственного. Впрочем, эти два противоположных по своему духу направления смыкаются. Позиция биологического трансгуманизма внутренне противоречива. Человек мыслится в соотношении с некоей внешней силой, тотальной целостностью, природой или рациональностью. Описать отношения человека с этими сущностями можно, только заняв позицию внешнего наблюдателя по отношению и к этим сущностям, и к человеку. Однако как только мы начинаем обрисовывать положение человека, мы уже занимаем человеческую (гуманистическую) позицию. Технологический трансгуманизм не так противоречив. Мы не можем себе представить полного растворения человеческого образа в машине и наоборот. Между машиной и человеком всегда существуют сложные отношения, отношения нарушенного континуума, которые делают возможным своего рода параллакс, смещение угла зрения. Мы всегда видим машину смещенно через себя, как продолжение самих себя.

Напряжение между техникой и человеком, по мнению французского мыслителя середины XX века Ж. Симондона, необходимо для процесса взаимной детерминации, дополнительности (индивидуации). Симондон заметил, что между машиной и человеком должно быть отношение асимметрии, иначе либо машина станет рабом человека, либо человек рабом машины [8]. Симондон утверждал, что человек – незавершенное существо, и его образ может стать законченным только тогда, когда человек соединится с машиной.

Таким образом, будучи служебным понятием прежних эпох, позволяющим каждой из них выразить что-то особо значимое, человеческий образ в современную эпоху, вопреки мечтаниям просвещения и романтизма, сохранил свое служебное значение, став знаком размежевания богатства и бедности, превратился в цель и инструмент биовласти, в символ тотального закабаления человека техникой.

Литература

1. Агамбен Дж. Если государство рассекает твоё тело // ГЕФТЕР. – 2013. – 16 февраля. – URL: <http://gefter.ru/archive/7525> (дата обращения: 9.01.2014).
2. Агамбен Дж. Homo Sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. – М. : Изд-во «Европа», 2012.
3. Антельм Р. [Хлеб] Фрагмент книги «Род человеческий». – URL: https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Rober_Antelm_Hleb.txt (дата обращения: 21.06.2014).
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация. Экономика и капитализм. XV–XVIII вв. – М., 1986.
5. Козлов А. И. «Пища людей». – Фрязино : Век 2, 2005. – С. 149–163.
6. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / пер. с англ. Н. Васильева ; под общ. ред. С. Е. Федорова. – СПб. : Алетейя, 2002.
7. Сартр Ж. П. Тошнота. – М., 2003.
8. Симондон Ж. О способе существования технических объектов. – URL: <http://litbook.ru/article/266/> (дата обращения: 1.03.2014).
9. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. – М. : Ad Marginem, 1999. – Разд. 3 : Дисциплина.
10. Фуко М. Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж Франс в 1975/76 учебном году / пер. Е. А. Самарская. – СПб. : Наука, 2005.
11. Fryer R. G. Jr. Guess Who's Been Coming to Dinner? Trends in Interracial Marriage over the 20th Century // Journal of Economic Perspectives. – 2007. – Vol. 21(2). – P. 71–90. – URL: <https://www.aeaweb.org/articles.php?doi=10.1257/jep.21.2.71>

УДК 16

Болдыгин Геннадий Васильевич

канд. филос. наук, доцент
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Boldygin Gennadiy Vasil'evich

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**И. КАНТ О СПЕЦИФИКЕ
ТЕОРЕТИЧЕСКОГО
И ПРАКТИЧЕСКОГО ВИДОВ
ПОЗНАНИЯ (статья первая)**

**I. KANT ON THE NUANCES
OF THEORETICAL
AND PRACTICAL COGNITION
(Article One)**

Аннотация

Кант первым открыл, что *практические правила поведения* познаются иначе, чем познают свои предметы *науки теоретического познания*. Эта первая статья посвящена в основном воззрениям Канта на предметы практического и теоретического познания, которое он противопоставлял не эмпирическому познанию, но исключительно рациональному.

Ключевые слова: благоразумие; вещь; лицо; искусность; Кант; критика разума; мораль; познание; правила поведения; практика; практическое; природа; разум; рассудок; свобода; счастье; телеология; умение.

Abstract

Kant was the first to open the fact that there is a difference between the way *practical rules of conduct* are learned and the way *theoretical sciences* cognate their subject matters. This Article One is largely devoted to Kant's views on theoretical and practical cognitive subject matters; he opposed them not to empirical cognition but to rational knowledge only.

Keywords: prudence; the thing; face; ingenuity; Kant; critique of reason; morals; cognition; rules of conduct; practice; the practical; nature; reason; understanding; freedom; happiness; teleology; skill.

Данная статья продолжает публикации, посвященные воззрениям Канта на суть *практического* и *теоретического* видов познания, осознание специфики которых положило начало *критическому* периоду его творчества¹. В письме М. Герцу от 21 февраля 1772 г. Кант написал о замысле «предложить критику чистого разума, которая рассматривает природу и теоретического, и практического познания, поскольку оно есть чисто интеллектуальное. Сначала, – продолжает он, – я составлю первую часть этой критики, содержащую источники метафизики, ее метод и границы, а потом уже – чистые принципы морали. Что касается первой части, то я издам ее в течение трех ближайших месяцев» [18. С. 490]. Э. Кассирер, одним из первых обративший внимание на это письмо, утверждал: «То, что позже Кант назовет “революцией в способе мышления”, “коперниканским переворотом в проблеме познания”, здесь совершено» [20. С. 115].

Однако грандиозное сочинение под названием *Границы чувственности и разума*, первым разделом которого мыслилась *критика чистого разума*, так и не вышло в свет. Предполагаемый же раздел превратился в самостоятельное произведение, которое было опубликовано не по частям, а целиком и уже под именем собственным – «Критика чистого разума», но не через 3 месяца, а спустя 9 лет, в 1781 г. И почти вся она была посвящена *теоретическому* познанию. Исследованию *практического употребления разума* (этот оборот постепенно вытесняет словосочета-

¹ См.: Болдыгин Г. В. И. Кант о теоретическом и практическом видах познания // Вестник РУДН. – Серия : Философия. – 2012. – № 3. – С. 68–91; Болдыгин Г. В. Истина или польза? Избранное. LAP, Saarbrücken, 2013. – С. 58–96.

ние *практическое познание*) отдана одна только последняя глава книги – *Канон чистого разума*: «...этот канон будет касаться не спекулятивного, а *практического употребления разума*, к исследованию которого мы теперь и приступаем» [5. С. 1001]. Вместе с несколькими высказываниями из предыдущих разделов эта глава занимает чуть больше 60 страниц из 900.

Диспропорцию в освещении двух видов познания можно объяснить поспешностью, с какой Кант волевым решением оборвал работу над первой *Критикой*.

«Только страх, что смерть или старческая слабость может внезапно прервать его деятельность, – писал Кассирер, – заставили Канта придать, наконец, внешнее завершение его мыслям, которое он сам признавал предварительным и неудовлетворительным» [20. С. 120]. Вовсе не *Критика* была главным предметом его научных интересов. Она мыслилась Кантом лишь подготовительной работой, *пропедевтикой к метафизике*². И эта «пропедевтика» чуть ли не с самого начала работы над ней мешала его метафизическим построениям³.

Однако *критика разума* даже после издания посвященной ей книги не отпускает Канта. В 1783 г. выходят *Прологомены...* [9], значительная часть которых посвящена разъяснению основных положений *Критики*, ее понятий и терминов, которые, по признанию Канта, приводили его современников в шок [18. С. 506]. В 1785 г. издается *Основоположение к метафизике нравов* (далее *Основоположение*), а еще через год – *Метафизические начала естествознания*. Казалось, вся возможная подготовительная работа завершена и ничто уже не препятствует исполнению мечты – доработке и изданию *метафизики нравов*, а затем – и *метафизики природы*, создание которой Кант в 1781 г. считал «скорее развлечением, чем трудом» [6. С. 25], но которую завершить ему так и не удалось.

Однако уже в процессе написания *Основоположения* у Канта формируется идея *критики практического разума*. Он даже думал переработать *Основоположение*, дав ему другое имя. Правда, для этого, считал он, нужно *представить единство практического разума с разумом спекулятивным в некоем общем им принципе*. Но «до такой полноты», объяснял Кант, он «еще не мог здесь довести свое исследование... Вот почему я не воспользовался наименованием критики чистого практического разума, но озаглавил свою книгу “Основоположение к метафизике нравов”» [7. С. 53–55]. Кроме того, такая переработка требовала дополнительных размышлений и, конечно же, времени для их изложения, что отодвинуло бы издание давно лелеемой *метафизики нравов* на неопределенный срок. И все же работу над ней пришлось отложить.

Научная добросовестность не позволила Канту приступить к скорейшему изданию своей *доктрины*, не решив ряд вопросов, на которые, как он считал, обязана отвечать *критика чистого практического разума*. Он начинает переработку *Основоположения* в новый трактат под названием *Критика практического разума*, но не в качестве отдельной книги, а в виде составной части второго издания первой *Критики*, видимо для того, чтобы сгладить диспропорцию в освещении *теоретического* и *практического* видов познания. Но и этому плану не суждено было сбыться.

В ходе работы над новым трактатом у Канта возникает идея *Критики вкуса* – будущей *Критики способности суждения*, а вместе с ней и идея триптиха, со-

² «...Науку, которая пока только обсуждает чистый разум, его источники и границы, мы можем рассматривать как *пропедевтику* к системе чистого разума. Такая пропедевтика должна быть названа не *доктриной*, но *критикой чистого разума*» [5. С. 79, 39].

³ Уже за 8 лет до издания первой *Критики* Кант пишет Герцу: «С радостью думаю о том времени, когда закончу мою... критику чистого разума; тогда я перейду к метафизике, которая состоит только из двух частей: метафизики природы и метафизики нравственности; из этих двух я сначала опубликую последнюю, чему я радуюсь уже теперь» [18. С. 496].

стоящего из трех самостоятельных *Критик*⁴. Кант издает отдельной книгой вторую *Критику* и сразу же начинает работу над третьей, опубликованной в 1790 г. Предмет же его скромных честолюбивых устремлений – в подражание Х. Вольфу догматически изложить свою метафизику [5. С. 39] – воплотился лишь в трех небольших началах: *Метафизических началах естествознания*, *Метафизических началах права* и *Метафизических началах добродетели*. Два последних Начала, как мы знаем, объединились, хотя и не сразу, под общей обложкой с названием *Метафизика нравов* в 1797 г. Большую часть сил и творческой энергии забрала у Канта как раз *пропедевтика* к доктрине – трехчастная *критика чистого разума*.

Как в первой *Критике*, так и в двух последующих важнейшей темой был и оставался вопрос о сути теоретического и практического видов познания. Правда, от произведения к произведению взгляды Канта существенно уточнялись, а некоторые из них кардинально менялись. Можно даже сказать, что именно эти изменения во многом инициировали создание двух последних *Критик*. Не менялось только убеждение Канта, что предметы *практического познания* постигаются иначе, чем предметы познания *теоретического*. Но прежде, чем рассматривать воззрения Канта на специфику каждого из них, следует обратить внимание на термины *познание*, *практическое* и *теоретическое*.

В русском языке слово *познание* в единственном числе означает *приобретение знания*, во множественном же (*познания*) – совокупность *знаний*, а вовсе не деятельность по их добыванию⁵. Примерно так же обстоит дело с термином *Erkenntnis* (познания) и в немецком языке. Однако и в единственном числе этот термин (*Erkenntnis*) нередко означает *знание*, т. е. результат познавательной деятельности⁶. Именно в таком значении Кант использовал это слово чаще всего: задуманная им *критика разума* не ставила перед собой цель воспроизвести движение мысли от незнания к знанию, подобно *пробуждающейся статуе* Кондильяка или будущей гегелевской *Логике*. *Критика разума*, подчеркивал он, не *органон*, а *канон*. Ее задача – не отыскание универсальной интеллектуальной отмычки ко всем тайнам бытия, как надеялись методологи XVII и более поздних веков, а выявление области применения каждой познавательной способности, чтобы предохраняться от заблуждений, причина которых, по Канту, коренится в попытках использования этих способностей за границами их компетенций [Там же. С. 7].

Но, бывает, Кант использует слово *Erkenntnis* и в значении *деятельности* по приобретению знаний. В большинстве случаев тот или другой смысл, которые он вкладывает в термин *познание*, очевидны и лишь иногда нуждаются в дополнительных разъяснениях. Так, не требует особых пояснений смысл этого термина в *Основоположении*, где говорится, что «из всего практического познания моральные законы вместе с их принципами... существенно отличаются от всего прочего, что только заключает в себе хоть что-нибудь эмпирическое...» [7. С. 47]. Здесь *практическое познание* – это, конечно же, совокупность *знаний*. В пояснении нуждается значение термина *практическое*. Он, как показывает данное высказывание, отнюдь не был у Канта синонимом *морального*, как было принято считать в советском (да и не только в советском) кантоведении. Ответа требует вопрос: что

⁴ Об истории возникновения *Основоположения* и *Критики практического разума* см.: [21. С. 7–13].

⁵ Именно в таком значении, например, используется это слово в русском каноническом переводе библейской книги Екклесиаста, где говорится, что тот, «кто умножает познания, умножает скорбь» [Еккл. 1, 18].

⁶ Н. В. Мотрошилова в своем комментарии-эссе полагает, что даже в тех случаях, когда у Канта слово *Erkenntnis* означает не познавательную деятельность, а ее результат, оно несет *процессуально-динамические* характеристики, часто неуловимые при переводе его на русский язык [22. С. 723].

еще кроме *моральных законов и принципов* входит, по Канту, в состав (или является результатом) *практического познания*?

Против отождествления кантовских терминов *моральное* и *практическое* еще в 1970-х настаивали знатоки и издатели кантовских текстов Г. Праусс (G. Prauss) и Н. Хинске (N. Hinske). Праусс во *Введении* в издаваемый им сборник, посвященный кантовской *теории познания и действия* (*Theorie von Erkennen und Handeln*), утверждал, что помимо теории *специфически-морального действия* Кант собирался создать еще и теорию *действующего в материальной действительности человека*, но не довел до конца ее *систематическую разработку* [26. С. 19]. Несколькими годами позже Н. Хинске писал, что во время работы над первой *Критикой* и в *Основоположении* Кант разграничивал три *самостоятельные формы практики*, в основании которых лежат *три основные формы действия*, различающиеся своими *правилами, целями и интересами* [25. С. 88].

В период интенсивной работы над первой *Критикой*, когда проблемы *практического познания* занимали Канта не меньше, чем проблемы познания *теоретического*, он в черновиках 1778–1780 гг. записывал: «Моральное принуждение всегда практично, но не всякое практическое принуждение морально» [11. С. 159]. Юридический латинизм *Necessitation* (*принуждение*) Кант в этот период использует для обозначения побудительных причин поступков, разделяя волю, иницирующую различные действия людей, на *чувственно-животную* (*brutum*), или *патологическую*, и на *разумно-свободную* (*liberum*), или *практическую*. Соответственно этому разделению «принуждение бывает либо патологическим, либо практическим» [Там же]⁷. Термин *практическое* оказывается если и не синонимом *разумного* и *свободного*, то их воплощением, их третьей ипостасью, поэтому *свобода* и *принуждение* здесь – отнюдь не антонимы. Кант понимает под *свободой* независимость наших действий от чувственных побуждений и, следовательно, их зависимость от *разума*: «Человек может принуждаться чувственностью действовать наперекор интеллектуальности, но он может принуждаться и интеллектуальностью действовать наперекор чувственности» [Там же. С. 158].

Практические (т. е. свободные и разумные) действия людей Кант подразделяет на *geschickte* (*искусные, умелые*), *kluge* (*умные, благоразумные*) и *weise* (*мудрые*). *Принуждения* к ним он называет *императивами*, а *искусность* (*Geschicklichkeit*), *благоразумие* (*Klugheit*) и *мудрость* (*Weisheit*) – *средствами познания*, которые он вовсе не противопоставляет *рассудку* как самостоятельные познавательные способности [Там же. С. 159]. Все три вида *практических принуждений*, по Канту, постигаются одной познавательной способностью – *рассудком*, который осмысляет свободные *поступки* людей через призму категорий *цель* и *средство*, совершенно непригодных, как мы знаем из *Критик*, для познания *предметов опыта*, осмысляемых через призму категорий *причина* и *действие*.

Студенты, слушавшие в те же годы (1775–1780) вводную лекцию Канта к курсу этики (далее – *Лекция*), записывали в свои конспекты его суждения о том, что *философия* бывает *теоретической* и *практической*, что в основании этого различия лежат разные *объекты*, что объект первой – это *познание*, а объект *практической философии* – *поведение*, точнее – *свободные действия и свободное поведение*, а еще точнее – *объективные правила свободного поведения*, каждое из которых *говорит, что должно произойти, хотя бы оно никогда не происходило* [24. С. 2–3]⁸. Далее давалась классификация *правил свободного поведения*⁹. «Практических

⁷ Трактовка *практического* как олицетворение разумной, а потому свободной воли (*arbitrium liberum*) и противопоставление ее патологической, *животной* воле (*arbitrium brutum*) сохраняется и в *Критике* [5. С. 1007].

⁸ В период работы над «Критикой чистого разума» Кант читал курс этики, структура и основные положения которого, по правилам того времени, определялись получившими признание рабо-

правил (*praktische Regeln*), которые говорят, что должно произойти, три рода: правила умения (*Geschicklichkeit*), правила благоразумия (*Klugheit*) и правила нравственности (*Sittlichkeit*)» [24. С. 4]. Здесь, как и в набросках к *Критике*, говорится о *трех родах императивов – императивах умения, благоразумия и нравственности*. Два последних называются также *прагматическими и моральными*¹⁰.

Правила искусства (умения), которые позже становятся *техническими императивами*, регулируют поведение человека с *вещами*, под которыми подразумеваются и геометрические фигуры, и неодушевленные предметы, и люди, когда они становятся объектом приложения, например, врачебного или отравительского умения¹¹. Одним и тем же русским словом *вещь* переводят два совершенно разных термина – *Sache* и *Ding*, которые и в немецком языке часто синонимы. Однако, когда речь идет о *вещи* как объекте права, употребляется термин *Sache*, который применим даже к человеку, если он, например, раб¹². Кант при обсуждении морально-правовых проблем никогда не использует термин *Ding* для обозначения *вещи*, но исключительно *Sache* как оппозицию юридическому латинизму *Person* (*лицо*), а иногда – производному от него немецкому слову *Personlichkeit* (*личность*).

Прагматические и моральные императивы диктуют правила поведения с *лицами*, а поэтому обязаны считаться с их собственными разумными целями. Кант видит в правилах умения *полезнейшее средство* для осуществления прагматических и моральных целей, но не включает их в состав *практической философии*: «Практическая философия содержит не правила умения, но правила благоразумия и нравственности. Она, таким образом, есть прагматическая и моральная философия: прагматическая в отношении правил благоразумия, а моральная – в отношении правил нравственности» [Там же. С. 5].

Кант оставляет *правила умения* за границами *практической философии* вовсе не потому, что видит в них некое подобие животных инстинктов, исключающих свободу выбора: следовать этим правилам или нет, а значит, не считает их *практическими* и *разумными*. Основанием для обособления *технических императивов* от двух других Кант называет в *Лекциях* их многочисленность и их *гипотетический* (условный) характер, их необязательность для всех и каждого, зависимость их использования от посторонних целей, далеких от собственной цели умельца – *искусного* исполнения замысла независимо от того, направляем ли он доброй или злой волей. Кант не включает в состав *практической философии* даже *антропологию*, хотя она также изучает поведение людей. И в пору чтения лекций по этике и в изданной в 1798 г. *Антропологии с прагматической точки зрения* он убежден, что ее предмет принадлежит *сфере практического*. «Наука правил, – говорится в *Лекциях*, – как должен вести себя человек, есть практическая философия, а наука правил действительного поведения есть антропология» [Там же. С. 3]. У Канта свои, не вполне ясные нашим современникам, критерии разделения *практических* знаний на те, которые достойны стать *практической философией*, и те,

тами А. Г. Баумгартена. Текст сведенных воедино студенческих конспектов вводной лекции, выражавшей собственные взгляды Канта, был опубликован Паулем Менцером в 1924 г. под названием *Лекция Канта по этике* (*Eine Vorlesung Kants über Ethik*) [24]. На русском языке этот курс, почти полностью восстановленный, опубликован под названием *Лекции по этике* [12. С. 38–223].

⁹ Термин *правило* предполагает меньшую обязательность, чем *принуждение*, и, видимо, поэтому Кант все реже использует латинизм *Necessitation*, отдавая предпочтение немецкому *Regel*.

¹⁰ Кант был последним из великих мыслителей, кто серьезно относился к понятию *мудрость*, связывая его определение с *моральностью*, которая «и есть истинная мудрость» [11. С. 207].

¹¹ Греческое слово *τέχνη*, собственно, и означает *искусство* как *умение*, когда мы говорим, например, об *искусстве* столяра и *технике* пианиста, футболиста, живописца.

¹² «Существа... если они не наделены разумом, называются... *вещами* (*Sachen*), тогда как разумные существа называются *лицами* (*Personen*)...» – писал Кант [7. С. 167].

которым доступ туда закрыт. Правда, со временем эти критерии были существенно скорректированы Кантом.

В отличие от *правил умения прагматические императивы*, говорится в *Лекции*, подчинены одной единственной цели – достижению *счастья*. Ее наряду с целью *императивов нравственности* Кант в *Лекции* называет *предзаданной целью* (*aufgegebene Zweck*), т. е. такой, от стремления к которой не может отказаться ни один человек. Он даже склоняется к тому, чтобы считать прагматические императивы *категорическими*¹³. Но уже в *Основоположении*, а затем и во второй *Критике* они оказываются, вместе с *техническими*, в одной рубрике *гипотетических императивов*, поскольку *благоразумие* – это тоже своеобразная «искусность человека, оказывая влияние на других, употребить их для своих целей», а также *проницательность*, «позволяющая объединить все эти цели для собственной длительной выгоды» [7. С. 126]. Цель этих, по сути, *правил управленческой деятельности*, даже когда ее цель – *всеобщее счастье* [Там же. С. 361], весьма неприглядна с позиции той формулировки *морального императива*, которая запрещает относиться к *лицу только как к средству*.

Однако ни в первой *Критике*, где Кант уже критикует эвдемонизм, ни в *Основоположении*, где эта критика усиливается, ни даже во второй *Критике* не говорится об исключении из *практической философии* прагматических императивов так же решительно, как это было сделано в *Лекции* относительно *императивов искусности*. Кант все же сохраняет иерархию *правил умения*, на верхней ступени которой особняком стоят *императивы благоразумия*, которым он уделяет гораздо больше внимания, чем всем остальным. Трудно идти наперекор тысячелетней традиции, в согласии с которой понимание *счастья* и путей его достижения – главный мотив нравственных поступков. Однако в первой *Критике*, а затем в *Основоположении* и в *Критике практического разума* эти *императивы* становятся не столько *велениями*, сколько *советами* (*Räte*), ни к чему не обязывающими *рекомендациями* (*Ratschläge*) [5. С. 1013]. В первой *Критике* Кант находит способ устранить противоречие *нравственности* и *счастья* с помощью дефиниции *высшего блага*, предполагающей формулу *достоинства быть счастливым* [Там же], воспроизводившуюся и других работах. Однако Кант, видимо, еще какое-то время колебался относительно состава *практической философии* и возможности включения в него *прагматической философии*. Вероятно, эти колебания были одной из причин 12-летнего срока, отделяющего издание *Основоположения метафизики нравов* от *Метафизики нравов*.

Окончательно Кант расстаётся с эвдемонизмом только в *Критике способности суждения*. Ко времени окончания работы над третьей *Критикой* он уже знал, что в его *практической философии* не останется места для *прагматической философии* с ее *императивами*. Благоразумие окончательно переведено в разряд *бесчисленных умений* как «умение оказывать влияние на людей и на их волю» [8. С. 81]. А *правила искусства* (*Kunst*) и *искусности* (*Geschicklichkeit*), включая *умения художников и правителей*, «не могут претендовать на какое-либо место в особой философии, которую именуют практической» [Там же. С. 83]. Не войдет в нее и *моральная антропология* (еще один несбывшийся проект Канта), которая наряду с *метафизикой нравов* могла бы стать «другим членом... практической философии» [10. С. 124]. Кант здесь дает правилам умения имя *технически-практических* и утверждает, что все они, как *короллярии* (побочные, необязательные следствия) из *естествознания*, принадлежат *теоретической философии*. В отличие от них *морально-практические* предписания – теперь уже единственный достойный

¹³ «Всеобщие прагматические императивы, – цитирует Хинске одну из записных книжек Канта, – также являются категорическими (categorisch)... они являются положениями, которые... говорят о том, что хочет каждый ...» [25. С. 109].

предмет *практической философии* [8. С. 81–85]. В ее состав войдут лишь *учение о добродетели* и *учение о праве* – совершенно новая, еще только становящаяся дисциплина, для которой Густав Гуго, последователь и оппонент Канта, только что придумал имя «философия права»¹⁴.

Означает ли ограничение Кантом предметной области *практической философии*, будто он перестает считать *практическими* остальные правила поведения? Разумеется, нет: раз он не лишает их имени *практические* и, значит, убежден, что они рождены *разумом*, а следование им считает *разумным и свободным*, а не инстинктивно безрассудным. Для выявления значений, которые Кант вкладывает в термин *практическое*, не так уж важно знать мотивы, побуждавшие его не включать *технически-практические императивы* в предмет *практической философии*. В число этих мотивов, конечно же, входят и общепринятые в немецком Просвещении представления о предметной области *philosophia practica*, и неугасающее восхищение безусловностью морального императива, отличающей его от других правил поведения, и своеобразная трактовка слова *философия*, которое на рубеже XVIII–XIX вв., благодаря в том числе и Канту, наполнялось новыми значениями¹⁵. Важно то, что представления Канта о *практике* и *практическом* не исчерпываются высказываниями, содержащимися в *Метафизике нравов*.

Так, Кант в работе 1793 года *О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики»* (далее – *О поговорке*), обосновывая исключительность *морального императива* среди всех остальных, называет *теорией* совокупность *практических правил*, пусть даже они обладают *некоторой всеобщностью* и мыслятся *отвлеченно от множества условий, которые, однако, необходимо имеют влияние на их применение* [4. С. 241]. Здесь же дается его единственная дефиниция *практики*¹⁶. «Практикой, – пишет Кант, – называется не всякое действие, а лишь такое осуществление цели, которое мыслится как следование определенным, представленным в общем виде, принципам поведения» [Там же]. Как видим, Кант дает чрезвычайно широкое определение, призванное подчеркнуть отличие *практики* от спонтанных, не направляемых и не контролируемых разумом действий. Далее он рассуждает об отношении теории не только к *практике* в морали, в государственном и международном праве, но и о значении теории для *практики* врача, агронома, финансиста, артиллериста, имея в виду не морально-правовую, а именно профессиональную сторону деятельности этих специалистов. Но вопрос даже не в том, включал ли поздний Кант в понятие *практика* действия, направляемые *правилами умения и благоразумия*, или нет. Вопрос в том, почему некоторые, несомненно *практические*, предписания следует, по его же убеждению, называть *теорией*? Что он понимал под *теорией* и *теоретическим познанием*, противопоставление которому познания *практического* положило начало многотрудной и многотомной *пропедевтике* к собственной *доктрине*?

Кантовскому термину *теоретическое познание* «повезло» не многим больше, чем словосочетанию *практическое познание*. Если второе не привлекало внимания исследователей из-за того, что Кант почти не писал о нем, то первый – из-за его почти обыденной повседневности. Слово *теория* и производные от него тер-

¹⁴ Впервые в печати термин *философия права*, никогда не употреблявшийся Кантом, встречается в изданной в 1797 г. книге Г. Гуго *Lehrbuch des Naturrecht als einer Philosophie des positive Rechts, besonders des private Rechts*.

¹⁵ Нам теперь трудно понять, почему Ньютон свою физику называл *натуральной философией*, Линней классификацию растений – *философией ботаники*, Вольтер свое сугубо историческое сочинение – *философией истории*, а Ламарк зоологию – *философией зоологии*. Об этом периоде в истории слова философия см.: [19].

¹⁶ Примечательно, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин вообще не дали определения важнейшему, как считалось, для них понятию *практика*, оставив своих начетчиков без соответствующих цитат.

мины стали настолько привычными, что специальное разъяснение их значений в кантовской философии представляется совершенно излишним. Однако за прошедшие два века способы употребления этих терминов существенно изменились, и теперь, читая тексты Канта, мы невольно связываем их использование с решением тех проблем, которые тот вовсе не ставил, и не замечаем тех, которые его действительно волновали и не перестали быть значимыми для нас.

В наши дни под влиянием *философии науки* (в основном англоязычной) круг возможных значений слова *теоретическое* задается, как правило, противопоставлением его слову *эмпирическое*, которое, в свою очередь, начиная с XVII в., уже традиционно используется как антоним термину *рациональное*. Оппозиции *теоретическое–эмпирическое* и *эмпирическое–рациональное* при описании познавательных процессов и языка науки, действуя совместно и одновременно, навязывают сознанию наших современников едва ли не полную синонимичность слов *теоретическое* и *рациональное*. Определение *теоретического* как того, что не является *эмпирическим* и является, следовательно, *рациональным*, кажется теперь настолько естественным и само собой разумеющимся, что классификация наук Х. Вольфа, ставшая основой учебных планов немецких университетов XVIII в., представляется каким-то странным недоразумением, наивным недомыслием века Просвещения. В этой классификации оказалась возможной рубрика *эмпирические теоретические науки*¹⁷. В оправдание Вольфа и его современников следует сказать: они даже не подозревали, что могут существовать основания для противопоставления *эмпирических* знаний *теоретическим*. Они, следуя идущей от Аристотеля традиции, разделяли все знания, во-первых, по их *предметам* – на *теоретические* и *практические*. А во-вторых, следуя веяниям своего времени, они в дополнение к членению знаний *по предметам* добавляли еще и разделение их *по способам* (источникам) их приобретения – на *эмпирические* и *рациональные*.

Считалось, что предметами *теоретических* знаний являются объекты, возникновение, способ существования и изменения которых не зависят от чьего-либо произвола. О них, по выражению Аристотеля, *мы не принимаем решений*¹⁸. Незменностью таких объектов, постоянством регулярных изменений в некоторых из них, недоступностью или сознательным воздержанием от произвольного вмешательства в их жизнь объяснялась возможность достижения истинного знания, а также то, почему единственно возможный способ поведения с ними (например, с *космосом*) – это *θεωρία* (буквально – *созерцание, наблюдение*) с помощью *чувств* либо *ума*. Древние эллины, начиная с Фалеса, в своем большинстве оценивали достоверность результатов *умозрения* выше итогов чувственного созерцания, полагая, что последнее из-за его тесной связи со страстью (*παθος*) способно дать лишь изменчивые *мнения* (*δόξα*)¹⁹. Однако и чувственное *созерцание* для них – это все та же *θεωρία*. Х. Вольф исходил из традиционного перипатетического по-

¹⁷ На русском языке об этой классификации наук см.: Фишер К. История новой философии: Готфрид Вильгельм Лейбниц. – М., 2005. – С. 620–631; Майоров Г. Г. Вольф // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.

¹⁸ Такие объекты, считал Аристотель, *существуют с необходимостью*, не могут быть *такими и иными*, о них *мы не принимаем решения* [1. 1139 а 20–23]. «Никто, – поясняет Аристотель, – не принимает решения о вечном, скажем о космосе или о несоизмеримости диаметра и стороны квадрата, а также и о том, что, изменяясь, изменяется всегда одинаково... (как, например, солнцевороты или восходы)» [Там же. 1112 а 22–23].

¹⁹ Европейская наука началась с того, что Фалес усомнился в достоверности чувственных восприятий, говорящих нам о камнях, деревьях, воздухе, огне, тогда как на самом деле *все есть вода*. Демокрит же, по легенде, даже выколол себе глаза, чтобы эмоции, пронизывающие чувственное созерцание, не могли повлиять на бесстрастное умозерцание недоступных изменению *атомов*, о которых только и возможно достоверное, исключаяющее всякое сомнение знание – *ἐπιστήμη* (слово, чаще всего переводимое на русский язык как *наука*).

нимания слова *теория*, И именно поэтому его классификация легко допускает существование *рациональных теоретических* (т. е. *умозрительных*) наук – естественной (рациональной) теологии²⁰, рациональной космологии, рациональной психологии с *эмпирическими теоретическими* науками – эмпирической психологией, телеологией и догматической физикой²¹. Предметами *практических наук* Вольф и его современники считали такие объекты, в возникновении, изменении и уничтожении которых человеческий произвол и направляемые им поступки имеют определяющее значение. О них, по Аристотелю, *мы принимаем решения* [1. 112a–113a]. Такие зависимые от людских решений объекты изучают, по Вольфу, *рациональные практические науки* – *этика, политика, экономика*, а также *эмпирические практические науки* – *технология (ремесло) и экспериментальная физика*.

Кант создал свою классификацию источников и способов познания, изменяя значения многих традиционных терминов и изобретая новые. Но и для него немыслимым было противопоставление *теоретического* познания *эмпирическому* и отождествление на этом основании слов *теоретическое* и *рациональное*. Скорее, наоборот. В его *критических* работах термин *теоретическое* характеризует познание исключительно *предметов опыта*, обязательным составляющим которого, по убеждению Канта, оказывается чувственное *созерцание*. И если бы не ограничения, которые накладывает различие Кантом *чистого* и *эмпирического* созерцаний, то *теоретическими* оказываются у него исключительно *эмпирические науки*.

«...Мы можем ссылаться только на две науки теоретического познания, – читаем в *Прологоменах*, – а именно на *чистую математику* и *чистое естествознание*; ибо только они могут показать нам предметы в созерцании, когда в них имеет место априорное познание...» [9. С. 33]. Разумеется, Кант имел в виду чувственное созерцание. *Умосозерцание (интеллектуальная интуиция)* в *Критиках* исключается из числа *человеческих* познавательных способностей, которые лежат в основании теоретического познания. Учение об *интеллектуальном созерцании*, иронизирует он, «вытекает из желания... созерцать вещи, не пользуясь чувствами... из желания обладать возможностями познания, совершенно отличающимися от человеческих способностей... из желания быть не людьми, а какими-то существами, о которых мы не можем даже сказать, возможны ли они, и еще менее сказать о том, каковы они» [5. С. 437].

Кант докритический много лет читал курс *метафизики*, который в обязательном порядке включал в себя *рациональную теологию* и *рациональную психологию*, обсуждавшие среди прочего и *возможности познания, совершенно отличающиеся от человеческих*. Эти дисциплины совместно с *рациональной космологией* обязаны были доказывать истинность *краеугольных камней* морали и религии [Там же. С. 621]. Он излагал в лекциях положения *рациональных теоретических наук* в наилучшей, как ему представлялось, дидактической последовательности, систематизируя их и одновременно критически исследуя в ряде работ 1746–1770 гг. предпосылки, на которые они опираются²².

²⁰ После Фомы Аквинского традиционным стало различие двух *теологий*. Первая – *sacra doctrina* – аналог русского *догматического богословия*, исключаящего даже намек на сомнение в истинности излагаемых ею положений, полученных, как считается, благодаря сверхъестественному откровению. Вторая – *рациональная, или естественная, теология*, получающая свои результаты с помощью *естественного разума* (*ratio naturalis*), вынужденного из-за его несовершенства сомневаться в собственных умозаклчениях, а потому обязанного доказывать их безупречность.

²¹ Одна из главных проблем телеологии того времени – целесообразное строение живых организмов. Догматическая физика – это изложение, по выбору лектора, одной из существующих физических доктрин. Кант, заметим, одним из первых на континенте читал курс физики по Ньютону.

²² См., напр., обоснование Кантом последовательности изложения им метафизических дисциплин в *Уведомлении о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 г.* [17. С. 191–202].

Важнейшие выводы этих *докритических* исследований таковы. Логически безупречное доказательство *возможности* существования чего-либо не есть доказательство его *действительного* существования. Действительное существование, по Канту, устанавливается с помощью чувственного восприятия важнейших пространственно-временных характеристик предмета, соответствующих уже имеющемуся его понятию [14. С. 393].

Бестелесные, по определению, *бог* и *душа* недоступны чувственному созерцанию, следовательно, любые суждения об их существовании и их свойствах доказать принципиально невозможно. В схоластике, следовавшей перипатетической традиции, в соответствии с которой существующим считалось лишь то, что занимает или занимало *место*, для бестелесных бога и души было создано понятие *виртуальное существование* – существование без *места*, т. е. без пространственных характеристик и координат. Докритический Кант разъяснял читателям и слушателям своих лекций по *рациональной теологии* и *психологии*, как могут существовать, познавать и воздействовать на телесный мир бестелесные виртуальные сущности, но признавал, однако, невозможность бесспорного доказательства их существования [16].

Канта не очень-то огорчила выявленная им принципиальная недоказуемость главного тезиса *рациональной теологии*: «Безусловно, необходимо убедиться в бытии бога, но вовсе не необходимо в такой же мере доказывать это» [14. С. 498]. Со времен христианской апологетики было известно о разных путях, какими идут к своим убеждениям *вера* и *разум*. Гораздо больше Канта беспокоила, как он тогда считал, зависимость от доказательства существования бога важнейшего для *рациональной психологии* тезиса о *свободе* человеческой души и ее ответственности за принимаемые ею решения. Но еще больше проблема *свободы воли* начинает волновать его в связи со сложившимся в XVII–XVIII вв. пониманием *природы*, из которой наука Нового времени изгнала *целевые* и *формальные* причины, оставив ей под влиянием крепнущего механицизма единственно лишь *действующие* и *материальные*²³.

Кант разделял историко-научную концепцию своего времени, согласно которой новое *естествознание*²⁴ своими успехами в познании природы обязано ограничением его предметной области лишь тем, что встречается в *опыте*, и отказу от

²³ Примечательно, что, по Аристотелю, φύσις (природа) – это не *мир в целом*, не *космос*, а одна из целевых причин (см.: [2. 194 а 25–30; 198 b 9–11; 200 b 10–16]), *естество*, определяющее для каждого класса вещей особый способ *естественного* (ненасильственного) движения к их *естественным местам*, где они могли бы прекратить движение, достигнув своей *конечной цели* – уподобиться ни в чем не нуждающемуся и потому неподвижному богу. Для *земли* и *воды* – это прямолинейное движение к центру *космоса*; для *огня* – к его периферии; для *воздуха* – естественен *покой*. Однако он постоянно нарушается перемещениями других стихий *подлунного мира*, которые вызываются их нагреванием и охлаждением из-за суточных и годовых циклов, обусловленных перемещениями светил, стремящихся, как и всё в этом мире, к *покою*, но вынужденных своей *природой* к нескончаемому круговому движению, *естественному* для них. Различение в Античности и Средневековье нескольких *естественных* движений делало обычными рассуждения о *природах* вещей. Слово *natura* в значении «мироздание», «материальное целое» и преимущественно в единственном числе первым стал употреблять только Декарт, который уничтожил своей аналитической геометрией непреодолимую прежде пропасть между прямой линией и кривой, а вместе с ней и противоположность между *природами* земных и небесных тел. *Природа* всех вещей стала теперь одинаковой, а единственным *естественным* движением – равномерное прямолинейное; любое же криволинейное, включая круговое, стало *насильственным* [3. С. 199, 204–205].

²⁴ В *Критиках* Кант использует недавно сконструированный неологизм *естествознание* (die Naturwissenschaft) для обозначения нового математизированного знания о *природе* в противоположность этимологически равной ему *физике* (die Physik) как древнейшей *философской дисциплины о природе*, понятия которой лишены математической составляющей. *Метафизика природы*, которую он мечтал написать, и есть эта философская *физика*, обновленная с помощью *критики разума* [5. С. 1059].

поисков не встречающихся в опыте *конечных* (целевых) причин, поисков, которые он уже в докритический период иронически называет *физикотеологией* [14. С. 448–450]. Но Кант не мог примириться и с достаточно влиятельной тогда трактовкой человека как части природы, поступки которого определяются только *материальными* причинами, *действующими* по ее неумолимым законам, а не его волей, свободно выбирающей цели и добывающей их осуществления. Именно так объясняли поведение людей авторитетные в XVIII в. представители британского *Свободомыслия*, французского *Просвещения* и немецкой *Популярной философии*, которые, признавая *свободу* человека как возможность поступать в соответствии со своими *желаниями*, отрицали *свободу* его *воли*. Человек, полагали они вслед за Спинозой, *не волен* в самом главном – в выборе собственных *желаний*, так как они являются вытесняющими друг друга *аффектами*, сила и характер которых обусловлена воздействием материальных причин, преломляющихся через призму его телесной организации. Еще раньше, ссылаясь на божественное предопределение, отрицал свободу воли Лютер.

Кант – протестант и ученый – какое-то время мирился с героическим фатализмом лютеранской теологии и материалистического естествознания. Кант – преподаватель этики и исследователь права – отлично знал, что несвободному человеку, поступающему не по своей воле, а, например, оказавшемуся во власти аффектов, нельзя вменять в вину его поступки: он, невменяемый, юридически и морально неподсуден. Кант-моралист (а не только знаток и преподаватель этических доктрин) не мог согласиться с тем, что человек способен лишь констатировать происходящее с ним, подобно *мыслящему тростнику* Паскаля, но не может свободно проектировать будущее, осуществлять его и, как разумное и, следовательно, вменяемое *лицо*, нести ответственность за свои замыслы и порожденные ими действия. Однако опровергнуть комплекс идей и представлений об обреченности человеческой воли на несвободу оказалось делом отнюдь не простым. Оппозиция *природа–свобода* на долгие годы становится важнейшим предметом размышлений Канта, одним из результатов которых стало исключение *рациональных теологии, психологии и космологии* из числа *наук теоретического познания*. Рациональными остаются у Канта лишь *спекулятивное познание* и *практическое*, предмет которого – *свободное поведение* и его *правила*. Единственным же объектом теоретического познания Кант называет *природу*²⁵. «Вся наша способность познания обнимает собой две области – область понятий природы и область понятия свободы... Законодательство через понятие природы осуществляется рассудком, и оно теоретическое. Законодательство через понятие свободы осуществляется разумом, и оно чисто практическое» [8. С. 87].

Природа для Канта – это не реально существующая *среда обитания*, легко поддающаяся изменениям и потому ранимая, с точки зрения современного экологического сознания. Наоборот, *природа*, с точки зрения Канта, – это совокупность достаточно разных *понятий разума*, или *идей*, которые обозначаются одним и тем же словом только лишь потому, что каждое из них по-своему противостоит *свободе*, исключая малейшую возможность произвольного изменения объектов²⁶.

²⁵ «...За пределами определений природы нет никакой теории», – резюмирует он в *Метафизике нравов* то, о чем он говорил в предшествующих *критических* работах [10. С. 125].

²⁶ Кант вводит различие *понятий рассудка* и *понятий разума*. Первые обязательно включают в себя чувственные характеристики познаваемого предмета (например, характерный блеск в понятии *металл*), поскольку *рассудок* не автономен: «Наш *рассудок* и наша *чувственность* могут определять предметы *только в связи друг с другом*» [5. С. 413]. *Разум* же автономен, т. е. в своей деятельности независим от чувственности и рассудка, и его понятия – это *идеи*, объекты которых никогда не встречаются в опыте, даже в *возможном опыте*: «Под идеями я разумею такое необходимое понятие разума, для которого в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет» [Там же. С. 493].

Слово *природа* чаще всего используется Кантом как метафора, как символ непреодолимости.

Первое из этих *понятий разума* – перипатетическая идея *природы* как *естества*, как неизменной *сущности*, определяющей способ *естественного* (ненадвигательного) движения того или иного класса вещей, включая их самостоятельное возникновение, изменение и уничтожение. Кант называет такое понимание природы *формальным* (adjective, или formaliter). Оно подразумевается, когда «мы говорим о природе жидкой материи, огня и т. п.» [5. С. 565]. Второе понятие он называет *содержательным* (substantive, или materialiter). Слово *природа* в этом случае *означает совокупность явлений*, находящихся во взаимной *всепроникающей связи*. Такой смысл подразумевается, когда *говорят о вещах природы*, имея в виду *некоторое существующее целое* [Там же].

Понятие природы как *существующего целого* в свою очередь состоит, по Канту, из двух понятий: понятия *математического целого*, обозначаемого чаще всего термином *мир*, и понятия *динамического целого*, которое чаще всего и обозначают термином *природа*. Термин *природа*, считает Кант, почти *совпадает* своими значениями со словом *мир* [Там же. С. 563–565]. Три понятия природы – *формальное*, *математическое целое* и *динамическое целое* – это, по Канту, три ипостаси одной и той же идеи *безусловной необходимости явлений*, которую *можно назвать природной необходимостью* [Там же. С. 565]. Идеи недоступны чувственному созерцанию, а потому могут быть предметом не теоретического, но только лишь *спекулятивного* квазипознания, выводы которого никогда не способны стать *всеобщими и необходимыми*. «...Абсолютное целое всех явлений есть *только идея*, так как мы никогда не можем представить это целое в образе, и потому оно остается *проблемой* без всякого разрешения»²⁷.

Латинское слово *speculatio* – этот аналог греческой *θεωρία* – первоначально означал и у римлян чувственное *созерцание*, *наблюдение*. Даже производное от него слово *speculator* имел сходные с греческим *теоретиком* значения – *наблюдатель*, *разведчик*, *вестовой*. Поздняя схоластика странным образом превратила *speculatio* в *умозрение*, отличая его от *интуиции* (*intuitio*), под которой до Декарта понималось исключительно чувственное *созерцание*. Кант возрождает полузабытый схоластический термин *спекуляция* для обозначения бесплодных попыток познавать недоступные чувственному созерцанию *идеи* так, как это делают со своими *предметами опыта* математика и естествознание. Математическая и динамическая антиномии – неизбежный результат такого квазитеоретического, а по Канту, *спекулятивного употребления разума* для познания *мира в целом* – этого недоступного чувственному созерцанию, следовательно, выходящего за пределы всякого возможного опыта предмета *рациональной космологии*²⁸.

Кант использует еще одно словосочетание для обозначения *содержательного* (materialiter) понятия *природы*, сходное с термином *динамическое целое*, но имеющее очень важную специфику. Это словосочетание – *совокупность предметов*

²⁷ И в самом деле. Бесконечны споры о том, замкнута ли Вселенная, как доказывал еще Аристотель и доказывает теория пульсирующей Вселенной, или она безгранична, как говорил Демокрит и допускает современная *плюралистическая космология*; имеет ли она начало во времени, или время, как считал Августин и считает ныне теория *Большого взрыва*, начинается с момента ее возникновения. Ответы на эти и подобные им вопросы всегда будут *проблематичными*, по Канту, а по Платону – *правдоподобными мифами*.

²⁸ Кант использует термин *спекулятивное познание* не только в смысле пустого *умствования*, но и в значении *теоретическое познание*, когда он говорит о проектируемой им *метафизике природы*. В этой новой, объединенной с критикой разума *системе метафизики* сохраняются, по его плану, все прежние рациональные дисциплины. Правда, их умозаключения никогда не достигнут неопровержимости суждений математики и естествознания, и они лишатся претензии *быть фундаментом религии*» [5. С. 1053, 1063].

опыта [5. С. 21]. Оно, как и три первых, обозначает идею, которая пусть не прямо, но все же соотносится с эмпирическим объектом *теоретического познания*²⁹. Однако не природу в целом, пусть даже она мыслится как совокупность предметов опыта, изучают математика и естествознание. Мыслить, как писал Кант, можно все, что угодно, если только я не противоречу самому себе [Там же. С. 29]. Но не все, мыслимое без противоречий (например, логически возможные миры), доступно наукам *теоретического познания*, объекты которого должны быть чувственно созерцаемыми. Таким объектом, по Канту, не может быть по-разному мыслимая платониками, перипатетиками, картезианцами и лейбницианцами необъятная и потому недоступная чувственному созерцанию совокупность предметов опыта, но лишь сами предметы опыта. Только они могут быть предметами *теоретического познания*, поскольку они чувственно созерцаемы, предстают перед нами помимо наших желаний и не могут менять свои существенные характеристики в угоду чьему-либо произволу, пусть даже божественному³⁰.

Как известно, Кант считал самостоятельное явление нам этих предметов не таким уж самостоятельным, а независимые от нашего произвола сущностные их свойства все-таки зависимыми от наших познавательных способностей. Эту независимую зависимость от нас предметов *теоретического познания* Кант объясняет с помощью различения понятий явление и вещь в себе (Dinge an sich), а также предметы опыта и неявных, но, тем не менее, реально существующих вещей вне нас (Ding außer uns) [Там же. С. 43]³¹. Именно вещи вне нас, по Канту, обнаруживают свое существование, а точнее, присутствие (Dasein), являясь нам преломленными через призму априорных начал чувственности и рассудка в качестве предметов опыта³². Именно эти предметы, а не вещи вне нас подчиняются закону

²⁹ Идея природы как совокупности предметов опыта есть, по Канту, результат умозаключений разума о «понятиях рассудка» (категориях), которые «составляют интеллектуальную форму всякого опыта» [5. С. 475].

³⁰ «Объяснять способы устройства природы или их изменение, прибегая для этого к помощи Бога как первооснователя всех вещей – это, по меньшей мере, не физическое объяснение; это... означает признание в том, что с философией здесь покончено, так как, для того чтобы составить себе понятие о возможности того, что мы видим собственными глазами, приходится допустить нечто такое, о чем вообще не имеют никакого понятия» [7. С. 667].

³¹ Термин Ding außer uns (иногда außer mir) – почти синоним словосочетания Ding an sich. Последнее, как доказал Г. Праусс, есть редуцированная форма развернутого кантовского термина Ding an sich selbst betrachtet (вещь, рассмотренная сама по себе), который подчеркивает невозможность для людей рассматривать вещь такой, какой ее мог бы видеть бог, не связанный пространственно-временными ограничениями человеческого восприятия (см.: [27]). Ding an sich может обозначать у Канта и ту вещь, которая, находится вне нас (außer uns), и ту, которая внутри нас, т. е. душу, какой ее мыслила рациональная психология его времени.

³² В Предисловии ко 2-му изданию *Критики чистого разума* Кант называет скандалом для философии необходимость доказывать реальное существование именно вещей вне нас (Dinge außer uns), от которых мы получаем весь материал для познаний [5. С. 43]. Говоря об их существовании, он подчеркнуто не использует латинизм *Existenz*, тесно связанный схоластикой с понятием место, имеющим, по Аристотелю, как и занимающая его вещь, три пространственных измерения – длину, ширину и глубину. Не использует он и немецкое слово Sein – субстантивированный глагол sein (быть), как и всякий глагол, имеющий три измерения времени – прошлое, настоящее и будущее. «Слово „есть“, – читаем в набросках к *Критике чистого разума*, – может использоваться нами не иначе как темпоральное слово. „Бог есть“, в отличие от „будет“» [11. С. 31]. Пространственные и временные характеристики, по Канту, применимы лишь к предметам опыта, к явлениям, но никак не к несозерцаемым вещам вне нас, о которых нельзя сказать, например, далеко ли они отстоят от нас в пространстве и времени, велики ли они или нет, круглые ли они или еще какие-то иные. Поэтому, говоря об их существовании, а также о существовании Бога, он использует не предполагающий точных пространственно-временных характеристик термин Dasein, трудно переводимый на другие языки. В повседневном и деловом русском языке ближайшие аналоги Dasein – это наличие, присутствие. Иначе в языке философском: когда Dasein встречается, например, в текстах Гегеля, то его, как правило, переводят на русский язык термином наличное бытие, а в текстах

каузальности – важнейшему закону *рассудка*, требующего разграничивать все явления на предшествующие во времени *причины* и вызываемые ими с необходимостью последующие *действия*³³. Именно *предметами опыта* ограничивается, по Канту, «все, что мы можем *познать* теоретически» [5. С. 33].

Неоспоримость, *всеобщность* и *необходимость* теоретических выводов вовсе не свидетельствуют том, что они соответствуют реально существующим *вне нас* и потому независимым от наших *решений* объектам. *Всеобщность* и *необходимость* суждений математики и естествознания на самом деле есть, по Канту, свидетельство их *необходимой общезначимости* [9. С. 56], которая достижима лишь при условии одинакового для всех людей устройства *чувственности* и *рассудка* – этих двух *теоретических источников познания* [5. С. 29].

И действительно, мы считаем неоспоримо доказанными и, следовательно, истинными лишь такие выводы о *законах природы*, которые были получены их первооткрывателями путем рассуждений (а как еще иначе?) по законам мышления, которые мы признаем обязательными для себя и любого здравомыслящего человека. Именно поэтому отсутствие противоречий в суждениях о *предметах опыта* способно превращать сомнительные, а иногда и нелепые на первый взгляд, положения в личные убеждения каждого, если тот предпримет совершенно свободное и обязательно критическое рассмотрение его построений. Тем самым неподвластные нашей воле *основоположения рассудка*, в соответствии с которыми выводятся и доказываются теоретические положения, и есть, по Канту, подлинны *законы природы*³⁴.

Исследование причин *необходимой общезначимости* суждений *теоретического познания*, которое заняло большую часть первой *Критики*, не было для Канта самоцелью, но выполняло хотя и очень важную, но все же вспомогательную функцию. Главное его предназначение – *спасение свободы*, с помощью опровержения *общераспространенного, но неправильного предположения об абсолютной реальности явлений* и доказательство тем самым того, что *природа*, что бы под этим словом ни подразумевалось, – это одна из *идей* нашего собственного разума, которая требует рассматривать действия вещей и людей *теоретически*, а значит, зависимыми исключительно от *материальных действующих причин*, совершенно исключая возможность свободного целесообразного поведения³⁵. Но у *разума* идея *природы*, исключая *свободу воли*, не единственная. Разум, который, по

Хайдеггера – калькой тут-бытие. Видимо, для Канта местоимение *da* (тут) снимало темпоральность *Sein*.

³³ Кант осуществил серьезную ревизию перипатетических категорий, исключив, в частности, из их числа форму и материю, а из числа причин – целевые, формальные и материальные, оставив только действующие (*wirken-den*), которые он чаще всего называет просто причинами, подчеркивая тем самым, что они теперь не нуждаются в каких-либо уточняющих определениях. Прежние же целевые причины – он называет просто целями.

³⁴ См.: Пролегомены. § 36–38. Кант не знал (да он и не считал подобное знание важным), что термин «закон природы» впервые был введен в оборот только Декартом в Первоначалах философии (1644 г.). «Из того, что Бог не подвержен изменениям и постоянно действует одинаковым образом, мы можем... вывести некоторые правила, которые я называю законами природы...» [3. С. 368]. В XVIII веке словосочетание «закон природы» стало настолько привычным, что никого уже, включая Канта, много писавшего об отличиях законов природы от законов морали и права, не смущала невозможная когда-то конъюнкция искусственного и естественного – создаваемого людьми закона и независимой от чьего-либо произвола природы.

³⁵ «В самом деле, если явления суть вещи сами по себе, то свободу нельзя спасти. Природа в таком случае составляет полную и ... определяющую причину каждого события, а условие события всегда содержится только в ряду явлений, которые вместе с действием необходимо подчинены закону природы. Если же, напротив, считать явления лишь тем, что они суть на самом деле, а именно не вещами самими по себе, а только представлениями, связанными друг с другом по эмпирическим законам, то они сами должны иметь еще основания, не относящиеся к числу явлений» [5. С. 701].

Канту, *автономен*, т. е. независим от чувственности и рассудка, является *автором* и других *идей*, которые с не меньшей требовательностью, чем идея *природы*, диктуют нам контуры мира, где человеческое поведение свободно, т. е. определяется разумными *целями* и найденными самим разумом *средствами* их достижения, а не принуждением к поступкам природными неизбежностями.

О нашей практической свободе, по Канту, говорит наш повседневный опыт, который свидетельствует (и тем самым доказывает) наличие у нас способности преодолевать чем-то заманчивые, но вредные, с точки зрения разума, желания³⁶. А в морально-правовой сфере *свобода* даже не нуждается в доказательстве, она, по Канту, неоспоримый *факт*, нечто само собой разумеющееся [7. С. 287]. Дополним аргументы Канта: люди даже вынуждены доказывать отсутствие *свободы*, когда они пытаются оправдать свои или чужие неблагоприятные или преступные действия ссылками на обстоятельства, делающие эти действия неизбежными³⁷.

В свое время Кант удивился тому, что мы, ничуть не сомневаясь в собственной правоте, истолковываем один и тот же поступок то как результат предшествующих причин, делающих этот поступок неизбежным, а потому неподсудным ни юридически, ни морально, то как результат свободно принятого нами решения, за последствия которого мы готовы принимать благодарность и поощрение³⁸. Видимо, размышления над этим парадоксом и привели Канта к открытию того, что знание *правил поведения* мы приобретаем иначе, чем знание о *законах природы*. Мир практических поступков непостижим средствами *теоретического* познания, чувственностью и рассудком, которые превращают свободное и вменяемое *лицо* (Person, Personlichkeit) в неразумную и неподсудную *вещь* (Sache), ничем не отличающуюся от *предметов опыта* физического мира, а *практические правила поведения* – в *законы природы*, с непреодолимой силой исключая вариативность человеческих поступков.

Но и мир *природы*, по Канту, непостижим, если пытаются познавать его с помощью одного только *разума*, основное назначение которого – познание *практических правил поведения* и руководство с их помощью свободным поведением людей. *Разум*, пытаясь самостоятельно, без помощи рассудка, полагаясь только на собственные умозаключения, познать природные явления, истолковывает их как результат волевых целесообразных действий, основа которых – разумное или неразумное *желание*. Примеры тому – телеологическая *физика* Аристотеля с ее *стремлениями* тел различной природы к их *естественным местам*, где они могли бы обрести *покой*, и высмеиваемая Кантом современная ему *физикотеология*. Если следовать Канту, только ограничив свой интерес *предметами опыта*, наиболее адекватно выражающими идею неумолимой *природы*, и отказавшись от умозаключений о внешних им целях, то *разумная*, но *безрассудная* (или недостаточно рассудительная) *физика* превратилась в *естествознание* с его неопровержимыми *всеобщими* и *необходимыми* суждениями.

³⁶ «Практическая свобода может быть доказана опытом. Действительно... мы ведь обладаем способностью посредством представлений о том, что полезно или вредно даже весьма отдаленно, преодолевать впечатления, производимые на нашу чувственную способность желания; но эти соображения о том, что желательно для всего нашего состояния, т. е. что приносит добро или пользу, основываются на разуме» [5. С. 1007–1009].

³⁷ Дело это нелегкое и почти невозможное. Об этом хорошо знают преступники, которые, страшась наказания, имитируют зависимость своего поведения в момент преступления от *патологической* (животной) воли, якобы полностью подчинившей их разум, что делает человека *невменяемым*, т. е. превращает его из homo sapiens в некое человекоподобное существо, которому в силу его неразумности нельзя *вменить в вину* любое, даже самое аморальное и незаконное, действие.

³⁸ Кант называет парадоксальным «требование считать себя в качестве субъекта свободы *нуменом* и вместе с тем – в своем собственном эмпирическом сознании – феноменом по отношению к природе» [7. С. 289].

Однако было обстоятельство, которое не позволяло Канту без каких-либо об- суждений ограничить список наук теоретического познания только математикой и естествознанием. Это обстоятельство – организмы. Они, так же как и другие тела, являются нам помимо нашей воли, но изучение этих *предметов опыта* не может обойтись без телеологии. Вопрос о функциях органов, их назначении и, следова- тельно, вопрос «зачем?» неизбежен в анатомии и физиологии³⁹. Кант в последней *Критике* даже использует термин *теоретическое естествознание* для обозначе- ния того, что он прежде называл просто *естествознанием*. Немало страниц он по- свящает оправданию *телеологии* применительно к отдельным организмам, дока- зательству неприменимости ее к остальным предметам и к их совокупностям и объяснению того, почему изучение органических существ, хотя и дает понятие цели *объективную реальность* и вводит эту реальность в естествознание, все-таки нельзя считать *теоретическим естествознанием*, но только *физической телеоло- гией* (см.: [8. С. 597, 665]).

Не вдаваясь в подробности аргументации Канта, опирающейся на различие им функций *определяющей* и *рефлектирующей* способности суждения, рассудка и разума, отметим, что биология на рубеже XVIII–XIX веков, с ее креационизмом и искусственными классификациями, совершенно не соответствовала кантовским критериям науки *теоретического познания*. Но другой биологии тогда не было. Реально существующими считали, например, К. Линней и Ж. Б. Ламарк (один из изобретателей слова *биология*) только отдельные организмы, а их виды и осталь- ные таксоны – всего лишь искусственными фикциями интеллекта, помогающими хоть как-то упорядочить многообразие органического мира.

Биологические виды как реально существующие объекты, в границах которых только и возможна жизнедеятельность отдельных организмов, включая их спари- вание, дающее плодносящее потомство, виды, которые, подобно всему живому, зарождаются, расцветают и умирают, давая жизнь другим видам, станет очевид- ностью теоретического познания только через 50 лет после смерти Канта. Еще дальше от этой даты отстоит начало математизации биологии в ходе выяснения законов наследственности. Пока же описание организмов и распределение их по таксонам составляло суть биологии XVIII века, а выбор той или иной таксономии зависел от вкуса и пристрастий систематизатора, поэтому его описательно- упорядочивающую деятельность, с точки зрения кенигсбергского мыслителя, нельзя считать теоретическим естествознанием. Именно поэтому Кант не включал *физическую телеологию* в состав *наук теоретического познания*. Этими науками остаются для него только *математика* и *естествознание*, предметы которых ис- ключают своевольное вмешательство в естественные процессы и взаимоотноше- ния между ними.

³⁹ «...Те, кто занимается анатомией растений и животных, чтобы исследовать их строение и найти причины, почему и для какой цели существуют такие-то части и почему они именно так расположены и именно так связаны между собой, почему у них именно эта внутренняя форма, необходимо должны принять как обязательную... максиму – ничего в подобных созданиях не *бы- вает напрасно* – и пользоваться ею так же, как основоположением всеобщего учения о природе, гласящим, что *ничего не происходит случайно*. Действительно, они так же не могут отказаться от этого телеологического основоположения, как и от всеобщего физического основоположения, ибо, если отбросить это последнее основоположение, не останется никакого опыта вообще; если же отбросить первое основоположение, **не останется путеводной нити** для наблюдения...» [8. С. 569].

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика.
2. Аристотель. Физика.
3. Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения : в 2 т. – М., 1989. – Т. 1.
4. Кант И. О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – М., 1994. – Т. 1.
5. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – 2-е изд. – М., 2006. – Т. 2. – Ч. 1.
6. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – 1-е изд. – М., 2006. – Т. 2. – Ч. 2.
7. Кант И. Основоположение метафизики нравственности. Критика практического разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – М., 1997. – Т. 3.
8. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – М., 2001. – Т. 4.
9. Кант И. Прологомены // Кант И. Сочинения : в 8 т. – М., 1994. – Т. 4.
10. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения : в 6 т. – М., 1994. – Т. 6.
11. Кант И. Из рукописного наследия. – М., 2000.
12. Кант И. Лекции по этике. – М., 2005.
13. Кант И. Новое освещение принципов метафизического познания // Кант И. Сочинения : в 8 т. – М., 1994. – Т. 1.
14. Кант И. Единственно возможное основание для доказательства бытия бога // Кант И. Сочинения : в 8 т. – М., 1994. – Т. 1.
15. Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали // Кант И. Сочинения : в 8 т. – М., 1994. – Т. 2.
16. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира // Кант И. Сочинения : в 8 т. – М., 1994. – Т. 2.
17. Кант И. Уведомление о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 г. // Кант И. Сочинения : в 8 т. – М., 1994. – Т. 2.
18. Кант И. Статьи и письма разных лет // Кант И. Сочинения : в 8 т. – М., 1994. – Т. 8.
19. Болдыгин Г. В. К истории слова «философия» (Против утилитаризма) // Вестник Гуманитарного ун-та. – 2013. – № 1. – С. 127–138.
20. Кассирер. Жизнь и учение Канта. – СПб., 1997.
21. Мальтер Р. К истории возникновения «Основоположения к метафизике нравов» и «Критики практического разума» // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – М., 1997. – Т. 3.
22. Мотрошилова Н. В. Послесловие русских эдиторов. Комментарии к «Критике чистого разума» // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – М., 2006. – Т. 2. – Ч. 2.
23. Мотрошилова Н. В. Комментарии и Примечания к «Критике способности суждения» // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – М., 2001. – Т. 4.
24. Eine Vorlesung Kants über Ethik / Herausg. von Paul Menzer. – Berlin, 1924.
25. Hinske N. Kant als Herausforderung an die Gegenwart. – Freiburg/München, 1980.
26. Prauss G. Einleitung // Kant. Zur Deutung seiner Theorie von Erkennen und Handeln / Hrsg. v. Gerold Prauss. – Köln, 1973.
27. Prauss G. Kant und das Problem der Dinge an sich. – Bonn, 1974.

УДК 008

Смирнова Татьяна Владимировна

канд. культурологии, доцент кафедры
философской антропологии ИСПН,
УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург)
E-mail: smirtavlad@yandex.ru

Smirnova Tat'yana Vladimirovna

Candidate of Culturology, Associate Professor
at Philosophical Anthropology Chair, ISPS,
Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ
РЕЛИГИОЗНОГО И СВЕТСКОГО
НАЧАЛ В ЧЕЛОВЕКЕ**

**THE PROBLEM OF RELIGIOUS
AND SECULAR PRINCIPLES
RELATION IN MAN**

Аннотация

Проблема соотношения религиозного и светского начал в человеке тесно связана с проблемой сосуществования мирского и сакрального в культуре, когда культура отождествляется со сферой земных, конечных материальных интересов, а религия – с хранительницей вечных трансцендентных смыслов мистического содержания.

Ключевые слова: религиозная антропология; мирское; религиозное; христианская культура; духовная культура.

Abstract

The problem of relation of religious and secular principles in man is closely related to the issue of coexistence of the secular and the sacred in the culture where the culture is identified with the sphere of the earthed, finite material interests, and the religion is associated with the keeper of the eternal transcendental meanings of the mystical content.

Keywords: religious anthropology; secular; religious; Christian culture; spiritual culture.

В рамках рассматриваемой двуединой проблемы соотношения религиозного и светского измерений в человеке возможны два подхода, два варианта ее решения. Первый связан с поиском единства, гармоничного сосуществования этих двух начал, второй, напротив, рассматривает их как непримиримые, конфликтующие, антагонистичные сферы.

К первой точке зрения на проблему взаимосвязи религии и культуры относятся, в частности, взгляды французского католического философа-неотомиста Жака Маритена. Ж. Маритен связывает культуру, прежде всего, с самосовершенствованием субъекта. «Являясь духом, оживляющим плоть, человек, – пишет он, – обладает прогрессирующей природой <...> Культура столь же естественна для человека, как работа разума и добродетелей, продуктом и земным завершением которых она является: она отвечает конечному предназначению природы человека, но она есть работа разума и свободы, присоединяющих свои усилия к природе. Поскольку это развитие не только материально, но также и принципиально морально, само собой разумеется, что религиозный момент играет здесь главную роль, а цивилизация предстает развивающейся между двумя полюсами: экономическим полюсом, соответствующим наиболее жгучим человеческим потребностям этико-биологического порядка, и полюсом религиозным, соответствующим наиболее жгучим человеческим потребностям, касающимся жизни души» [3. С. 114]. Таким образом Маритен подчеркивает, что культура соприродна духовности, и, следовательно, она, по его мнению, соприродна и религии.

Для Маритена наиболее важной составляющей религии является ее сверхъестественная основа, поэтому она всегда трансцендентна и «строга универсальна» по отношению к любой цивилизации и культуре. Религия, в понимании Маритена,

состоит в двояком отношении с земной реальностью. С одной стороны, христианская религия с необходимостью имманентна культуре, а с другой – абсолютно трансцендентна, когда мы говорим о сверхъестественной ее сущности.

Несмотря на это, для Маритена резкого противоречия между культурой и религией не существует, поскольку для него не существует разделения культуры и цивилизации по критерию принадлежности к духовному или материальному началу. Более того, он пишет, что эти слова для него являются синонимами [3. С. 53]. Для него и культура, и цивилизация, по сути своей, не только материальны, но и духовны. «Культура, или цивилизация, – пишет Маритен, – есть обогащение собственно человеческой жизни, предполагающее не только материальное развитие, необходимое и достаточное для подобающего существования в мире, но и прежде всего моральное совершенствование, развитие спекулятивной и практической активности (художественной и эстетической), заслуживающей названия подлинно человеческого» [Там же. С. 114]. Духовную культуру Маритен ставит выше материальной, хотя их различие оказывается весьма относительным, поскольку они в одинаковой степени охвачены духовностью, проистекающей из нравственных устремлений человека. Именно потому, что Маритен не выделяет доминанту механико-технического начала феномена цивилизации, в его концепции исчезает напряжение между религией и культурой как религией и цивилизацией. Кроме того, автор из священного события явления Христа выводит единство сакрального и мирского, утверждая, что земной смысл истории есть дополнение трансисторического.

Мирской смысл истории предстает в трех своих составляющих, реализующихся в культурно-исторической активности человека. Первый смысл состоит в покорении природы и завоевании автономии для человечества, второй смысл состоит в прогрессе знания, искусства и в первую очередь морали. И третья естественная цель истории заключается в манифестации всех возможностей человеческой природы [2. С. 257]. Но мирской смысл истории предполагает и иной – трансисторический, который никогда полностью не может быть постигнут человечеством. История приобретает смысл в свете явления Христа, к которому тяготеет как к своему центру и финалу. Современные последователи Маритена полагают, что сосуществование «града земного» и «града божия» ведет к торжеству последнего.

Теперь обратимся ко второй точке зрения на отношения религии и культуры. Так, к числу авторов, придерживающихся позиции о противостоянии религии и культуры, относятся, в частности, Т. Элиот и П. Флоренский. На страницах своей работы «Идея христианского общества» Т. Элиот затронул глубокую проблему сосуществования религиозных взглядов и мировоззрения, обусловленного современной секулярной культурой, в сознании одного индивида. Элиот даже называет состояние тех, кто стремится вести религиозную жизнь в нерелигиозном мире, «невыносимым положением» [6. С. 43]. Эта проблема по преимуществу связана с тем, что каждый член современного общества вовлечен «в рамки институтов, от которых мы не можем себя отделить: институтов, чье функционирование представляется уже не просто нейтральным, но нехристианским» [Там же. С. 20]. Положение осложняется тем, что эти нерелигиозные секуляризованные структуры исподволь, неосознаваемым образом оказывают воздействие на верующих, что приводит – когда мы говорим о христианстве – к постепенной и неуклонной дехристианизации оставшейся христианской части общества.

Вообще, в секуляризованном обществе, где религия ограничена рамками частной жизни индивида, где, в свою очередь, она зачастую обречена на сведение к пустым обрядовым формам, очень трудно заставить людей помыслить о религии всерьез. Т. Элиот пишет в этой связи, что если мы отнесемся к христианству пре-

жде всего как к предмету мысли, а не чувства отдельного индивида, то «следствия такого подхода слишком серьезны, чтобы быть приемлемыми для всех: ибо, когда христианская вера является не просто делом чувства, но и мысли, она имеет практические результаты, могущие быть обременительными» [6. С. 9].

В этом состоит еще одно свидетельство того, что религия в современном как европейском, так и российском обществе осталась, по сути своей, в качестве одной из неосознаваемых культурных народных традиций. Для большинства людей, считающих себя христианами, религия, по большому счету, является критерием принадлежности к своей национальной культуре, а не целеполагающим мировоззрением, определяющим жизненные установки. Взятая в этом смысле, религия превращается в выхолощенную форму, лишенную своего существенного содержания. И трудность осмысления настоящего положения дел как раз связана с разрушением иллюзии общества христианской культуры, с необходимостью признать, что «идея нейтрального общества», в котором мы ныне живем, и «идея языческого общества» оказываются тождественны [Там же. С. 10]. В этом мнение Элиота целиком совпадает с позицией Флоренского: для этих авторов нейтральное по отношению к религии общество тождественно языческому, т. е. нерелигиозному. Иными словами, нейтральная культура равнозначна для них антирелигиозной, антихристианской.

Норма религиозного, в частности христианского, поведения подразумевает такое отношение к религии, при котором она должна быть «делом повседневного поведения и обычая, должна быть соединена с общественной жизнью, с бизнесом и развлечениями» [Там же. С. 25]. Однако реальное положение дел не всегда таково. Христианское направление мысли, как называет это состояние Элиот, проявляется лишь время от времени, так как в современном обществе с его непредсказуемой динамикой зачастую поступки даже верующих людей, не говоря уже о неверующих, диктуются обстоятельствами, а не религиозными нормами. С этой точки зрения, само современное общество выступает мощным фактором дехристианизации, поскольку «преобладающая часть механизма современной жизни направлена лишь на санкционирование не-христианских целей, что сам он враждебен не только осознанному стремлению меньшинства к христианской жизни в мире, но и сохранению какого-либо христианского общества» [Там же. С. 28] как такового.

Если рассуждать, исходя из той позиции, что современное общество *враждебно* христианскому мироотношению, то получается, что и современная культура враждебна религиозному мироустройству. П. Флоренский вторит этой мысли британского писателя, когда говорит о противостоянии двух типов культуры: созерцательно-творческого и хищнически-механического, т. е. религиозного и светского [5. С. 55].

Как следствие, такое безрелигиозное, «нейтральное», как называет его Элиот, общество неосознаваемым образом воздействует на верующее меньшинство. Причем этот процесс связан не с размыванием, профанизацией внутреннего содержания религиозной сферы, а с профанизацией представлений о ней. Здесь необходимо подчеркнуть, что обозначенная трансформация затрагивает уровень ментального, личностного восприятия существа религии конкретным индивидом, не касаясь неизменного сакрального религиозного основания. Как правило, индивиды, наиболее подверженные подобному влиянию, теряют сущностную (догматическую, литургическую, церковную) связь с религией и не способны противодействовать обмирщению своего религиозного сознания.

Ситуация сосуществования религиозного и светского секуляризованного полей приводит к формированию в сознании людей *двух стандартов и образов жизни*: один стандарт соответствует религиозному мироотношению, а другой –

светскому. Жак Маритен, к примеру, обращает наше внимание именно на то, что эта ситуация является новшеством Нового времени, когда христианский мир оказался «пораженным дуализмом», поскольку «подчинялся двум противоположным ритмам – религиозному ритму, свойственному времени Церкви и культа, и природному ритму, свойственному времени мира и мирской жизни». По сравнению с этим, «Средние века обладали смысловым единством» [3. С. 103].

Элиот считает позицию разделения жизни мира и жизни духа неприемлемой, так как в растущей сложности современной жизни верующие не просто вынуждены сотрудничать с неверующими, но они неизбежно включены в нерелигиозные институты и системы. При этом религиозные принципы постепенно размываются, поскольку, как на то указывает и Рокитянский [4], секуляризующие тенденции всегда оказываются гораздо сильнее сакрализующих.

Современный верующий человек вынужден жить по законам двух культурных систем – религиозной и светской, и это коренным образом отличается от ситуации, которая складывалась в традиционном обществе. Там религиозная система ценностей была предписана человеку, т. е. дана изначально как долженствующая, необходимая и общезначимая.

Поэтому, чтобы избежать ситуации двойных стандартов, внутреннего раскола в индивиде на христианский и нехристианский образ мироотношения в зависимости от сложившейся ситуации, необходимо достичь «гармонизации обычной жизни во времени и жизни вневременной, духовной» [6. С. 43]. Однако при этом Элиот подчеркивает, что тождественны они никогда не будут, так как Царство Божие на земле неосуществимо. И именно напряжение между земным и небесным, естественным и сверхъестественным, между временем и вечностью будет существовать всегда, «и это напряжение выражает самую суть идеи христианского общества и является основным признаком, отличающим христианское общество от языческого» [Там же. С. 44].

Значит, чтобы быть христианином, недостаточно просто считать себя таковым, но необходимо всей своей жизнью доказывать это, воплощая свои принципы на практике. Христианин в современном мире вынужден во многом идти не благодаря, а вопреки, не приспособляясь, а ставя свою позицию в противовес общепринятой. И это состояние оказывается характерным для христианства с самых первых времен его возникновения в лоне иудаизма. Как об этом пишет С. Аверинцев, «по-видимому, христианству противопоставлено в некотором смысле, чтобы к нему привыкали» [1. С. 280].

Любопытно, что Маритен не просто вторит протестантскому автору Т. Элиоту, но называет для выражения отношения земного и небесного миров то же состояние – состояние *напряжения* [3. С. 128], также подчеркивая при этом, что «различие временного и духовного предстает как существенно христианское различие. Но это собственно христианское приобретение, обладающее своим полным смыслом и своей полной эффективностью лишь для христианина, если следовать евангельскому слову: “Отдайте кесарю кесарево, а Богу – Богово”» [Там же. С. 116]. Но в то же время Маритен напоминает, что духовный порядок должен оживлять и возвышать временной порядок не путем слияния с ним и превращения в его часть, а путем его трансцендирования, когда духовный порядок предстает как свободный и независимый от временного.

Из всего вышеизложенного вытекает и сопутствующий момент. Он заключается в том, что для искренне верующего индивида естественным является стремление к экстраполяции своих убеждений на социокультурную реальность, к осуществлению религиозной культуры и религиозного общества. Так, Т. Элиот и П. Флоренский утверждают, что в идеале нельзя разделять религиозную и свет-

скую, национальную культуру: первая должна объять всю культуру в целом, включая каждую ее составляющую.

Литература

1. Аверинцев С. С. Христианство в истории европейской культуры // Аверинцев С. С. Другой Рим: избранные статьи. – СПб. : Амфора, 2005.
2. Губман Б. Л. Западная философия культуры XX века. – Тверь : Леан, 1997.
3. Маритен Ж. Философ в мире. – М. : Высшая школа, 1994.
4. Рокитянский В. Традиция и дух времени // Пинский А., Рокитянский В. Традиция и мейнстрим. – М. : Путь, 2000.
5. Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Христианство и культура. – М. : ООО «Изд-во АСТ» ; Харьков : Фолио, 2001.
6. Элиот Т. С. Идея христианского общества // Элиот Т. С. Избранное. – Т. I–II. – М. : РОССПЭН, 2004.

УДК 101.1

Смолина Наталья Сергеевна

канд. филос. наук, доцент кафедры
социальной работы департамента социологии
и политологии, ИСПН, УрФУ им. первого
Президента России Б.Н. Ельцина
(г. Екатеринбург)

Smolina Natal'ya Sergeyevna

Candidate of Philosophy, Associate Professor
at Social Work Chair, Department of Sociology
and Politology, ISPS, Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

**ТРАНСФОРМАЦИИ
НОСТАЛЬГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
О «СОВЕТСКОМ»
В ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

**TRANSFORMING NOSTALGIC
DISCOURSE OF «THE SOVIET»
IN POST-SOVIET ENVIRONMENT**

Аннотация

Статья посвящена ностальгии, характеризующей отношение постсоветского человека к утраченному советскому прошлому. Особое внимание уделено ностальгии 30-летних, нашедшей выражение в виртуальном пространстве Интернета. Интернет позволил выстроить социальные коммуникации нового типа (через создание виртуальных сообществ, через формирование аудиовизуального ряда «советского» в рамках таких сайтов, как www.76-82.ru, www.savok.name, сообщество «Советская жизнь» на www.livejournal.ru, www.sovetika.ru, www.odnoklassniki.ru и др.). Объектом любования участников сетевых сообществ становятся артефакты советского детства. Подобные процессы объясняются в связи с защитной реакцией общества, находящегося в процессе перехода от «советского» к «российскому». Ностальгия рассматривается сквозь призму социальных изменений и процессов коллективной идентификации. Ностальгия в таком ракурсе становится не только средством терапии, но и полем выстраивания коллективной идентичности постсоветского человека.

Ключевые слова: ностальгия; постсоветский человек; коллективная идентичность; социальные практики; советское прошлое; сетевые сообщества; коллективная травма; информационное общество.

Abstract

The article is devoted to the nostalgia characterizing the relation of a Post-Soviet person to the lost Soviet past. The special attention is paid to nostalgia of the 30-year-old that found expression in virtual space of the Internet. The Internet allowed to build social communications of a new type (through creation of virtual communities, through formation of audio and visual identity of «the Soviet» within such sites as www.76-82.ru, www.savok.name, community «Soviet life» on www.livejournal.ru, www.sovetika.ru, www.odnoklassniki.ru, etc.). Artifacts of the Soviet childhood become the objects of admire for network communities participants. These phenomena are explained by the society's defensive reaction in process of transition from «Soviet» to «Russian». Nostalgia is treated through a prism of social changes and processes of collective identification. In such circumstances nostalgia becomes not only a means of therapy, but also a context forming collective identity of the Post-Soviet person.

Keywords: nostalgia; post-Soviet man; collective identity; social practices; Soviet past; online communities; collective trauma; information Society.

Современная социальная реальность определяется ее участниками как «постсоветская». «Сам факт существования термина “постсоветский” говорит о некой неопределенности участников социальных отношений о качестве реальности, о незавершенности социального транзита от “советского” к “российскому”, новому качеству социальной действительности. Однако сама незаполненность и социальные практики, используемые для освоения прошлого, настоящего и будущего, не-

однородны. Ткань социальной реальности изменчива, хотя процесс происходит медленно и обычному социальному наблюдателю не так явен.

На наш взгляд, постепенно в постсоветской действительности меняются практики работы с ностальгией. Социальная действительность совершает медленный поворот от ностальгии как тоске по утраченной советской реальности до ностальгии как способе рефлексии прошлого через осознание невозможности это прошлое вернуть в том виде, как оно существовало. Однако очевидность восприятия этих процессов затрудняется незавуалированным желанием власти использовать символический потенциал ностальгического дискурса.

Коллективная травма, образовавшаяся вследствие распада советского пространства, первоначально преодолевается практиками ностальгирования. Ностальгия представляется нам социальной формой определения, интерпретации, выражения или толкования травматических событий посредством фонда культурных ресурсов, например с помощью литературы, кино, живописи и т. д. Подобные механизмы направлены на *проживание* ситуации утраты привычного образа жизни. Вместе с тем осознание неизбежности социальных изменений, невозможности вернуться в прошлое побуждает постсоветского человека адаптироваться к новой ситуации, даже несмотря на то, что процесс трансформации становится перманентным. В этом ключе ностальгия участвует в адаптационных процессах, смягчая процесс перехода, выполняя компенсаторную функцию. При этом в логике гуманитарных исследований ностальгия не воспринимается как феномен исключительно постсоветского общества, скорее это универсальный защитный механизм человечества в переломные периоды истории (подробно пишет об этом антрополог Светлана Бойм в своей статье “Будущее ностальгии” [3]). Для нас ностальгия, одновременно, это способ видения отношений человека и нации, индивидуального и коллективного. Через практики ностальгирования легко увидеть и практики коллективной идентификации, позволяющие говорить о некоем коллективном “Мы”» [6].

С нашей точки зрения, практики ностальгирования наиболее демонстративны и показательны в пространстве Интернета, где за последние годы появились ресурсы, использующие потребность человека в ностальгировании.

Отметим, что для российской действительности начала XXI в. характерен всплеск стихийной ностальгии по советскому детству. По словам А. Тихомировой, исследующей постсоветское пространство, «это и участвовавшие тематические выставки, стремящиеся научно обработать прошлое, но в основном преследующие ностальгические цели (Наше счастливое детство 2001; В поисках утраченного детства 2006–2007), это и расцвет телеканала “Ностальгия”, и ретровечеринки в советском стиле, и феномен ребрендинга, наконец это обилие поколенческих сообществ “Живого журнала”» [7. С. 191].

«В этой связи наш интерес сводится к анализу динамики рефлексии поколением “последних советских детей” по поводу советского прошлого в интернет-пространстве. Поколение 30-летних, проявляющее максимальную экономическую активность и высокую покупательную способность, в результате социальных трансформаций оказалось перед проблемой коллективной самоидентификации. Нам представляется, что фактором солидаризации у поколения “последних советских детей” становится его эмоциональная вовлеченность в процессы ностальгирования. Именно этот факт объединяет их в поколение, позволяя идентифицировать себя как сообщество.

Информационное общество накладывает свой отпечаток не только на свойства социального взаимодействия, но и на формы и практики процесса идентификации. В этом смысле Интернет становится “пространством идентификации”: человек, получая возможность коммуницировать с русскоязычным населением всего

земного шара, так или иначе выходит на сюжеты “Мы”, “Они”, “свой”, “чужой”, в таких разговорах “свое” получает четкую артикуляцию и маркировку. К тому же сообщества российского Интернета отличаются ярко выраженной склонностью к рефлексии» [8. С. 21]. В силу того что Интернет развивался в России в период общих социальных, политических и экономических преобразований, для многих людей именно виртуальное пространство стало площадкой для обсуждения происходящих преобразований и своего участия в них.

На наш взгляд, наиболее репрезентативными ресурсами, имеющими отношение к нашей теме, являются сайты: www.76-82.ru (позднее переименованный в www.e-n-d.ru (Энциклопедия нашего детства), www.savok.name, www.livejournal.ru (сообщество “Советская жизнь”), www.sovetika.ru, www.odnoklassniki.ru.

В виртуальном пространстве можно обнаружить следующие стратегии и практики работы с “советской эпохой” и с памятью о советской эпохе: стратегии музеефикации и практики ностальгирования. Сайты, посвященные советской эпохе, предлагают некие энциклопедии советской жизни, где советские вещи, предметы, фото и другие культурные объекты становятся предметом любования, умиления, коллекционирования, собирания поколением 30-летних в интернет-пространстве. Упомянутые нами сайты используют коммеморативные практики, осуществляющие путешествие не столько в пространстве, сколько во времени» [6].

Так, сайт www.76-82.ru репрезентирует свои ресурсы как «энциклопедию нашего детства». Этот сайт является некоммерческим проектом компании Notamedia, занимающейся дизайном (разработка фирменного стиля, веб-дизайн и т. д.) и ее директора Адриана Крупчинского, представителя поколения 30-летних. Сайт функционирует с 20 октября 2005 г. и посвящен воспоминаниям людей, которые родились в период с 1976-го по 1982 год, тем, чье детство прошло в огромной стране под названием СССР. При создании этого сайта сотрудникам компании, в большинстве своем вписывающимся в возрастные рамки 1976–1982, пришлось вспоминать все до мелочей, опрашивать друзей, знакомых и незнакомых. Послание к посетителям сайта гласит: «Из дома были принесены старые игрушки, фотографии, с антресолей достали пыльные открытки, с дач привезли подшивки журналов; в какой-то момент заваленный всеми этими артефактами офис компании стал напоминать живую иллюстрацию к сказке “Цветик-семицветик”, к эпизоду, когда мечта об игрушках сбывается, зато теперь, на этих страницах, собрано то, что определило взрослость родившихся в период 76–82» [1]. Стоит добавить, что в «Живом Журнале» (Livejournal) по следам этого сайта появилось сообщество «1976–1982», благодаря чему участники ресурса, родившиеся в этот период, осознают себя как цельное поколение.

«Другой сайт – www.savok.name – адресован всем, кто родился в СССР (временные рамки, как в предыдущем случае, не задаются). Во вступительном слове создателей сайта Советский Союз определяется через набор символов, общезначимых для всех, кто родился в СССР: победа в Великой Отечественной войне, Олимпийский мишка, “Спокойной ночи, малыши” и программа “Время”. Такое перечисление прорисовывает образ страны, откуда мы родом, страны, которую по-прежнему можно любить, несмотря на то, что ее больше не существует. Так в ностальгическую направленность сайта вписываются патриотические ноты.

Сайт www.savok.name также предлагает посетителям своеобразный путеводитель по советской жизни, включающий диафильмы, анекдоты, песни, культовые места (например, к числу подобных мест авторами сайта относится “Детский Мир” в Москве), фотографии, карты, плакаты, открытки и т. д. Сам дизайн ресурса выполнен в стилистике советских изданий – словно на грязно-серой макулатурной бумаге. Визуальный ряд, предлагаемый посетителям, будет понятен и знаком даже тем, кто прожил в Советском Союзе десять детских лет (столь малый

срок жизни, с точки зрения авторов, не должен помешать постсоветскому человеку любить Советскую Родину). Сайт www.sovetika.ru представляет собой попытку создать всеобъемлющую энциклопедию советской эпохи с демонстрацией всех ее составляющих: артефактов, предметов быта, текстов и многого другого» [8].

Другой пример – сообщество «Советская жизнь» в «Живом Журнале»: объекты советской жизни в фотографиях, картинах советских художников и воспоминаниях посетителей сайта. Представленный ряд состоит из предметов быта, мебели, кухонной утвари, скамейки во дворе родного дома, детского сада, игрушек, автомобилей тех лет, будильников, телефонов, косметики, флакончиков, баночек, ценников, проездных билетов, театральных программ, косынок, шапок, пальто, вешалок, удостоверений, значков, марок, этикеток, пионерских галстуков, школьных дневников и т. д. Каждая вещь сопровождается комментарием-воспоминанием; при этом споры о том, кому жилось лучше, кому хуже, не поддерживаются. «Советский предмет» любовно выставляется на всеобщее обозрение и обсуждается участниками сетевых сообществ.

«Представляется, что подобные интернет-ресурсы становятся катализаторами воспоминаний о советском прошлом (для поколения молодых – о советском детстве): предметно-вещный мир “советского”, визуально представленный в интернет-пространстве, провоцирует воспоминания не только о вещах, но и о связанных с ними, эмоционально окрашенных тактильных ощущениях, вкусах, звуках и запахах.

Постсоветский человек находится в процессе постоянного коллективного воспоминания прошлой эпохи с ностальгической тональностью. Постсоветская масса предстает как переживающая травму распада советской империи и кризис коллективной идентичности. В этом ключе человек пользуется своими воспоминаниями как компенсаторным средством (в том числе, чтобы забыть настоящее). Травма преодолевается меморативными и ностальгическими практиками.

Следует отметить, что ностальгия демонстрируется средствами массовой информации: различными телепроектами, телеканалами с доминирующей ностальгической тональностью, радиостанциями с набором советской музыки, в том числе в современном звучании, сериалами с “советскими сюжетами”. Так люди разных поколений, в том числе поколения 30-летних, могут и впитать, и выразить в различных меморативных текстах ностальгические настроения по “советскому”. Мода на социальные сети только подтверждает эту потребность.

Подобные сетевые сообщества могут быть описаны как “сообщества ностальгирующих”. Интернет позволяет производить, по выражению И. Кукулина, “пространства коллективной ностальгии” [4] со свойственными им коллективными практиками. Именно на страницах таких сообществ человек получает возможность тосковать по прошлому в виртуальном формате, причем ностальгирование происходит *совместно*: представители последнего поколения советских детей *совместно* переживают, проживают социальные трансформации. Пассажи, начинающиеся со слов “А помните...”, на страничках Интернета встречаются очень часто. Ностальгия становится механизмом коллективного переживания, прочувствования совместных социальных эмоций, оказывая некую коллективную терапию.

Интернет-пространство предлагает посетителям “советский” аудиовизуальный ряд, пополняемый самими пользователями; именно этот ряд становится социальным контекстом, в рамках которого организуется процесс воспоминания. Общество и составляющие его группы, вырабатывая собственную коллективную память, в первую очередь создают именно рамки пространственно-временного континуума, куда вписываются воспоминания отдельных участников. Формат социальных сетей, позволяющий найти человека по определенным кластерам, организует удобную площадку для ностальгирования, воспоминания среди “своих”,

схожих по параметрам возраста и социальной принадлежности. Для поколения 30-летних «советский» ряд предлагается, прежде всего, интернет-ресурсами, для старших поколений на пополнение этого ряда «работают» массмедиа (радио, телевидение, кино). И поколение 30-летних, и старшие поколения вспоминают об одних и тех же позднесоветских годах изобилия, но для первых это было детство, для вторых – зрелость. Ввиду различий горизонта воспоминаний, поколения 30-летних ностальгируют, прежде всего, по своим детским впечатлениям от советской эпохи» [6].

Предметом ностальгии для молодого поколения выступает, главным образом, вещно-предметный мир и пантеон героев советского детства – персонажи советских мультфильмов и детских художественных фильмов. Благодаря этому происходит своего рода персонификация советскости. Как отмечают авторы сборника «Веселые человечки: культурные герои советского детства», посвященного детальному анализу образов любимцев советских детей, «именно через этих любимых героев осуществляется вполне реальная и осязаемая связь между советскими и постсоветскими поколениями: Чебурашку или Винни-Пуха родители и дети любят одинаково» [4. С. 6]. С точки зрения авторов, анализ персонажей советского детства показывает, как образы, предназначенные исключительно для детей, «трансформируются в образчики культуры, дающие представления о советском обществе в целом... Являясь частью официальной массовой культуры, “веселые человечки” 1960–1970-х тем не менее дали жизнь формам взросления, которые с трудом вписывались в рамки самой этой культуры» [Там же. С. 13].

Культурные герои (в качестве таковых авторы сборника называют Айболита, Буратино, Незнайку, Карлсона, Вини-Пуха, Чебурашку, Волка и Зайца из мультфильма «Ну, погоди!», кота Леопольда, Электроника и многих других) позволяют увидеть механизмы, с помощью которых «советская культура обеспечивала воспроизводство взрослых соответствующего типа и маргинализировала тех, кто выходил за допустимые рамки» [Там же]. Этот пантеон формирует узнаваемую мифологию советского и постсоветского детства; художественные образы задавали не только модели детского поведения, но и модели взросления. Все эти герои становятся предметом ностальгирования у бывших советских людей и в то же время остаются значимыми и для современных российских детей.

Дети, будучи биологически категоризированной (в силу своего возраста и физической зависимости) маргинальной группой, мнимо удаленной от экономических структур и процесса производства, тем не менее становятся трансляторами человеческого опыта. Усвоенные в детстве модели поведения, ценности, практики и представления легко воспроизводятся в дальнейшей жизни. Дети, наученные обращаться с советскими вещами и предметами сразу «по-советски», легко включают «советское» в свой повседневный обиход. В этом смысле утрата привычного с детства мира (в том числе игрушек, героев и вещей) непременно становится причиной кризиса идентичности. Для поколения 30-летних, как и для любого постсоветского человека, распад СССР оказался травмой, повлекшей за собой кризис коллективной идентичности. Доступным способом преодоления коллективной травмы стала ностальгия, позволившая российскому человеку «заретушировать» социальные трансформации, привнеся в социальный хронотоп «простые и понятные» смыслы и значения. Ностальгия постсоветского человека не вызвана стремлением вернуть советский строй, это способ «проживания» социальных изменений.

В каком-то смысле «ностальгирующие» демонстрируют в своих высказываниях универсальное представление, что в детстве все было «вкусней». В этом ключе «советское» в памяти постсоветского человека ассоциируется с определенными специфическими «советскими» продуктами, недоступными сегодня. «На-

всегда оставшись в прошлом, эти знакомые продукты стали “роскошью”», – рассуждает К. Келли, анализирующая ностальгию российского человека по советскому детству [5. С. 171]. Такая ностальгия, по ее утверждению, не обязательно преобразуется в просоветскую политическую позицию: для многих детство четко связано с определенным жизненным периодом («детство есть детство»), который не нагружен особым смыслом для состоявшегося взрослого, за исключением, пожалуй, того момента, когда он или она принимает решение о том, как воспитывать собственных детей. Притягательность привычных советских вещей сегодня, с ее точки зрения, обусловлена тем фактом, что «теперь даже то, что когда-то находилось в свободном доступе и чего даже не хотелось в пору типичного “счастливого детства”, став недоступным, начинает символизировать недостижимые удовольствия» [Там же]. Ностальгия по «советскому» проявляется именно на уровне потребления: отсюда «в чатах и форумах в Интернете постоянно встречаются воспоминания о вещах и продуктах питания, которые когда-то были в продаже» [Там же. С. 169–170].

«Механизмы и формы ностальгирования становятся неким фактором объединения для поколения 30-летних, очень разобщенного в классовом, финансовом, социальном смыслах. Самые успешные и активные социальные слои в постсоветском обществе очень разнородны по своему составу: научные работники, открывшие в себе бизнес-талант, “бывшие комсомольцы”, дети высшей бюрократии, а также новая генерация способных молодых людей, “удачно нашедших свою нишу в современной российской экономике” [8. С. 288]. Их образование варьируется от неполного среднего и “сомнительных” дипломов постперестроечных негосударственных вузов до ученых степеней ведущих отечественных и западных университетов. За плечами у большинства из них – “постоянная смена рода деятельности, бесконечная череда разовых проектов, смена объектов бизнес-активности” [Там же]. Язык символов советского детства становится единственным сохранившимся у них общим языком, а пространство Интернета становится той общей площадкой, на которой вырисовывается “стилистическое единство” этой гетерогенной социальной группы. Общее прошлое помогает установить поколенческое единство поверх социальных швов. Потому ностальгия выступает не только формой коллективной терапии, но и механизмом самоидентификации (на вопрос “кто мы?” поколение 30-летних с легкостью может ответить: “мы родом из советского детства”, “наша Родина – СССР”).

Коллективное воспоминание позволяет открыть “советское” вновь; благодаря пересказыванию друг другу деталей детства, “советское” в интернет-пространстве “производится” заново, отчасти происходит определенная рефлексия: “артефакты прошлого заставляют... вольно или невольно проговаривать собственную позицию в отношении советского периода” [2]. Полученную картину нельзя назвать репродукцией, она всегда будет реконструкцией прежнего опыта. Память выносит на поверхность позитивные общезначимые смыслы и ценности. Советская эпоха корректируется “детскими” воспоминаниями, выглядит светло и ясно. Память любого из нас селективна: выбирает наиболее яркие и запоминающиеся вещи и ситуации и при этом стремится к нормализации прошлого, стиранию его самых травматичных моментов; поэтому негативных воспоминаний в интернет-пространстве на порядок меньше, чем положительных. В конечном итоге, коллективная память 30-летних, содержательно заданная интернет-дискурсом воспоминаний, мифологизирует советское прошлое» [6].

Благодаря появлению виртуальных ресурсов, нацеленных на создание «энциклопедий советской жизни», происходит своеобразная музеефикация прошедшей эпохи, возникает заданная форматом музея тональность умиления и любования советским предметом. Посетитель, попадая в подобную галерею, настроив-

шись на умиление и любование, в той же тональности вспоминает и свое собственное прошлое (в случае 30-летних – свое детство). Иными словами, визуальный ряд таких ресурсов организует процесс воспоминания, задает «социальные рамки» коллективной памяти. Пример тому – стиль сообщества «Советская жизнь», где каждая новая фотография советского предмета обязательно сопровождается комментарием-воспоминанием ее автора и других посетителей.

«Постсоветское сообщество – это сообщество ностальгирующих и вспоминающих, и именно в меморативных практиках и практиках ностальгирования выстраивается система коллективной идентификации сегодня. “Советское” актуализируется, становясь средством *проживания* транзита и трансформации, а изменение социальных качеств системы коммуникации делает возможным репродукцию “советского” на абсолютно новых носителях, не существовавших в советскую эпоху» [6].

Таким образом, ностальгия может быть следствием стремления общества к прошлым символам, стремления их реконструировать, воссоздать образ прошлого в настоящем. Тогда в социальной реальности доминирует сюжет преемственности с прошлым, его символами и ценностями, компенсирующий тоску человека по утраченному прошлому. В случае постсоветской действительности это еще и способ консолидации общества: на фоне дефицита символических смыслов прошлое является единственным «общим местом», объединяющим постсоветских граждан в «Мы». Одновременно ностальгия – это способ рефлексии над прошлым. В таком случае включаются механизмы критического мышления. Однако эти процессы осложняются властными стратегиями работы с советским прошлым: на властном уровне ностальгический дискурс о советском работает на консолидацию общества, при этом используются механизмы, знакомые с советского времени: через конструирование образа «врага» и смыслового наполнения конструкта «Родина», ее величия. Безусловно, для социальной действительности «полезнее» рефлексировать над утраченным прошлым, нежели стремиться его воссоздать.

Литература

1. Энциклопедия нашего детства [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.76-82.ru>
2. Абрамов Р. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ [Электронный ресурс] // Inter. – 2011. – № 6. – URL: http://soc.hse.ru/data/2011/06/28/1216315527/Abramov_inter_nostalgia_article.pdf
3. Бойм С. Будущее ностальгии [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 3. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3725>
4. Веселые человечки: культурные герои советского детства. – М., 2008.
5. Келли К. Роскошь или первая необходимость? Продажа и покупка товаров для детей в России в постсталинскую эпоху // Теория моды. – 2008. – № 8.
6. Смолина Н. С. «Советское» в постсоветском пространстве: анализ ностальгических сообществ // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2014. – Вып. 33.
7. Тихомирова А. Микки-Маусы на майках: детская одежда в СССР в 1980-е годы // Теория моды. – 2008. – № 8.
8. Control + Shift: публичное и личное в русском интернете. – М., 2009.

УДК 130.2

Фаленкова Евгения Владимировна

канд. филос. наук, старший преподаватель
кафедры философии и истории, ФГБОУ ВПО
Уральский государственный университет путей
сообщения (г. Екатеринбург)
E-mail: janeg-ok@mail.ru

Falenkova Yevgeniya Vladimirovna

Candidate of Philosophy, Senior Lecturer
at the Chair of Philosophy and History, Ural State
University of Railway Transport (Ekaterinburg)

**ДУХОВНЫЙ ПУТЬ СТРАННИКА
В ФИЛОСОФСКО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО**

**SPIRITUAL JOURNEY
OF A WANDERER
IN L. TOLSTOY'S PHILOSOPHICAL
AND ARTISTIC CREATION**

Аннотация

Путь осмысления писателем странничества начался со светской трактовки этого феномена, что нашло отражение в его художественных произведениях раннего периода. Впоследствии, перейдя к размышлениям религиозно-философского содержания, мыслитель углубил свое понимание странничества в русле богоискательства, о чем свидетельствуют его поздние художественные произведения, публицистика, дневники.

Ключевые слова: духовность; путь; странник; странничество; поиск; художественное творчество; богоискательство; богостроительство.

Abstract

The article analyzes L. Tolstoy's literary works of the early period that reflected the writer's interpretation of wandering as a secular phenomenon. Later, moving on to religious and philosophical contemplations, the thinker made his understanding of God-seeking wandering more profound in line with the Russian God-seeking movement, as his late works of art, journalistic reviews, diaries witness.

Key words: spirituality; journey; wandering; searching; artistic creation; God-seeking; God-building.

Странничество как интенция духовного поиска и элемент религиозной культуры имеет широкое системное и целостное осмысление. История постановки вопроса берет начало в патристике и богословии.

Странничество находилось в русле православной традиции, закреплённой исторически. Древнерусское сознание перенимает опыт первых христианских странников, подражающих Христу, не имевшему места «где преклонить голову» [Мф., 8.20] и учившему не «собирать» сокровищ на земле, «где моль и ржа истребляют и где воды подкапывают и крадут», а полностью предаться воле Божьей, «искать прежде Царства Божия и правды Его» [Мф., 19:34].

На Руси к странникам почти всегда, за крайне редким исключением, относились благожелательно. Данное явление воспринималось как духовный подвиг, на который способны не многие люди, а значит, не такие, как все, иные. Инаковость – одна из самобытных черт странника.

Таким образом, как феномен странничество сформировалось в русле религиозной культуры.

В словаре В. Даля «странник – богомолец, нищий»; С. И. Ожегова «странник – человек, странствующий пешком, ходящий на богомолье»; в святоотеческом толковании «странник – христианин, уверенный в действиях промысла Божия, покорится святой воле Его и познает, что в здешней юдоли он есть странник, идущий в свое Отечество» [1].

К середине XIX века, в связи с интенсивными духовными поисками в русском обществе, трактовка этого явления приобрела светский характер. К началу XX века феномен странничества получил философское осмысление, что нашло отражение в трудах крупных представителей русской философской мысли конца XIX – первой половины XX века.

Странничество, несмотря на то что в ряде исследований [2. С. 3] представлены попытки соотнести его с такими девиациями, как бродяжничество и тунеядство, есть явление самостоятельное, его сущность связана с религиозными и духовными исканиями человека.

Л. Н. Толстой осмысливал феномен странничества в русле действующей культурной традиции своего времени. Путь осмысления писателем странничества начался со светской трактовки этого феномена, что нашло отражение в его художественных произведениях раннего периода. Впоследствии, перейдя к размышлениям религиозно-философского содержания, мыслитель углубил свое понимание странничества в русле богоискательства, о чем свидетельствуют его поздние художественные произведения, публицистика, дневники. Его путь духовного странничества на стадии богоискательства был самостоятельным. Он связал устремленность к Богу с обретением смысла жизни. В трактовке Л. Н. Толстого целью богопознания является не забота о том, что будет с душой человека после смерти, а правильность земной жизни в виде благих дел и единения душ людей. Понимание этого подвигло Толстого на собственную трактовку священных текстов и оценку с этих позиций церковных обрядов. Как следствие, на стадии богостроительства он пошел по пути реформации, что привело к разрыву с Русской православной церковью. В соответствии с этим мы выделяем этапы эволюции в осмыслении Л. Н. Толстым странничества:

- этап художественной деятельности (1852–1878);
- этап богоискательства и реформаторства (1878–1887): «Исповедь», «Исследование догматического богословия», «Соединение и перевод четырех Евангелий»;
- этап богостроительства (1887–1910): «О жизни», «Религия и нравственность», «Христианское учение», «Путь жизни».

Проблема странничества как пути духовного осмысления человеком своего душевного естества представлена в творчестве Л. Н. Толстого в двух параллельных срезах: дневниках и собственно художественно-философских произведениях. Это показывает, что в своем собственном пути духовного странничества Л. Н. Толстой все время выходил за границы личного опыта, расширяя его за счет художественных образов странников. Описывая различные версии выбора ими стези жизни, художник осмыслял различные варианты пути странника.

Л. Н. Толстой создал модель странничества в виде стратегии пути странника. Этот путь начинается с «ухода» героя, чем он «сообщает» об абсолютном неприятии окружающей его действительности, и проходит через следующие этапы: падение (как потеря человеком смысла жизни) – преображение (как поиск его) – воскресение (как обретение смысла жизни). Каждый этап открывает герою последующую цель его странствия, что обеспечивает динамику его духовного развития.

Тексты позднего Л. Н. Толстого несут проповеднический, моральный, дидактический концепт, а потому история странника должна обрести развязку, подойти к своему определенному итогу. Путь знакового героя Л. Н. Толстого лежит через уход, и автор определяет стратегию движения «своего» странника.

Специфика художественного приема Л. Н. Толстого, который можно обозначить как «стратегия пути», заключается в том, что вначале знаковый герой не видит цели своего странствия. По замыслу автора, странник формирует цель пути уже в процессе движения. Однако постепенно, преодолевая каждый из обозна-

ченных этапов пути, странник начинает видеть желаемую цель и стремится к ней уже осознанно («Посмертные записки старца Федора Кузмича», «Отец Сергей», «Воскресение»).

В своих философских размышлениях Л. Н. Толстой обращается к значению проблемы падения человека, закрепленной в христианской традиции, и придерживается ее. Сравним трактовку слова «падение» богословами и Л. Н. Толстым.

Преподобный Исаак Сирин пишет: «По причине падения тело вступило в ряд с телами животных. Оно служит для души темницею и гробом. Нужно очищение себя тщательным покаянием, нужно ощутить хотя бы в некоторой степени свободу и высоту состояния духовного» [4. С. 163].

По мысли Л. Н. Толстого, падение – это преступление духовного закона – грех. Он искупается раскаянием: «Падение и раскаяние и неизбежны, и необходимы как спасительное “лекарство” от самомнения и гордыни. Чувства отчаяния и вины не отдаляют, а приближают человека к Богу, к смыслу жизни» [5. С. 89]. Л. Н. Толстой акцентирует внимание на проблеме мертвости и грубости чувств человека, атрофировавшихся из-за его потребности в исключительно материальных благах, когда он забывает о потребностях души.

Противостояние человека условиям духовного падения, сформированным и узаконенным светскими и политическими условиями жизни общества, – одна из основных тем творчества Л. Н. Толстого конца XIX – начала XX века. Именно она стоит в центре драмы «Живой труп» (1900), повестей «Крейцера соната» (1889), «Отец Сергей» (1890–1898), «Фальшивый купон» (1904) и ряда других произведений. Писатель с особой кропотливостью описывает условия, при которых совершается процесс внутреннего, духовного падения человека: существование армий и тюрем («Фальшивый купон», «После бала»), засилье невежества, умственного мрака («Власть тьмы»), развязность и развращенность светского общества («Воскресение»).

Падение знакового героя Л. Н. Толстого происходит по причине религиозного кризиса, его духовное преображение также носит религиозный характер.

После падения, которое является в повествовании художника обязательным условием, знаковый герой становится странником, «уходящим» к новой жизни. При этом он может либо действительно уйти (как, например, отец Сергей или Федор Кузмич), либо остаться (Николай Иванович в «И свет во тьме светит», Иван Васильевич в «После бала»). Независимо от выбранного действия, он оставляет высший свет, близкое окружение, материальные блага, тем самым «умирая» для общества. Следующий этап – духовное возрождение, или преображение.

Духовное возрождение совершается после изменения духовного естества человека, когда он начинает жить по законам духовным – герой «чистит душу» покаянием, в молитве обретает крепость, осознает вину и греховность своей предшествующей жизни.

В каждом позднем произведении автора мораль определена религией, любое повествование художник начинает с цитат из текстов Евангелия, «Псалтири» и «Посланий апостолов» (например, «Крейцера соната», «Чем люди живы», «Власть тьмы», «Кающийся грешник»). Помимо этого, терминология религиозного содержания свидетельствует, что Л. Н. Толстой акцентирует внимание не столько на моральном или нравственном преображении героя, как предполагают исследователи [6], сколько на духовном, которое определяется религией, так как достигается путем некой формы аскезы.

В связи с этим целью позднего Л. Н. Толстого – и как художника слова, и как мыслителя – становится богостроительство: поиск Истины христианства и соответственно всей догматики учения. То, что Христос взял в ученики людей обычных, без званий и степеней («В чем моя вера?»), стало для Л. Н. Толстого важным

моментом. В художественных текстах писателя нет сложной для понимания неграмотного крестьянина философской или богословской терминологии, за что многие из современников упрекали его в невежестве (например, С. Булгаков, И. А. Ильин, К. Н. Леонтьев). Терминологическую базу назидательных, проповеднических текстов Л. Н. Толстого заменяют многочисленные образы странников, которые открывают и принимают христианство как вероучение, преображающее даже самого безнадежного грешника, такого как, например, Степан Пелагеюшкин – «жестокий и равнодушный человекоубийца».

Заключительный этап духовного странствования своего героя Л. Н. Толстой видит в его духовном воскресении. Пройденные этапы жизни толстовского странника – падение, преображение – завершаются воскресением, которое венчает его духовный поиск. Тем самым художественно реализуется идея автора, что только «страданиями и испытаниями человек может приблизиться к совершенству и очиститься от греховного своего состояния» [7. С. 152].

Чаще всего постановка вопроса о воскресении в творчестве позднего Л. Н. Толстого приводит исследователей к художественным образам одноименного романа. Однако понятие «воскресение» многограннее для самого писателя на столько же, на сколько и само слово «воскреснуть»: «выйти из состояния упадка, почувствовать прилив новых сил»; «вернуть жизнь умершему, предать силы, бодрости, оживить... Освящение ума есть воскресение души» [8].

Воскресение для Л. Н. Толстого – это обретение духовной свободы (когда поиск завершен), освящение ума светом Истины, познание своей духовной сущности, смысла своего земного предназначения. Воскресшая душа подлинно свободна потому, что человек приносит себя в жертву ради других и способен бескорыстно служить высшим идеалам, – считает мыслитель. И все же для каждого странника автор определил свое «воскресение», но при обязательном условии – исполнении духовного закона.

Духовно-религиозный путь странника (от падения к воскресению), представленный писателем, единичен и уникален. Падение, которое становится обязательным условием преображения и воскресения, автор вводит с целью наглядного примера сакральной силы Евангелия («Фальшивый купон»), морали и нравственности, основанной на истинной религиозности («Отец Сергей»), силы молитвы, покаяния.

Например, в драме «Власть тьмы, или Коготок увяз всей птичке пропасть» воскресение Никиты заключено не столько в раскаянии, сколько в акте его природного покаяния, обличении себя, озвучивании каждого своего преступления, в отсутствии страха перед наказанием и людьми: «Говори, дитятко, все говори, легче будет. Кайся Богу, не бойся людей. Бог-то, Бог-то!» [9]. Вместе с Никитой на собственной свадьбе к покаянию приходит и Акулина, соучастница убийства своего новорожденного ребенка. Здесь поступок одного человека влечет исправление остальных – это, по замыслу автора, и есть реализация духовного закона.

Таким образом, художественный прием Л. Н. Толстого, обозначенный нами как стратегия пути странника, позволяет более подробно увидеть позицию Л. Н. Толстого в вопросе преодоления духовно-религиозного кризиса, в котором оказалось не одно поколение.

Герои Л. Н. Толстого, равно как и ситуации, влияющие на их дальнейший выбор, разнообразны, в связи с чем нельзя считать, что путь от падения к воскресению есть лишь схема, по которой одинаково следуют все персонажи художника. Позиция автора заключена в художественной передаче условий прохождения тех жизненных этапов, посредством которых знаковый герой может преодолеть состояние духовного упадка, потери смысла жизни, одиночества, отчужденности, безразличия, греховности, но при условии: если он сам сознает свое положение

как таковое; если нет – на его пути появляются другие персонажи, которые заставляют его задуматься.

Религиозный поиск Л. Н. Толстого стал квинтэссенцией религиозных, духовных и нравственных ориентиров целой эпохи. Призыв яснополянского философа к воспоминанию о самых естественных, а потому не требующих мудрствования поступках (со ссылкой на Нагорную проповедь Христа) получил мощную поддержку со стороны общественности. Мотивы странничества как устремленности к новой реальности, стирающей противоречия между внутренним и внешним миром героя, «путь» знакового героя, обогащающий, нравственно возвышающий его, при этом подкрепленный примером самого автора, не мог не отозваться в душе людей мощным импульсом к развитию их сознания.

Литература

1. Преподобный Макарий Оптинский. Письма к мирским особам. – М. : Отчий дом; Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной Пустыни, 2009.
2. Шляков А. В. Бродяжничество как феномен повседневной культуры : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – Тюмень, 2009.
3. Пентюхов А. В. Бродяжничество как социальное явление: Генезис, технологии предупреждения и регулирования : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. – Нижний Новгород, 2005.
4. Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2012.
5. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. – М. : Художественная литература, 1952. – Т. 51 : Дневник и записные книжки 1890.
6. Гаричева Е. А. «Христос воскресил меня». Категория преображения личности в романах Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс] // Православный паломнический портал «Паломник». – URL: http://palomnic.org/bibl_lit/obzor/dostoevsky (дата обращения: 19.01.2014).
7. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. – М. : Художественная литература, 1937. – Т. 55 : Дневники, записные книжки и отдельные записи Л. Н. Толстого за 1904–1906 гг.
8. Преподобный Симеон. Новый Богослов Творения : в 3 т. – Т. 1. – М. : Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1993.
9. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / под ред. М. Б. Храпченко ; [коммент. Ю. П. Рыбаковой]. – М. : Художественная литература, 1982. – Т. 11: Драматические произведения 1864–1910.

Редакционная коллегия

- Закс Лев Абрамович** – доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета.
- Мясникова Людмила Анатольевна** – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Гуманитарного университета.
- Агеносов Александр Васильевич** – кандидат технических наук, доцент, декан факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета.
- Балмаева Светлана Дашиевна** – кандидат философских наук, доцент, декан факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета.
- Борисова Ирина Николаевна** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского и иностранных языков Гуманитарного университета.
- Брандт Галина Андреевна** – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, профессор Гуманитарного университета.
- Глушкова Светлана Игоревна** – доктор политических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета, заведующая кафедрой прав человека Гуманитарного университета; приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция).
- Дроздова Алла Владимировна** – кандидат философских наук, доцент, заместитель декана по научной работе факультета социальной психологии, заведующая кафедрой рекламы факультета социальной психологии Гуманитарного университета.
- Зотова Ольга Юрьевна** – доктор психологических наук, доцент, заместитель декана по развитию факультета социальной психологии Гуманитарного университета.
- Зубков Константин Иванович** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой регионоведения Гуманитарного университета.
- Крутько Инна Сергеевна** – доктор психологических наук, заведующая кафедрой управления персоналом факультета социальной психологии, профессор Гуманитарного университета.
- Мицек Сергей Александрович** – доктор экономических наук, доцент, декан факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.
- Мицек Елена Борисовна** – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.
- Перелыгина Елена Борисовна** – доктор психологических наук, профессор, декан факультета социальной психологии Гуманитарного университета, член Президиума Российского психологического общества, действительный член Международной академии педагогических наук и Международной академии акмеологических наук.
- Рамзина Снежана Александровна** – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Гуманитарного университета.
- Росновская Людмила Валентиновна** – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета.
- Семитко Алексей Павлович** – доктор юридических наук, декан юридического факультета, заведующий кафедрой публичного права, профессор Гуманитарного университета; приглашенный профессор университета Париж-Запад (Франция).
- Семякин Михаил Николаевич** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой частного права Гуманитарного университета; профессор УрГЮА.
- Хмелькова Наталья Владимировна** – кандидат экономических наук, доцент факультета компьютерных технологий, заведующая кафедрой экономики и информатизации факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета.

Ямалетдинова Галина Александровна – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой оздоровительной тренировки и профессионально-прикладной физической подготовки, профессор Гуманитарного университета; профессор Института физической культуры, спорта и молодежной политики (ИФКСИМП) УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина.

Редакционный совет

Алексеев Вениамин Васильевич – доктор исторических наук, профессор, академик РАН.

Аман Ив – профессор факультета славистики Университета Париж-Запад (Нантер, Франция).

Болдыгин Геннадий Васильевич – кандидат философских наук, доцент, консультант ректора по экономическим вопросам, почетный профессор Гуманитарного университета.

Бурбулис Геннадий Эдуардович – кандидат философских наук, проректор Международного университета в Москве, Президент Гуманитарно-политологического центра «Стратегия», почетный профессор Гуманитарного университета (Москва).

Голынец Сергей Васильевич – кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории искусств УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, академик Российской Академии художеств, профессор Гуманитарного университета.

Зборовский Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор Гуманитарного университета, профессор УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина и Сургутского государственного педагогического университета.

Киселева–Кастельс Эмма – исполнительный директор Кафедры ЮНЕСКО по образованию и технологиям для социальных изменений, Universitat Oberta de Catalunya (Барселона, Испания).

Руденко Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института философии и права УрО РАН.

Руткевич Алексей Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии и декан философского факультета НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ) НИУ ВШЭ, заведующий сектором современной западной философии Института философии РАН (г. Москва).

Тарасев Александр Михайлович – доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник Института математики и механики УрО РАН, профессор факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- **Гуманитарные науки** (исторические науки, филологические науки, языкознание, философские науки, искусствоведение и культурология)
- **Социально-экономические и общественные науки** (экономические науки, психологические науки, педагогические науки, социологические науки, юридические науки, политология)
- **Технические науки** (информатика, технология материалов и изделий текстильной и легкой промышленности)
- **Физико-математические науки** (математика, математическая логика)

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья уже была опубликована (полностью или частично), автор должен сообщить об этом редакции.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Максимальный объем статьи 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу – в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2. С. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
 - **название статьи;**
 - **сведения об авторах:**
фамилия, имя, отчество **полностью;**
ученая степень, ученое звание, должность,
место работы – **полное название организации;**
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
 - **аннотация** (5–10 строк);
 - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Обязательна рецензия на статью специалиста по данной отрасли знания, **для магистрантов, аспирантов** – отзыв научного руководителя и внешняя рецензия.

Рецензии заверяются подписью и печатью организации и высылаются в адрес редакции (возможен отсканированный вариант – по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма **«Вестник ГУ, область наук»**, например «Вестник ГУ, психология». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год: апрель, июль, октябрь, декабрь.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 (апрель) – до 15 марта

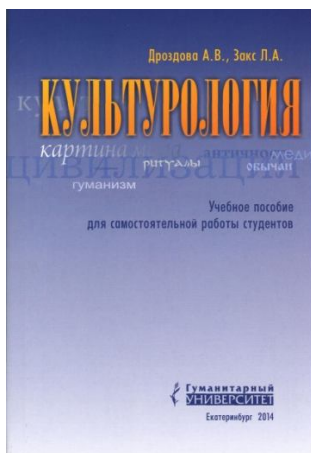
№ 2 (июль) – до 15 мая

№ 3 (октябрь) – до 15 сентября

№ 4 (декабрь) – до 15 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 365-99-73.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**

Дроздова А. В., Закс Л. А.

Культурология. Учебное пособие для самостоятельной работы студентов / А. В. Дроздова, Л. А. Закс. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2014. – 634 с.

ISBN 978-5-7741-0216-7

Настоящее издание дает представление об основных направлениях, школах и понятиях культурологии. В учебном пособии показана эволюция культурных идей и взаимодействие разных концепций культуры, рассматриваются проблемы современной культуры, ее актуальные формы и социокультурные практики в эпоху информационного общества.

В издание включены необходимые методические рекомендации, которые позволят студентам самостоятельно познакомиться с наиболее яркими работами культурологической классики и текстами современных авторов, а также помогут углубленному изучению дисциплины.

Издание является существенным дополнением к курсу лекций и учебникам, рекомендовано для подготовки студентов всех специальностей, аспирантов и магистрантов.

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстету А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Хмелькова Н. В.

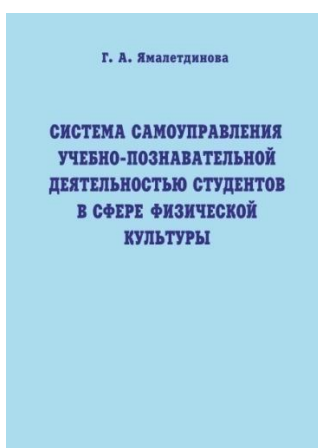
Теоретико-методологические основы ко-брендинга : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 294 с.

ISBN 978-5-7741-0217-4

В монографии предложен авторский взгляд на формирование теоретико-методологических подходов, позволяющих совершенствовать маркетинговые взаимодействия организаций в рамках ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов.

Структура работы обусловлена стремлением автора раскрыть теоретические аспекты, методологию формирования и реализации ко-брендинга с междисциплинарных позиций и на основе системного подхода. В первых главах монографии дано теоретико-методологическое обоснование предпосылок возникновения ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов, предлагаются направления совершенствования теории объединения брендов, методология, алгоритм и инструментарий ко-брендинга и организационно-экономический механизм его реализации. В заключительной главе работы определены современные направления реализации ко-брендинга в России и мире, представлены результаты апробации предложенных автором теоретико-методологических подходов в условиях международных и российских ко-брендинговых альянсов.

Монография адресована руководителям коммерческих и некоммерческих организаций, бренд-менеджерам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем интересующимся последними тенденциями в теории и практике маркетинга и брендинга.

Ямалетдинова Г. А.

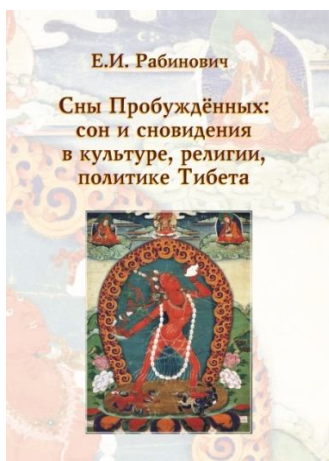
Система самоуправления учебно-познавательной деятельностью студентов в сфере физической культуры : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013. – 278 с.

ISBN 978-5-7741-0218-1

В монографии раскрывается сущность и специфика самоуправления учебно-познавательной деятельностью студента вуза с использованием средств физической культуры и возможностей модульно-проектных технологий.

Рассмотрены структура и содержание комплекса условий (организационно-функциональных, процессуально-содержательных, управленческих и информационных) повышения эффективности процессов самоуправления учебно-познавательной деятельностью для проектирования личностных программ здорового стиля жизни и управление ими.

Монография носит теоретико-методологический и эмпирический характер и предназначена для специалистов сферы физической культуры, преподавателей вузов, аспирантов и студентов вузов.

Рабинович Е. И.

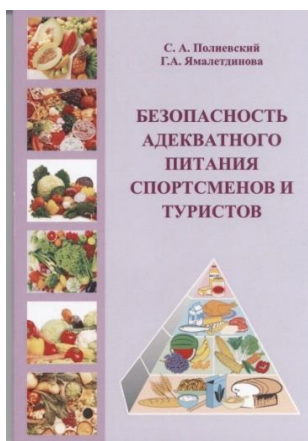
Сны Пробуждённых: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 200 с.

ISBN 978-5-7741-0196-2

Монография посвящена исследованию сна и сновидений как культурного феномена. Выявляются происхождение и эволюция представлений о сакральной природе сновидений в традиционных сообществах. Теоретические положения применяются автором к исследованию культурной модели сновидений в Тибете. Представлена и специфика культуры сновидений монгольских народов, исповедующих буддизм.

Читатель узнает, как из пространства снов индийских и тибетских святых возникали религиозные тексты, священные танцы, иконография божеств, актуальные политические модели. Познакомится с магическими практиками обретения пророческих сновидений, снами в тибетских житиях, явлениями божеств и кладами, извлеченными из мира снов. Увидит, как сновидения становились источником религиозных реформ и орудием политической борьбы.

Книга может быть полезна преподавателям и студентам гуманитарных факультетов – культурологам, религиоведам, востоковедам, историкам. Она адресована и широкому кругу читателей, интересующихся буддизмом Центральной Азии и иррациональными аспектами культуры в целом.

Полиевский С. А., Ямалетдинова Г. А.

Безопасность адекватного питания спортсменов и туристов : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 172 с.

ISBN 978-5-7741-0189-4

Авторы пособия рассматривают питание как важнейший фактор адаптации организма спортсменов и туристов к физическим нагрузкам.

Гигиеническая и экологическая адекватность питания, контроль за качеством продовольственного сырья и пищевых продуктов на всех этапах их получения, переработки и реализации, характеристика пищевых отравлений, врачебно-санитарный контроль за организацией питания спортсменов и туристов – актуальные проблемы, находящиеся в сфере научных интересов авторов.

Пособие предназначено для студентов спортивных вузов, факультетов БЖД, врачей, тренеров, спортсменов. Книга может представлять интерес и для работников пищеблоков, обеспечивающих питание спортсменов.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

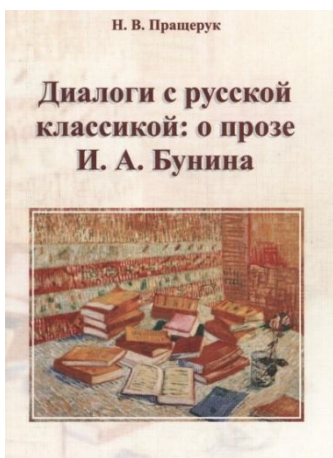
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антеверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

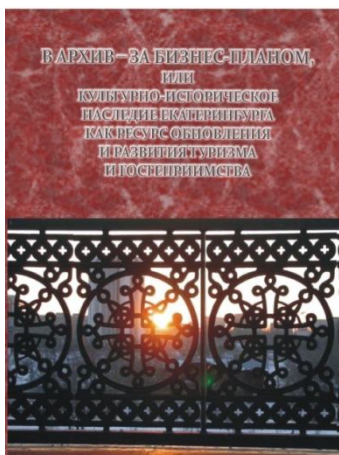
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философов-коммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краоведам, регионоведам, культурологам.

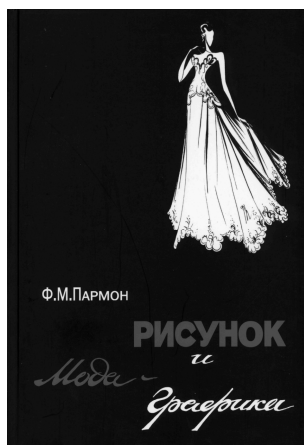
Майданова Л. М., Чепкина Э. В.

Медiateкст в идеологическом контексте : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 304 с.

ISBN 978-5-7741-0171-9

В монографии на материале советской и российской прессы нескольких последних десятилетий рассматриваются жанрово-стилистические изменения медиатекста, обусловленные сменой идеологического контекста. Авторы исследуют как соотношение советская/российская пресса, так и соотношение текстов разной идеологической направленности в российском медиадискурсе.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся проблемами журналистики, и на студентов факультетов журналистики.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов /натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru**

Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Лицензия на осуществление образовательной деятельности

серия 90Л01 № 0000079, рег. № 0074 от 29.05.2012 г.

Свидетельство о государственной аккредитации серия ВВ № 001701, рег. № 1683 от 25 мая 2012 г.

АСПИРАНТУРА

**В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе
принимаются граждане Российской Федерации,
имеющие высшее профессиональное образование
на уровне дипломированного специалиста или магистра
по следующим направлениям:**

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Социологические науки (39.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)
- Языкознание и литературоведение (45.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)

Срок обучения в аспирантуре
составляет 3 года (очная форма),
по заочной форме – 4 года.

Подготовка аспирантов в университете осуществляется:

- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе.

Прием в аспирантуру проводится в следующие сроки:

- прием документов: с 1 июня по 25 августа;
- вступительные экзамены: с 1 сентября по 15 сентября.

Телефоны приемной комиссии: (343) 369-10-11, 271-58-56

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации. Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2014. № 3 (6)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Е. А. Батюта
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Подписано в печать 31.10.2014.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 9,65
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19.
Лицензия № 0074 от 29.05.2012

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3